

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 1(4). Июнь, 2015

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 1. 2015.

ИСТОРИЯ

- Репухова О. Ю. **Мобилизационное планирование в Карелии в предвоенное десятилетие** 4 - 14
- Килин Ю. М. **Неизвестное сражение Карельского фронта в июле 1944 года** 15 - 22

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Paavonen T. **From national protection to global market economy Finnish foreign-trade policies and integration policies since World War II** 23 - 42

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Цумарова Е. Ю. **Символы в политике идентичности современной России** 43 - 49

ФИЛОЛОГИЯ

- Абросимова Д. Д. **Проповеди архимандрита Фаддея (Успенского) на страницах газеты «Олонецкие епархиальные ведомости»** 50 - 58

ЭКОНОМИКА

- Воронцова Е. А. **Индустрия туризма в условиях экономического кризиса: тенденции и перспективы развития** 59 - 67

Рецензии

- Смирнова А. А. **Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование)** 68 - 75

Хроника научных мероприятий

- Яровой Г. О. **«Ресурсы и безопасность в глобализированной Арктике»** 76 - 80

УДК 07.00.02

Мобилизационное планирование в Карелии в предвоенное десятилетие

РЕПУХОВА
Оксана
Юрьевна

*старший преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, repukhova@yandex.ru*

Ключевые слова:

СССР
Карелия
мобилизационная подготовка
приграничная территория
угрожаемые зоны
инфраструктурная подготовка
эвакуационная подготовка
мобилизационные планы
эвакуационные планы

Аннотация:

В статье исследована малоизученная история мобилизационного планирования в Карелии в 1930-х гг. Рассмотрена институционализация мобилизационной подготовки на региональном уровне. Проанализирована динамика угрожаемых зон приграничной Карелии. Основное внимание уделено вопросам реализации военно-гражданского инфраструктурного и эвакуационного планирования в предвоенное десятилетие в Карелии. Показано, что реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки в Карелии отставала от динамики роста угрожаемого пространства автономной республики. Во второй половины 1930-х гг. в КАССР осуществляли только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза был сокращен.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

В отечественной историографии разрабатываются концепции мобилизационной модели и мобилизационной подготовки, оказавшие существенное влияние на довоенную историю СССР [32, 36, 43, 47]. Исследователи активно изучают социально-экономические аспекты истории, роль границ и контактных зон в истории и культуре Карелии [30, 38, 48], историю политического, военно-стратегического, дипломатического, разведывательного противостояния СССР и Финляндии [33, 34, 35]. Постепенно формируется представление о динамике пограничной полосы в пространстве республики, повлиявшей на определение пограничного статуса Карелии [40, 41, 45]. При этом, мобилизационная подготовка, детерминировавшая эти процессы в межвоенный период, до сих пор не рассматривалась как специальный предмет исследования [43]. В данной статье исследуются вопросы военно-гражданского инфраструктурного и эвакуационного планирования в Карелии. Изучение истории мобилизационной подготовки в Карелии потребовало обращения к 9 фондам Государственного Архива РФ и более чем 10 фондам Национального Архива РК[1—27].

Во второй половине 1920-х гг. острые международные противоречия создали угрозы безопасности советского государства на западных (ухудшение и разрыв дипломатических отношений с Великобританией в 1926—1927 гг., осложнение отношений с Польшей в 1927 г. [29]) и дальневосточных рубежах (начало противостояния с Японией и разрыв отношений с Китаем в 1929 г. [29]). После потрясений начала 1920-х гг., положение на северо-западных рубежах страны регулировалось советско-финляндским Соглашением. [33; 109]. Вплоть до 1928 г. Финляндия рассматривалась как

нейтральное государство в случае военного конфликта с западными соседями СССР [33; 114].

С началом предвоенного десятилетия угроза безопасности страны на Дальнем Востоке сохранялась в связи с оккупацией Маньчжурии Японией [28; 114]. Но на первый план выдвинулась угроза со стороны стран западной пограничной полосы СССР: Финляндии, Латвии, Эстонии, Польши, Румынии [33; 115].

В ходе Международной конференции по разоружению 1932—1933 гг. Германия сначала добилась равноправия в рамках системы безопасности, а затем, вслед за Японией, вышла из Лиги Наций. На рубеже 1934—1935 гг. роль главного потенциального противника советского государства перешла к нацистской Германии. В июне 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение, которое создавало условия для усиления Германии на Балтике, что приветствовалось правой прессой Финляндии [33; 147]. Сохранялась напряженность и в советско-польских отношениях [28; 118]. Аншлюс Австрии Германией в марте 1938 г. определил угрозу безопасности западных рубежей страны как наиболее реальную [28; 120].

Угроза безопасности советского государства, вызванная ростом международных противоречий, усугублялась чрезвычайно протяженной границей страны и, в условиях неразвитой транспортной инфраструктуры, значительными расстояниями перевозок с целью эвакуации в сравнении с потенциальными противниками [36], относительной «прозрачностью» пограничных рубежей, сохранявшейся межгосударственной миграцией [42] и инерцией недоверия властей к населению приграничных территорий, на которых в 1920-х гг. происходили антисоветские выступления [33; 34; 35].

В условиях международной напряженности стержневой идеей приграничной политики советского государства в межвоенный период было стремление подготовить свои приграничные территории к длительной обороне от вторжения потенциального противника. Концепция приграничной политики, разработанная с учетом предвоенного опыта Российской империи начала XX в. [36], представляла собой комплексную систему мобилизационной подготовки советского государства, функционально нацеленную на пространственно-территориальную, инфраструктурную, социальную и эвакуационную подготовку приграничных территорий [43].

Пространственно-территориальная мобилизационная подготовка проводилась через введение системы пограничных полос и угрожаемых зон в зависимости от изменения внешнеполитических угроз [40, 41]. Инфраструктурной мобилизационной подготовкой было предусмотрено создание военно-гражданской инфраструктуры: транспортной, информационно-коммуникационной систем и военно-оборонительных сооружений. Социальная мобилизационная подготовка предполагала конструирование в приграничных территориях особой категории советского населения, на которую возлагались задачи обеспечения тыла армии в экономическом и политическом отношении в случае потенциального вторжения [46, 44].

Институционализация мобилизационной подготовки на общегосударственном уровне началась параллельно с утверждением концепции политической охраны государственной границы СССР в 1923 г. [31] с разработки нормативных документов и определения угрожаемых зон по степени опасности расположения на возможном театре военных действий. Сформулированные в течение 1923—1925 гг. цели и задачи мобилизационной подготовки были положены в основу разработанного Центральным Межведомственным Мобилизационным Комитетом (ЦММК) и утвержденного 11 августа 1926 г. Постановлением Совета Труда и Оборона СССР (СТО СССР) «Положения о подготовительном к войне периоде» [1]. Согласно «Положению», подготовительный период делился на первый подпериод (с момента осложнения международных отношений до момента выявления неизбежности столкновения — скрытая мобилизация) и второй подпериод (с момента выявления неизбежности столкновения до открытого объявления мобилизации — эвакуационная подготовка).

Основная часть подготовительных мероприятий разрабатывалась в рамках мобилизационных планов (МП) и относилась к первому подпериоду. Целью скрытой мобилизации являлись подготовка приграничных территорий к обороне и максимальное снижение издержек срочной эвакуации. Эвакуационная подготовка должна была обеспечить стабильное функционирование экономики в тыловых районах в экстремальных военных условиях и предполагала разработку эвакуационных планов (ЭП) [36]. В условиях первого подпериода под контролем органов государственной безопасности, ими непосредственно, или по согласованию с ними проводились все мобилизационные мероприятия [1].

Составление эвакуационного плана было возложено на Центральный мобилизационный отдел Наркомата Путей Сообщения (ЦМО НКПС). 3 марта 1927 г. Центральным Межведомственным Мобилизационным Комитетом был утвержден первый план эвакуации [14]. В 1928 г. СТО СССР утвердил

постановление «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов» [15]. Документом регулировались основные вопросы эвакуационной работы и формирование системы эвакуационных совещаний: Центральное Межведомственное Эвакуационное Совещание (ЦМЭС) при штабе РККА, окружные МЭС при штабах приграничных округов, ЦМО НКПС.

Проблемами инфраструктурной подготовки северо-западных пограничных территорий до конца 1926 г. занималась Административно-Финансовая комиссия (АФК) при СНК СССР во главе с В. П. Милютиным [16]. АФК была одной из подкомиссий специальной комиссии, созданной при СНК СССР для изучения состояния дел и улучшения положения населения пограничной полосы в Украине, Белоруссии и Северо-Западного края [37]. С привлечением соответствующих ведомств АФК разработала предложения по улучшению социально-экономического положения населения приграничных территорий, развитию информационно-коммуникационной и транспортной инфраструктуры, кадровой политики правоохранительных органов, советских учреждений и организаций.

Со своей стороны, карельское правительство выдвигало предложения по поддержке пограничных районов. Председатель СНК АКССР Э. А. Гюллинг еще в феврале 1925 г. предложил проект комплекса мероприятий, ориентированных на решение экономических и социальных проблем пограничных уездов Карелии [4]. Многие идеи, совпадавшие с общесоюзными мобилизационными интересами, высказанные в проекте карельского правительства, в дальнейшем были реализованы.

Существенный для инфраструктурной мобилизационной подготовки приграничных территорий вопрос об ограничении строительства крупных промышленных предприятий общесоюзного значения был поднят по инициативе Штаба РККА СССР в 1925 г. при разработке директивы по противовоздушной обороне [8; 4]. Ограничение развертывания производственных мощностей в приграничье, обеспечивающее снижение эвакуационной нагрузки, должно было сочетаться с установкой на ускоренное социально-экономическое развитие этих районов. На приграничные районы возлагалась задача обеспечения тыла армии в экономическом и политическом отношении, поэтому в них необходимо было развивать промышленность местного значения, сельское хозяйство, повышать уровень жизни населения [4; 33]. Стремление Штаба РККА в течение 1925—192 гг. унифицировать правила строительства в приграничных территориях сдерживалось настойчивыми попытками регионального руководства обойти предлагавшиеся военными ограничения [19].

Постановлением Расширенного Заседания ЦО СССР от 30 апреля 1928 г. были введены ограничения на строительство промышленных предприятий, имеющих важное государственное значение в Западной приграничной полосе [20; 3]. Постановление вызвало протесты со стороны регионального руководства субъектов СССР, на которые оно распространялось. В результате межведомственной борьбы постановление от 30 апреля 1928 г. осталось в силе, но было принято решение об индивидуальной оценке значения каждого проектируемого к постройке предприятия в Западной приграничной полосе [20; 4]. На этом основании по инициативе ВСНХ СССР, Карельская АССР была изъята из перечня территорий, где действовали ограничения на строительство, в период с 30 апреля по 13 июня 1928 г. для продолжения работ по введению в строй Кондопожской бумажной фабрики и Кондопожской электростанции [20, 6].

С принятием «Положения о подготовительном к войне периоде» подготовка и осуществление инфраструктурной мобилизационной подготовки в пограничных территориях были поручены мобилизационному аппарату, структура которого формировалась вне штатного расписания гражданских наркоматов, ведомств, предприятий и через Центральный Межведомственный Мобилизационный Комитет подчинялась ЦО СССР. Соответственно, при карельском правительстве было создано Межведомственное Мобилизационное Совещание (ММС). В секретариате СНК АКССР работали специальные инструкторы по мобилизационно-оборонной подготовке [2; 4], а во всех наркоматах, учреждениях и РИКах — мобилизационные ячейки. Для осуществления контроля и оказания помощи районным исполнительным комитетам в организации мобилизационной подготовки (составление заявок к мобилизационным планам, исполнение их) на места направлялись комиссии, в составе которых находились инструкторы по мобилизационной работе.

Для корректирования инфраструктурной подготовки в Западных пограничных районах при ЦИКах соответствующих республик и автономий были созданы специальные пограничные комиссии и пограничные фонды. В комиссии входили уполномоченный ЦИК по развитию пограничных районов, заместитель начальника ГПУ и руководители наркоматов.

Региональные пограничные фонды начали создавать с 1925 г., когда по требованию РВС СССР на местах были сформированы мобилизационные фонды [21]. Финансирование мобилизационной работы

предполагалось доленое с участием союзного бюджета, бюджетов автономной республики и областей.

В 1926 г., исходя из оперативной картины начального периода будущей войны на западном ТВД, Карельская АССР, г. Ленинград с прилегающим районом, Западная область РСФСР, БССР, Правобережье УССР и Крымская ССР были включены в состав Западной угрожаемой зоны СССР. С апреля 1927 г. Западная угрожаемая зона была разделена на секторы, что давало возможность корректировать вывоз людских и материальных ресурсов, проводя его лишь из того сектора, которому непосредственно угрожал противник: Северный, Белорусский, Украинский, Крымский, Северо-Кавказский [22]. Каждый сектор был разделен на первую и вторую угрожаемую зоны (по степени опасности расположения на театре военных действий). С 1928 г. в пределах первой угрожаемой зоны были определены особо угрожаемые районы. Так, в Карельском секторе первой угрожаемой зоны особо угрожаемыми районами считались Сямозерский, Видлицкий, Олонецкий, Святозерский и Прионежский, то есть, южные районы республики, которые прикрывали подступы к Ленинграду с севера и востока [36].

В течение предвоенного десятилетия размер угрожаемых территорий Карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР вырос на 49%. Если в 1930 г. к угрожаемой зоне относилось 6% (9265 кв. км), территории республики, в 1935 г. – 51% (72249 кв. км), то в 1938 г. – 55% (81333 кв. км) [43]. Для центральных властей стимулом к расширению угрожаемых территорий выступало, прежде всего, менявшееся со временем представление о степени угрозы безопасности для западных рубежей советского государства. В условиях долевого финансирования мобилизационной подготовки и «фактически» аннулированных особых бюджетных прав АКССР [33; 131], карельское правительство, учитывая дефицит республиканского бюджета, со своей стороны настаивало на увеличении числа угрожаемых районов, рассчитывая переложить недостающую часть средств на бюджет РСФСР. С марта 1929 г. правительство АКССР ходатайствовало перед СНК РСФСР о включении в список угрожаемых районов Кестенгского, Ухтинского, Ребольского, Петровского, Ругозерского [3]. В декабре 1932 г. — январе 1933 г. правительство Э. А. Гюллинга дважды обращалось в ЦМЭС с просьбой о включении в угрожаемую зону (первую и вторую) всей территории АКССР, кроме Пудожского района [11]. Но эти просьбы оставались без удовлетворения, а летом—осенью 1935 г. финское руководство республики было смещено.

В связи с заключением англо-германского морского соглашения к августу 1935 г. постановлением СНК РСФСР был уточнен список районов 1-й угрожаемой зоны по Карелии: Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ругозерский, Ребольский, Кестенгский, Калевальский (Ухтинский), Кандалакшский [9]. В 1938 г., прежде всего, в связи с напряженной внешнеполитической ситуацией, 1-ю угрожаемую зону Карельского сектора дополнили г. Петрозаводск, Кондопожский и Ведлозерский районы (образованный из частей Пряжинского и Олонецкого районов). Фактически, учитывая административно-территориальные изменения границ районов Карелии в 1930 г. и 1935 г., угрожаемые территории Карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР включали в себя 10 из 19 районов республики [23].

Динамика увеличения территории угрожаемой зоны определяла содержание мобилизационной подготовки в республике. В предвоенное десятилетие в ней можно выделить три периода: первый период продолжался с рубежа 1929—1930 гг. по 1934 г., второй — с 1935 г. по 1937 г., третий — с 1938 г. по начало 1939 г. Каждый период сопровождался изменением пределов угрожаемой зоны и корректированием планов мобилизационной и эвакуационной подготовки.

В течение первого и второго периодов были разработаны и введены в действие инструкции по проведению мобилизационной и эвакуационной подготовке в регионах страны. В 1930 г. СТО СССР издал «Наставление для разработки плана вывоза». В документе определялась структура органов и должностных лиц, на которые возлагалась эвакуационная подготовка в мирное время и проведение эвакуации в условиях военного времени. Вслед за ним в 1931 г. были разработаны "Наставления о мобилизационной оборонной работе" для управленческих структур всех уровней власти, вплоть до РИКов [2; 4]. Введение инструкций по составлению эвакуационных планов и мобилизационной подготовки позволило унифицировать процесс мобилизации на региональном уровне. Для низового административного аппарата был разработан список обязательных для хранения секретных документов по мобработе. По мере развития средств связи этот список сокращался [2; 25].

С февраля 1931 г. в РИКах были введены штатные должности инспекторов по мобилизационно-оборонной работе, которые получали допуск в органах ГПУ. Новые штатные единицы по мобилизационной работе вводились сразу и в пограничных, и тыловых районах Карелии [2; 22]. Указанием СНК РСФСР во всех районах АКССР с февраля 1931 г. были созданы суженные заседания президиумов райисполкомов. Главная их задача заключалась в проведении мобилизационной

подготовки на местах [2].

Для обучения мобилизационной подготовке управленцев всех уровней с зимы 1930—1931 гг. начали работать специальные курсы. Из Карелии мобработников направляли на курсы, организованные штабом ЛВО в Ленинграде с 20 января 1931 г. С февраля 1931 г. на основании "Временного положения об аттестовании мобработников", утвержденного СНК РСФСР 7 января 1931 г., при СНК АКССР была организована аттестационная комиссия мобработников. О том, какое значение придавалось мобилизационной подготовке, можно судить по составу комиссии: начальник ОГПУ АКССР (Л. Ф. Липовский), заместитель Наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (В. М. Ипатов), секретарь Карельского ЦИК (Х. Хейккинен) [2; 15].

Во втором полугодии 1934 г. в стране была проведена масштабная проверка состояния мобилизационной работы, которая выявила, что многие организации и ведомства продолжали относиться к формированию эвакуационных планов формально, подтверждая цифры заявок двухлетней давности без уточнения [9; 4]. Результатом проверки стал новый этап институционализации мобилизационной работы. В 1935 г. было издано общесоюзное положение о мобилизационной и оборонной работе. На его основе с февраля 1936 г. началась реорганизация мобработы в гражданских учреждениях и ведомствах Карелии. Существующие мобилизационные органы были переименованы: в Совнарком АКССР — в специальный отдел, в Наркоматах, областных учреждениях и организациях — в спецгруппы, в райисполкомах, горсоветах, предприятиях — в спечасты.

Для разрешения мобилизационных и оборонных вопросов были закреплены Суженные Заседания на уровне СНК, в райисполкомах и горсоветах. Сместить начальника мобилизационного органа можно было только с разрешения СНК республики. В случае разглашения военной тайны или хищения мобилизационных документов виновных лиц привлекали к ответственности во внесудебном порядке [11]. Начиная с 1935 г. возрос уровень контроля за проведением мобилизационной работы и соблюдением секретности. К 1937 г. была сформирована специальная штатная структура в учреждениях и организациях, выполнявшая мобилизационную подготовку на региональном уровне.

Планы инфраструктурной мобилизационной подготовки приграничной территории были рассчитаны в мобилизационных планах (МП) предвоенного десятилетия. Предполагалось ежегодное корректирование инфраструктурных мобилизационных планов и согласование их с эвакуационным планированием [1]. Но несогласованность действий наркоматов и ведомств и изменения в оценке угроз безопасности в предвоенное десятилетие приводили к нарушениям установленной периодичности. Так, действовавший с 1928 г. мобилизационный план подвергся срочным изменениям зимой 1929—1930 гг., он включал расчеты на 5 лет и вступил в силу с апреля 1930 г. [4] А уже 31 августа 1933 г. вступил в действие новый план, который получил наименование МП-3. Мероприятия оборонного строительства приграничных районов в нем были рассчитаны до 1937 г. Следующий мобилизационный план МП-4 был разработан и введен в действие с 1 июля 1935 г., раньше предполагаемого срока [9].

Мобилизационные планы содержали показатели по развитию дорожной, информационно-коммуникационной инфраструктуры, строительству тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии. Хуже всего обстояло дело с наиболее капиталоемким дорожным строительством. В ходе формирования дорожной инфраструктуры Карелии к концу 1932 г. из запланированных 1140 км дорог было построено лишь 436 км [24]. К концу 1937 г. из запланированных 3458 км дорог удалось построить лишь пятую часть [27]. Основная часть дорожного строительства велась в южных угрожаемых районах Карельского сектора.

Развитие средств связи Карелии в первой половине 1930-х гг. шло медленными темпами: если на рубеже 1920—1930-х гг. количество радиоточек в республике составляло 8702 (в пограничных районах — около 1500), то в конце 1933 г. — около 10 тыс. Достигнутые результаты сохранились в 1936 г. Основная масса радиоточек располагалась в г. Петрозаводске и ближайших районах [39]. В 1931 г. в республике насчитывалось 14 трансляционных радиоузлов и до 1933 г. было запланировано установить еще 7. Результаты проверок состояния средств коммуникации в пограничных территориях, проведенные летом 1936 г., привели к созданию союзным правительством перспективного плана установки радиотрансляционных точек, по которому в Карелии планировалось установить еще 6500 радиоточек в течении 1936—1937 гг. [18]. Форсирование строительства радиосети во второй половине 1930-х гг. обеспечило в начале следующего десятилетия вещание на 20 899 радиоточки 73 трансляционных радиоузлов в республике.

Развитию телеграфно-телефонной сети в Северо-Западной пограничной полосе было уделено внимание еще в проекте АФК В. П. Милютин. К рубежу 1920—1930-х гг. в Карелии действовало 103 почтовых и почтово-телеграфных предприятий, 59 телефонных станций и переговорных пунктов [5]. К

концу 1932 г. 7 районных центров из 20 имели телефонную связь с Петрозаводском, число телефонизированных сельсоветов составило 119 из 213. Вместе с тем, заявленная цель — полная телефонизация пограничных районов к концу десятилетия так и не была достигнута.

В 1935—1936 гг. была построена магистральная линия связи Ленинград — Петрозаводск — Мурманск, позволившая организовать междугородную телефонную связь. К 1937 г. завершилась телефонизация объектов оборонного строительства вдоль линий Сорока — Лехта, Андропова Гора — Кимасозеро, Пряжа — Сямозеро. Несмотря на очевидные успехи в создании телефонно-телеграфной связи и радиосвязи в республике, главной мобилизационной цели развития средств коммуникации — обеспечения оперативного оповещения о мобилизации — во второй половине 1930-х гг. достичь не удалось [17].

В отношении создания районной полиграфической базы и издания местных газет, поставленные задачи, напротив, были решены. В 1930 г. помимо типографии им. Анохина в Петрозаводске действовали типографии в Кемии, Олонце и Пудоже, а уже в 1938 г. типографии имелись во всех районах республики. В первую очередь типографии открывались в пограничных районах. Издание 18 районных газет было запланировано к 1937 г., но уже в 1936 г. все они выпускались [39].

В планах формирования инфраструктуры пограничных районов большая часть финансовых затрат (до 20% ежегодно) выделялась на решение проблем здравоохранения [26]. Анализируя в начале 1930-х гг. состояние мобилизационной подготовки в области здравоохранения, СЗ СНК АКССР вынуждено было признать отставание развития медицинской сети в пограничных районах Карелии от тыловых [2; 19]. Остро стоял вопрос пополнения неприкосновенного запаса медицинско-санитарно-хозяйственного имущества в пограничных районах. Отчасти его решили направив к концу десятилетия в районы перевязочный и хирургический материал, оборудование для 110 коек, 4 дезинфекционные камеры, 27 пищевых лабораторий и другое оборудование [9; 119]. Для решения кадрового дефицита в медицинских учреждениях Наркомздрав обязали направлять в пограничные районы не менее 60% прибывавших в Карелию медработников. К концу десятилетия в пограничные районы было направлено 40 врачей по спецраспределению [9; 120].

Значительную часть мобилизационных планов составляло строительство тыловых сооружений, необходимых для обеспечения действий армии. В рамках оборонного строительства в республике предполагалось возводить только те объекты, которые можно было быстро или свернуть, или ликвидировать в случае необходимой эвакуации. Исключением был Онежский завод, реконструкцию которого планировалось осуществить к 20 марта 1931 г. и обеспечить импортным оборудованием оборонного значения [2; 20]. Сумма ассигнований на оборонное строительство в карельском секторе в течение десятилетия сокращалась: в 1931 г. она составляла 5637,5 тыс. руб. [2], в 1935 г. — 917 тыс. руб. [9; 46]. Количество объектов оборонного строительства по МП-4 превышало титульный список 1931 г. на 7 единиц и составляло 42 единицы, но масштаб строительства был меньше. Самые значительные затраты предполагались на строительство стратегически важного тракта Парандово — Реболы (перегон Муезеро — Емельяновка) [9; 32]. Из предприятий предполагалась только достройка хлебозавода в г. Петрозаводске и механической хлебопекарни в Олонецком районе. Больше внимание уделялось строительству машинно-тракторных станций (МТС), если в 1931 г. их было только 2, то в 1935 г. уже 10, а в 1937 г. 21 [27].

Планы мобилизационной подготовки по созданию инфраструктуры пограничных районов не выполнялись в полном объеме из года в год. Это было вызвано сокращением финансирования МП карельского сектора Западной угрожаемой зоны СССР, несогласованностью и чрезмерной бюрократизацией процесса принятия решений, ограниченными ресурсами рабочей силы в республике. Во второй половине 1930-х гг. выполнение некоторых направлений МП было форсировано: создание радио и телефонной сети, сети здравоохранения, ветеринарных лечебниц, МТС. При общем невыполнении МП способствовали формированию дорожной, информационно-коммуникационной и социальной инфраструктуры в пограничных районах.

Параллельно мобилизационной подготовке разрабатывались эвакуационные планы. С рубежа 1929—1930 гг. по 1934 г. в карельском секторе предполагалась только эвакуация, в отличие от других угрожаемых территорий Западной приграничной полосы, в которых планировался режим разгрузки в первый подготовительный период и эвакуации во второй. Обусловлено это было оценкой угроз, незначительным числом подлежащих вывозу людей и предприятий в Карелии, достаточным количеством подвижного состава, необходимого для эвакуации. Число людей и предприятий, подлежащих вывозу в этот период, постепенно увеличивалось. В эвакуационный план 1930 г. был включен Онежский завод, в 1931 г. — Кондопожская бумажная фабрика и электростанция, слюдяная

фабрика, как находившиеся в угрожаемой зоне [2; 24]. Число людей, подлежащих эвакуации соответственно составило 5582 [10] и 6537 [2]. Необходимость вывоза оборудования с предприятий потребовала увеличить число вагонов (с 801, из них 640 вагонов предназначалось для Онежского завода, в 1930 г., до 1031 вагонов в 1931 г.) и срока эвакуации в 1930 г. с 10 до 20 дней [10; 2].

Мобилизационный отдел НКВД РСФСР (МО НКВД РСФСР) базой эвакуации людского контингента и оборудования Онежского завода определил Воткинский завод в Удмуртии [10]. Местом эвакуации для Олонецкого района был определен г. Вятка с маршрутом следования водным путем до пункта назначения без перевалки в Череповце (как было определено по эвакуационному плану 1928 г.) [2]. Для других районов республики станцию назначения определили с. Вытегра Ленинградской области (вместо Вологды, как это было определено в 1928 г. [2; 15]).

С 1935 г. по 1938 г., несмотря на рост числа угрожаемых районов, число людей и предприятий, подлежащих вывозу из Карелии, сокращалось. В эвакуационный план 1935 г. СЗ СНК АКССР подготовил заявки на вывоз грузов в количестве 5919 т. и людских контингентов в количестве 8270 человек. Количество людских контингентов выросло в сравнении с 1931 г. за счет включения в их состав иностранных рабочих лесорубов. Их вывоз номенклатурой не предусматривался, но карельское правительство настоятельно просило ЦМЭС принять их в эвакуационный план вывоза [9; 4]. Заявка Карелии на эвакуационный вывоз не только не была удовлетворена, но, напротив, сокращена из-за планов первоочередного сосредоточения подвижного состава в Украинском и Белорусском секторах Западной угрожаемой полосы. В сводном плане 1935 г. для АКССР было установлено количество людского контингента лишь в 3096 человек, почти в 2 раза меньше, чем в 1930 г. Количество предполагаемого к вывозу ценного груза составило 5074,25 т., в два с лишним раза меньше, чем в 1931 г. Эвакуационный план 1938 г. предусматривал дополнительные сокращения: вывоз квалифицированной рабочей силы — 1743 человека и ценного груза — 4183,2 т. [13; 35].

Начиная с 1935 г. СЗ СНК АКССР настаивало на изменении режима мобилизационной подготовки в Карелии, требуя проводить вывоз людей и ценного груза не автоматически с объявлением мобилизации, а в режиме разгрузки по особому распоряжению Наркомата Обороны, также, как в других секторах Западной угрожаемой зоны СССР [9; 35]. То есть, в первый подготовительный период потенциально угрожаемые районы предполагалось максимально разгрузить для снижения эвакуационной нагрузки, в том числе, с целью сокращения потребности в подвижном составе. Перенос основных мобилизационных мероприятий по Карелии в первый подготовительный период позволял не только решить возможные проблемы срочной эвакуации, но и способствовал форсированию в 1935 г. принудительной территориальной мобильности населения приграничных районов.

В результате пересмотра руководством СССР угроз безопасности во второй половине 1930-х гг. площадь Карельского сектора Западной угрожаемой полосы выросла до 81333 тыс. кв. км, охватив 55% территории республики. Реализация запланированных показателей инфраструктурной военно-гражданской мобилизационной подготовки в Карелии отставала от динамики роста угрожаемого пространства автономной республики. Поэтому, со второй половины 1930-х гг. в АКССР были форсированы только не требовавшие значительных финансовых вложений и объема строительных работ направления мобилизационных планов, а объем эвакуационного вывоза — сокращен. Основные мероприятия мобилизационной подготовки были переведены в план скрытой мобилизации.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список источников и литературы

Источники

1. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 5А. Д. 243. Л. 58—62; ГАРФ Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 12—13.
2. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 1.
3. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 129. Л. 18.
4. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 162.
5. Краткий статистико-экономический справочник 1923—1933 гг. Петрозаводск: Изд-во СНК АКССР, 1933.
6. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 101. Л. 290; НАРК. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 31. Л. 20.
7. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 93. Л. 4.
8. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 269. Л. 8.
9. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 10.

10. НАРК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 454.
11. НАРК. Ф. 690. Оп. 10. Д. 3. Л. 2.
12. ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 10. Д. 217. Л. 2.
13. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 5.
14. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.
15. ГАРФ. Ф. 3478. Оп. 7. Д. 723. Л. 4—27.
16. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 6А. Д. 35. Л. 43.
17. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 29. Л. 47.
18. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 3. Д. 840. Л. 238.
19. ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 16. Л. 154, 217.
20. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 8.
21. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 5А. Д. 257. Л. 3—4.
22. ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
23. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 41. Л. 35.
24. НАРК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 118. Л. 3—4.
25. НАРК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 16.
26. НАРК. Ф. Р-690. Оп. 10. Д. 2. Л. 144.
27. НАРК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 411; Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1103. Л. 34.

Литература:

28. Голубев А. В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 108—127.
29. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // *Отечественная история*. 2008. №1. С. 36—58.
30. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования / Ред. О.П. Илюха, И. И. Муллонен. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 258 с.
31. Ежуков Е. Л. Становление концепции защиты и охраны границы советского государства // *Власть*. 2008. № 12. С. 104—107.
32. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х— середина 1930-х) М.: ОГИ, 2008. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
33. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920—1941 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 275 с.
34. Килин Ю. М. Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрэн Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. С. 166—173. [Электронный ресурс]. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=2922>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
35. Лайдинен Э. П. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.) / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. Петрозаводск: Verso, 2013. 295 с.
36. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 157 с.
37. Нэх В. Ф. Организационно-правовые меры обеспечения военной и пограничной безопасности западных приграничных регионов СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://crazyprofess-com-ua.1gb.ua>, свободный. (Дата обращения 10.10.2015).
38. Репухова О. Ю. Реакция населения Карелии на мероприятия советской власти в начале 30-х годов XX века // *Наука и современность—2011: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции*. Новосибирск, 2011. С. 131—136.
39. Репухова О. Ю. СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии) // *Краеведческие чтения. Материалы VII научной конференции (14—15 февраля 2013 г.)*. С. 183—195.
40. Репухова О. Ю. Формирование системы пограничных полос в Карелии в 1920—х гг. // *Армия и общество*. 2014. № 2 (39). С. 123—129.
41. Репухова О. Ю. Система пограничных полос в Карелии в 1930-х годах // *В мире научных*

открытий. 2014. № 11.8 (59). С. 3216—3228.

42. Репухова О. Ю. Карельская таможня в 1920-х годах // Научный электронный журнал *Carelica*. 2014. № 2. (12). С. 20—33. [Электронный ресурс]. URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/2_2014_\(12\)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godah.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/2_2014_(12)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godah.html), свободный. (Дата обращения 10.10.2015).

43. Репухова О. Ю. Мобилизационная подготовка в Карелии в предвоенное десятилетие // Ученые записки ПетрГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1(146). С. 34—40.

44. Репухова О. Ю. Операция органов государственной безопасности 1933 года в контексте мобилизационной подготовки Западной пограничной полосы СССР (Карельский сектор) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. С. 38—43.

45. Репухова О. Ю. Историография пространственно-территориальной мобилизационной подготовки советского государства в межвоенный период: карельский участок / Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития материалы Международного форума. Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, 2014. С. 204—206. [Электронный ресурс]. URL: <http://euronorth.petrus.ru/doc/euronorth2014.pdf>, свободный. (Дата обращения: 10.10.2015).

46. Романова И. «Зона»: Беларусь 1930-х годов с советской стороны границы // *Спадщина*. 2001. № 12. С. 11—134.

47. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2011. № 2. С. 3—12.

48. Филимончик С. Н. Процессы модернизации на европейском Севере России в 1920—1930-х годах: социально-экономические аспекты // *Российская история*. 2009. № 3. С. 185—194.

REFERENCES

1. GARF. F. R-5446. Op. 5A. D. 243. L. 58—62; GARF F. 8418. Op. 1. D. 111. L. 12-13.
2. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 1.
3. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 129. L. 18.
4. NARK F. R-690. Op. 1. D. 162.
5. Brief Statistics and Economic Handbook 1923—1933. [Kratkiy statistiko-ekonomicheskiy spravochnik 1923—1933]. Petrozavodsk: Izd-vo SNK AKSSR, 1933.
6. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 101. L. 290; NARK. F. P-3. Op. 3. D. 31. L. 20.
7. NARK. F. R-690. Op. 1. D. 93. L. 4.
8. GARF. F. 5446. Op. 5A. D. 269. L. 8.
9. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 10.
10. NARK. F. P-3. Op. 2. D. 454.
11. NARK. F. 690. Op. 10. D. 3. L. 2.
12. GARF. F. R-8418. Op. 10. D. 217. L. 2.
13. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 5.
14. GARF. F. 8418. Op. 1. D. 73. L. 6.
15. GARF. F. 3478. Op. 7. D. 723. L. 4—27.
16. GARF. F. R-5446. Op. 6A. D. 35. L. 43.
17. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 29. L. 47.
18. NARK. F. R-690. Op. 3. D. 840. L. 238.
19. GARF. F. 5674. Op. 1. D. 16. L. 154, 217.
20. GARF. F. 8418. Op. 2. D. 8.
21. GARF. F. 5446. Op. 5A. D. 257. L. 3—4.
22. GARF. F. 8418. Op. 1. D. 83. L. 6.
23. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 41. L. 35.
24. NARK. F. R-624. Op. 1. D. 118. L. 3—4.
25. NARK. F. R-700. Op. 1. D. 1103. L. 16.
26. NARK. F. R-690. Op. 10. D. 2. L. 144.
27. NARK. F. R-1690. Op. 1. D. 411; F. R-700. Op. 1. D. 1103. L. 34.
28. Golubev A. V. "Russia Can Rely Only On Itself": Ideas About a Future War in the Soviet Society of the

1930s [«Rossiya mozhetsya polagatsya lish na samu sebya»: predstavleniya o budushey voyne v sovetskom obschestve 1930-h godov] // *Otechestvennaya Istoriya*. 2008. № 5. S. 108—127.

29. Golubev A. V. Soviet Society And the "War Alert" 1920 in 1920s [Sovetskoe obschestvo i «voennyye trevogi» 1920-h godov] // *Otechestvennaya Istoriya*. 2008. № 1. S. 36—58.

30. Granitsy and Contact Zones in the History and Culture of Karelia and Adjacent Regions. Humanities Research [Granitsyi i kontaktnye zony v istorii i kulture Karelii i sopredelnykh regionov. Gumanitarnyye issledovaniya] / Ed. O. P. Ilyukha, I. I. Mullonen. Vyp. 1. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, 2008. 258 s.

31. Ezhukov E. L. Formation of the Concept of Protection and the Protection of the Borders of the Soviet State [Stanovlenie kontseptsii zaschityi i ohranyi granitsyi sovetskogo gosudarstva] // *Vlast'*. 2008. № 12. S. 104—107.

32. Ken O. Mobilization Planning and Political Decisions (the End of the 1920s and mid-1930s) [Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-h — seredina 1930-h)]. M: OGI, 2008, 512 s. [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com> (accessed 10.10.2015).

33. Kilin Y. M. Karelia in the Policy of the Soviet State in 1920—1941. [Kareliya v politike sovetskogo gosudarstva 1920—1941]. Petrozavodsk. Petrozavodsk State University, 1999. 275 s.

34. Kilin Y. M. Review of the book : Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Elfvengren E., Laidinen E. P. Spying on the Eastern Border. Intelligence Activities of the General Staff of the Finnish Army in the Soviet Karelia in 1918—1939.) [Shpionazh za vostochnoy granitsej. Deyatel'nost' razvedki General'nogo shtaba finskoy armii v Sovetskoy Karelii v 1918—1939 gg.] // *Studia Humanitatis Borealis*. 2013. № 1. S. 166—173. [Electronic resource]. URL: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=2922> (accessed 10.10.2015).

35. Laidinen E. P. Finnish Intelligence Against the Soviet Russia. Special Services in Finland and Their Intelligence Activities in the North-West of Russia (1914—1939) [Finskaya razvedka protiv sovetskoy Rossii. Spetsialnyie sluzhby Finlyandii i ikh razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Severo-Zapade Rossii (1914—1939)] / E. P. Laidinen, S. G. Verigin. Petrozavodsk: Verso, 2013. 295 s.

36. Meliya A. A. Mobilization Preparation of the Economy of the USSR. [Mobilizatsionnaya podgotovka narodnogo khozyaystva SSSR]. M.: Alpina Business Books, 2004. 157 s.

37. Neh V. F. Organizational and Legal Measures to Ensure Military and Border Security of the Western Border Regions of the USSR. [Organizatsionno-pravovyye mery obespecheniya voennoy i pogranychnoy bezopasnosti zapadnykh prigranychnykh regionov SSSR]. [Electronic resource]. URL: <http://crazyprofess-com-ua.1gb.ua> (accessed 10.10.2015).

38. Repuhova O. The Reaction of the Population of Karelia to the Soviet Power's Policies in the early 1930s. [Reaktsiya naseleniya Karelii na meropriyatiya sovetskoy vlasti v nachale 30-h godov XX veka] // *Nauka i sovremennost': Sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 2011. S. 131—136.

39. Repuhova O. Media as a Channel of Interaction Between Society and the State in the 1930s (Case Study Karelia) [SMI kak kanal vzaimodeystviya obschestva i gosudarstva v 1930-h godakh XX veka (na primere Karelii)]. *Kraevedcheskie chteniya. Materialy VII nauchnoy konferentsii (14—15 fevralya 2013 goda)*. S. 183—195.

40. Repuhova O. Formation of System of Border Lines in Karelia in the 1920s. [Formirovanie sistemy pogranychnykh polos v Karelii v 1920-h gg.]. // *Armiya i obschestvo*. 2014. № 2 (39). S. 123—129.

41. Repuhova O. System of the Border Lines in Karelia in 1930s. [Sistema pogranychnykh polos v Karelii v 1930-h godakh] // *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2014. № 11.8 (59). S. 3216—3228.

42. Repuhova O. Y. Karelian Customs in 1920 [Kare'lskaya tamozhnya v 1920-h godakh] // *Nauchnyi elektronnyi zhurnal Carelica*. 2014. № 2. (12). S. 20—33. [Electronic resource]. URL: [http://carelica.petsu.ru/CARELICA/_2_2014_\(12\)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godakh.html](http://carelica.petsu.ru/CARELICA/_2_2014_(12)/Articles/Entries/2014/11/28_KARELSKAA_TAMOZNA_V_1920-h_godakh.html) (accessed 10.10.2015).

43. Repuhova O. Mobilization Preparations in Karelia in Prewar Decade [Mobilizatsionnaya podgotovka v Karelii v predvoennoe desyatiletie] // // *Uchenyye zapiski PetrGU. Seriya Obschestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 2015. № 1 (146). S. 34—40.

44. Repuhova O. Operation of the State Security Service in 1933 in the Context of the Mobilization Preparation of the Western Frontier Zone of the USSR (Karelian sector) [Operatsiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti 1933 goda v kontekste mobilizatsionnoy podgotovki Zapadnoy pogranychnoy polosy SSSR (Karel'skiy sektor)] // *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy: sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / Pod obsch. red. S. S. Chernova*. Novosibirsk: Publishing TSRNS, 2015. S. 38—43.

45. Repuhova O. Historiography of the Space-Territorial Mobilization Preparation of the Soviet State in the Interwar Period: Karelian Area. [Istoriografiya prostranstvenno-territorial'noy mobilizatsionnoy podgotovki sovetskogo gosudarstva v mezhoennyiy period: karelskiy uchastok // Klassicheskiy universitet v prostranstve transgranichnosti na Severe Evropy: strategiya innovatsionnogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnogo foruma. Petrozavodskiy gosudarstvenniy universitet]. Petrozavodsk, 2014. S. 204—206. [Electronic resource]. URL: <http://euronorth.petrso.ru/doc/euronorth2014.pdf> (accessed 10.10.2015).

46. Romanova I. "Zone": Belarus in 1930s From the Soviet Side of the Border [«Zona»: Belarus 1930-h godov s sovetsoy storony granitsy] // *Spadchina*. 2001. № 12. S. 11—134.

47. Senyavsky A. Soviet mobilization model of industrial modernization: historical and theoretical problems [Sovetskaya mobilizatsionnaya model industrialnoy modernizatsii: istoriko-teoreticheskie problemy] // *Prepodavanie istorii i obschestvoznaniya v shkole*. 2011. № 2. S. 3—12.

48. Filimonchik S. N. Processes of Modernization in the European North of Russia in 1920-1930: Socio-Economic Aspects [Protsessy modernizatsii na evropeyskom Severe Rossii v 1930-h godakh: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty] // *Rossiyskaya istoriya*. 2009. № 3. S. 185—194.

Mobilization planning in Karelia in prewar decade

REPUHOVA
Oksana

*Senior Lecturer,
Department of Russian History,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, repukhova@yandex.ru*

Keywords:

Soviet Karelia
mobilization training
border area
threatened area
infrastructure preparation
evacuation preparations
mobilization plans
evacuation plans.

Summary:

The paper explores the poorly studied history of mobilization planning in Soviet Karelia in 1930s. The institutionalization of mobilization preparations at the regional level and the dynamics of threatened border areas of Karelia are considered. The article is focused on the implementation of civil-military infrastructure and evacuation planning in prewar decade in Soviet Karelia. It is shown that the implementation of the planned indicators of infrastructural civil-military mobilization preparations in Karelia lagged behind the pace of extension of the threatened areas of the autonomous republic. Construction works that didn't require substantial financial investments were only performed in the autonomous republic in the second half of the 1930s, and evacuation volumes had been reduced.

УДК 94(4)"1939/45"

Неизвестное сражение Карельского фронта в июле 1944 года

КИЛИН
Юрий
Михайлович

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений, Институт
истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

Великая Отечественная война
Карельский фронт
сражение в районе озера Ниетъярви
неизвестное сражение в июле 1944
года
4-й стрелковый корпус
37-й гвардейский стрелковый
корпус

Аннотация:

В статье освещается решающее сражение частей 7-й армии Карельского фронта северо-восточнее г. Питкяранта, на фронте между оз. Vuortanaajarvi и Ладожским озером, в середине июля 1944 г. В российской историографии Великой Отечественной войны до настоящего времени нет специальных работ, посвященных этому ключевому эпизоду т.н. Петрозаводско-Свирской операции. Тактический прорыв в районе оз. Ниетъярви, достигнутый частями 4-го стрелкового корпуса 15–17 июля 1944 г., был блокирован финскими войсками. 7-я армия не выполнила поставленную ей задачу по овладению г. Сортавала и продвижению в направлении Миккели, в результате чего Ставка ВГК была вынуждена отказаться от достижения цели операции — безоговорочной капитуляции финской армии, захвата всей юго-восточной Финляндии и ускоренного вывода этой страны из войны.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Замысел операции 7-й армии

Четвертая стратегическая наступательная операция Красной Армии началась 10 июня 1944 г. на Карельском перешейке. Операция проводилась силами двух фронтов: удар наносили две армии правого фланга Ленинградского фронта (21-я и 23-я армии), на левом фланге Карельского фронта действовали 7-я и 32-я армии, которые переходили в наступление через 10 суток после начала активных действий Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Целью операции, как следует из документов Генштаба РККА, была безоговорочная капитуляция финской армии. Ее результатом должно было стать овладение всей юго-восточной Финляндией и быстрый вывод этой страны из войны для обеспечения правого фланга группы фронтов, которые должны были участвовать в операции «Багратион». Готовясь к этой крупномасштабной операции, Ставка выделила для действий против финской армии ограниченные силы и средства. Действовавшие в южной Карелии и на Карельском перешейке войска не имели значительного перевеса над противником в живой силе, значительно превосходя его лишь по танкам, артиллерии и авиации. В южной Карелии 7-я и 32-я армии до начала операции уступали в силе финской группе войск «Олонец». По этой причине Ставка решила отложить начало операции по форсированию р. Свирь частями 7-й армии, ожидая переброски значительных сил противника из южной Карелии на Карельский перешеек.

После прорыва 14 июня частями 109-го стрелкового корпуса второго оборонительного рубежа финнов Ваммелсуу — Тайпале (VT-asema) в западной части Карельского перешейка в районе д. Куутерселькя перед 21-й и 23-й армиями открылся оперативный простор для быстрого выхода на промежуточный рубеж Лаппеенранта — Выборг для развития успеха в направлении Хельсинки. Тыловой оборонительный рубеж финнов Выборг — Купарсаари — Тайпале (VKT-asema) штаб Ленинградского фронта не считал серьезным препятствием.

Утром 15 июня главнокомандующий финской армией маршал К. Г. Маннергейм сообщил по телефону только что назначенному командующим группой войск «Олонец» (Aunuksen Ryhmä)¹ генерал-лейтенанту П. Талвела о прорыве второго оборонительного рубежа на Карельском перешейке, приказав частям группы войск «Олонец» отойти на рубеж р. Свирь в готовности к дальнейшему отходу. Для усиления войск на Карельском перешейке из Южной Карелии, как и рассчитывала Ставка ВГК, была спешно переброшена почти половина войск: 4 из 8 пехотных дивизий (4-я пд, 6-я пд, 11-я пд и 17-я пд), одна из трех пехотных бригад (20-я пбр), и одно корпусное управление (5-й АК) [3; 224]. Эта стратегический маневр дал финскому командованию возможность стабилизировать положение на Карельском перешейке: к 4 июля безрезультатно завершилась операция 21-й армии по прорыву тылового оборонительного рубежа финнов в районе д. Ихантала [3; 146—177]. К 16 июля, после неудачных операций 59-й армии в Выборгском заливе [3; 194—205] и 23-й армии в районе Вуосалми [3; 206—219], активные действия войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке были прекращены. Позиционная война здесь продолжалась до прекращения боевых действий 4—5 сентября 1944 г.

Незадолго до приостановки наступления на Карельском перешейке Ставка ВГК решила добиться успеха на направлении Сортавала и Лоймола с последующим выходом вглубь Финляндии. Вслед за овладением г. Сортавала в наступление переходили перегруппировавшиеся войска Ленинградского фронта, действовавшие на Карельском перешейке. К 13 июля 1944 г. части 7-й армии Карельского фронта вышли к тыловому оборонительному рубежу группы войск «Олонец» (U-asema)² (карта 1). Этот 55-километровый оборонительный рубеж к лету 1944 г. не был завершен, на нем насчитывалось до 25 ДЗОТов, 12 бетонных ДОТов, траншеи полного профиля и проволочные заграждения вдоль всей линии обороны. На танкоопасных направлениях были сооружены противотанковые препятствия и минные заграждения [1; 175—176].

На северном фланге участка наступления войск Карельского фронта две стрелковые дивизии 32-й армии (176-я и 289-я сд) вели бой за овладение узлом дорог и крупным населенным пунктом Поросозеро. Начиная с 10 июля основные силы ударной группировки 7-й армии, вышли к тыловому оборонительному рубежу финской армии (U-asema) на участке Питкяранта, Лоймола. 10 июля части 4-го стрелкового корпуса генерал-майора П. В. Гнедина овладели г. Питкяранта. По оценке штаба 7-й армии, финские 5-я и 8-я пехотные дивизии понесли потери до 50% личного состава, временно утратили боеспособность и могли быть выведены в тыл для оборудования оборонительного рубежа между оз. Янисъярви и Ладожским озером. Ошибочно оценив положение, штаб 7-й армии отдал приказ о переходе к преследованию противника: севернее вдоль дороги Колатсельга — Сортавала к преследованию перешел 127-й легкий стрелковый корпус генерал-майора Г. В. Голованова, южнее, вдоль побережья Ладожского озера на Сортавала — 4-й стрелковый корпус. В ночь с 10 на 11 июля войска подошли к тыловому оборонительному рубежу (U-asema), попытавшись прорвать его с ходу (карта 1). Безрезультатные атаки двух корпусов, общая численность которых составляла до 23 тыс. человек, продолжались два дня, после чего, убедившись в наличии у финнов здесь заранее подготовленного оборонительного рубежа, штаб 7-й армии изменил план операции [3; 240].

Согласно составленному 13 июля плану операции, оборонительный рубеж финнов между Лоймола и Ладожским озером 7-я армия прорывала силами четырех корпусов. На правом фланге в направлении Лоймола вдоль дороги наступали основные силы 99-го стрелкового корпуса генерал-майора С. П. Микульского. На направлении главного удара на Китиля наступали два корпуса: из района г. Питкяранта вдоль береговой дороги на Китиля, и из района оз. Ниетъярви действовал 4-й стрелковый корпус, северо-восточнее, вдоль дороги на Леметти — Китиля — основная ударная сила 7-й армии 37-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта П. В. Миронова. Общая численность войск, сосредоточенных на 15-километровом участке между оз. Вуортанаярви и Ладожским озером, достигала 45 тыс. человек. Выведенный во второй эшелон ударной группировки 127-й легкий стрелковый корпус, которым после ранения генерал-майора Г. В. Голованова с 13 июля командовал генерал-майор З. Н. Алексеев, 14 июля получил приказ о переброске на направление Лоймола [3; 240, 242]. За оборону тылового оборонительного рубежа (U-asema) отвечали две пехотные дивизии 6-го армейского корпуса и

7-я пехотная дивизия, оборонявшаяся на направлении Лоймола. В резерве 6-го армейского корпуса в районе Импилахти находилась 15-я пехотная бригада (карта 1).

Карта 1. Источник: Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942—1944. Keuruu, 2008. S. 241.

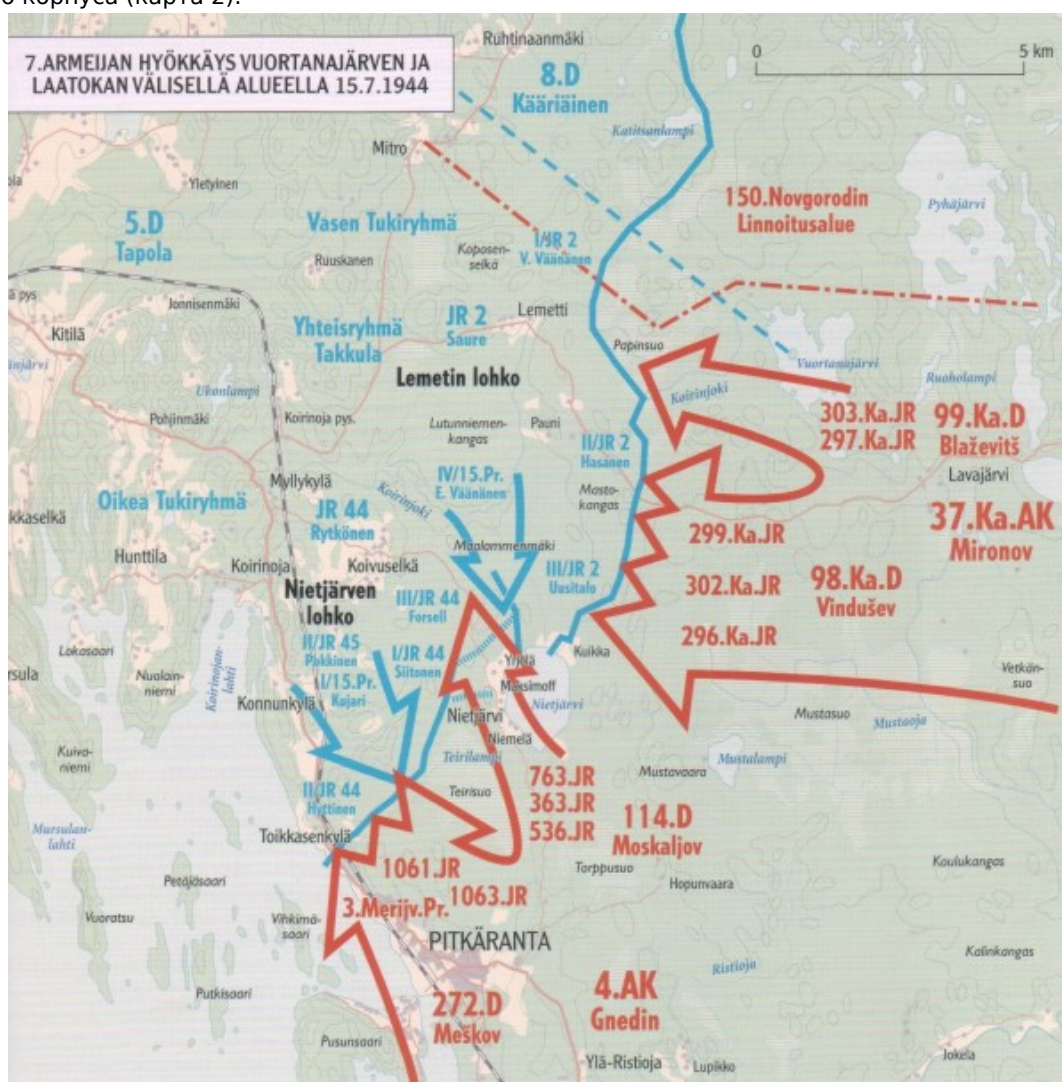
За оборону 13-км участка от Ладожского озера до района севернее Леметти отвечала 5-я пехотная дивизия генерал-майора К. Тапола. По обе стороны дороги юго-восточнее Леметти оборону занимал 2-й пехотный полк полковника Х. Сауре, правее, между оз. Ниетъярви и Ладожским озером — 44-й пехотный полк подполковника И. Рюткёнена. Действия финских войск на оборонительном рубеже поддерживала сильная артиллерийская группировка в составе семи дивизионов, разделенная на правую и левую артиллерийские группы. Между ними действовала артиллерийская группа войск «Олонец» в составе четырех дивизионов и одной батареи. В пределах дальности стрельбы действия войск из района Импилахти поддерживал и 13-й артиллерийский полк береговой артиллерии. До начала штурма оборонительного рубежа финскому командованию удалось создать мощную артиллерийскую группировку, пристрелять цели, накопить достаточный запас снарядов, согласовать маневр огнем. Кроме того, в полосе обороны 5-й пехотной дивизии финскому командованию создало сильную противоздушную оборону в составе девяти легких противоздушных батарей 11-го полка ПВО.

Еще до начала штурма, в ходе боев 12 июля, 44-й пехотный полк оставил часть основного оборонительного рубежа в районе хутора Ниемеля на юго-западном берегу оз. Ниетъярви. В качестве нового участка главного рубежа обороны войска оборудовали позиции в районе хутора Максимофф. За ним на небольших высотах к обороне был подготовлен последний рубеж, отличавшийся тем, что противотанковый ров был вырыт не перед траншеями, а за ними (карта 2).

14 июля завершилась перегруппировка частей 37-го гвардейского стрелкового и 4-го стрелкового корпуса. На фронте между озерами Vuortanaajärvi и Nietyjärvi сосредоточились две дивизии 37-го гвс: правее между оз. Vuortanaajärvi и дорогой на Леметти — 99-я гвсд полковника И. И. Блажевича, левее

— 98-я гвсд полковника К. Н. Виндушева, 299-й гвсп которой действовал вдоль дороги на Леметти, 302-й и 296-й гвск — между дорогой и северо-восточным берегом оз. Ниетъярви. 100-я гвсд находилась во втором эшелоне 37-го гвск и не принимала участия в боях на этом участке. Между Ладожским озером и оз. Ниетъярви сосредоточились две дивизии 4-го стрелкового корпуса: вдоль западного берега оз. Ниетъярви на Койвусельга наступала 114-я стрелковая дивизия полковника И. А. Москалева, западнее, из района севернее г. Питкяранта на Койриноя — 272-я стрелковая дивизия полковника В. М. Мешкова. План операции предусматривал быстрый прорыв основного оборонительного рубежа противника, выход на перешеек между Ладожским озером и оз. Янисъярви с последующим овладением Сортавалой.

В 8.00 15 июля началась продолжавшаяся два часа артподготовка, после чего 123 бомбардировщиков и штурмовиков 7-я воздушной армии нанесли мощный воздушный удар. В течение всего первого дня штурма самолеты ИЛ-2 под прикрытием истребителей совершили почти 160 боевых вылетов на поддержку войск. После завершения артподготовки части двух корпусов перешли в наступление на всем протяжении фронта. Неточный огонь собственной артиллерии по разрушению укреплений противника на передовой линии, труднопроходимая для пехоты болотистая местность с многочисленными противопехотными заграждениями, завалами и рядами колючей проволоки, особенно на участке 98-го гвсд, мощный и точный заградительный огонь финской артиллерии не позволили наступающим гвардейским частям прорвать оборону противника. В первый день наступательной операции потери только 98-й гвсд превысили 420 человек. По решению командира корпуса генерал-лейтенанта Миронова уже 16 июля активные действия на участке наступления 37-го гвск были прекращены. 98-я гвсд получила приказ быть в готовности использовать успех соседа слева, 4-го стрелкового корпуса (карта 2).

Карта 2. Источник: Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942—1944. Keuruu, 2008. S. 245.

15 июля 4-му стрелковому корпусу удалось достичь тактических успехов в центре и на правом фланге участка наступления. Двигаясь по обе стороны дороги Питкяранта — Ниетъярви два полка 114-й стрелковой дивизии прорвали линию обороны в районе хутора Максимофф и к 11.00 — последнюю линию обороны в районе высот к северо-западу от оз. Ниетъярви. Прорвавшиеся войска частью сил продолжили наступление в направлении горы Мааламменмяки, частью — вдоль единственной в этой местности дороги на Койвуселья (карта 3). С целью недопущения дальнейшего продвижения противника новый командир 6-го армейского корпуса генерал-майор И. Мартола подчинил 5-й пехотной дивизии три батальона резервной 15-й пехотной бригады. 4-й батальон 15-й пбр был переброшен для нанесения контрудара с востока по прорвавшим линию обороны частям 272-й стрелковой дивизии в район севернее оз. Ниетъярви. 1-й батальон 15-й пбр прибыл в район между горой Паланутмяки и д. Ниетъярви для нанесения удара с западного направления. 44-й пехотный полк был также усилен 2-м батальоном 45-го пехотного полка 8-й пехотной дивизии, прибывшим из резерва группы войск «Олонец». Батальону поставили задачу вести наступление с севера, из района горы Мааламменмяки (карта 3).

Левее 1061-му стрелковому полку 272-й стрелковой дивизии удалось прорвать основной оборонительный рубеж противника западнее болота Тейрисуо (карта 2). Дальнейшее продвижение полка было остановлено контратаками противника. По данным штаба 272-й стрелковой дивизии в первый день наступления ее общие потери составили до 980 человек, в том числе 135 убитыми и 135 пропавшими без вести. Наибольшие потери понес 1061-й стрелковый полк — 680 человек. К концу дня полк фактически утратил боеспособность. Для нанесения контрудара в районе западнее бол. Тейрисуо, на участке прорыва 1061-го стрелкового полка, штаб 6-го армейского корпуса направил 1-й батальон 15-й пехотной бригады. Во взаимодействии с 2-м батальоном 45-го пехотного полка 1-й батальон 15-1 пбр в ночь с 15 на 16 июля нанес поражение 1061-му стрелковому полку [3; 240].

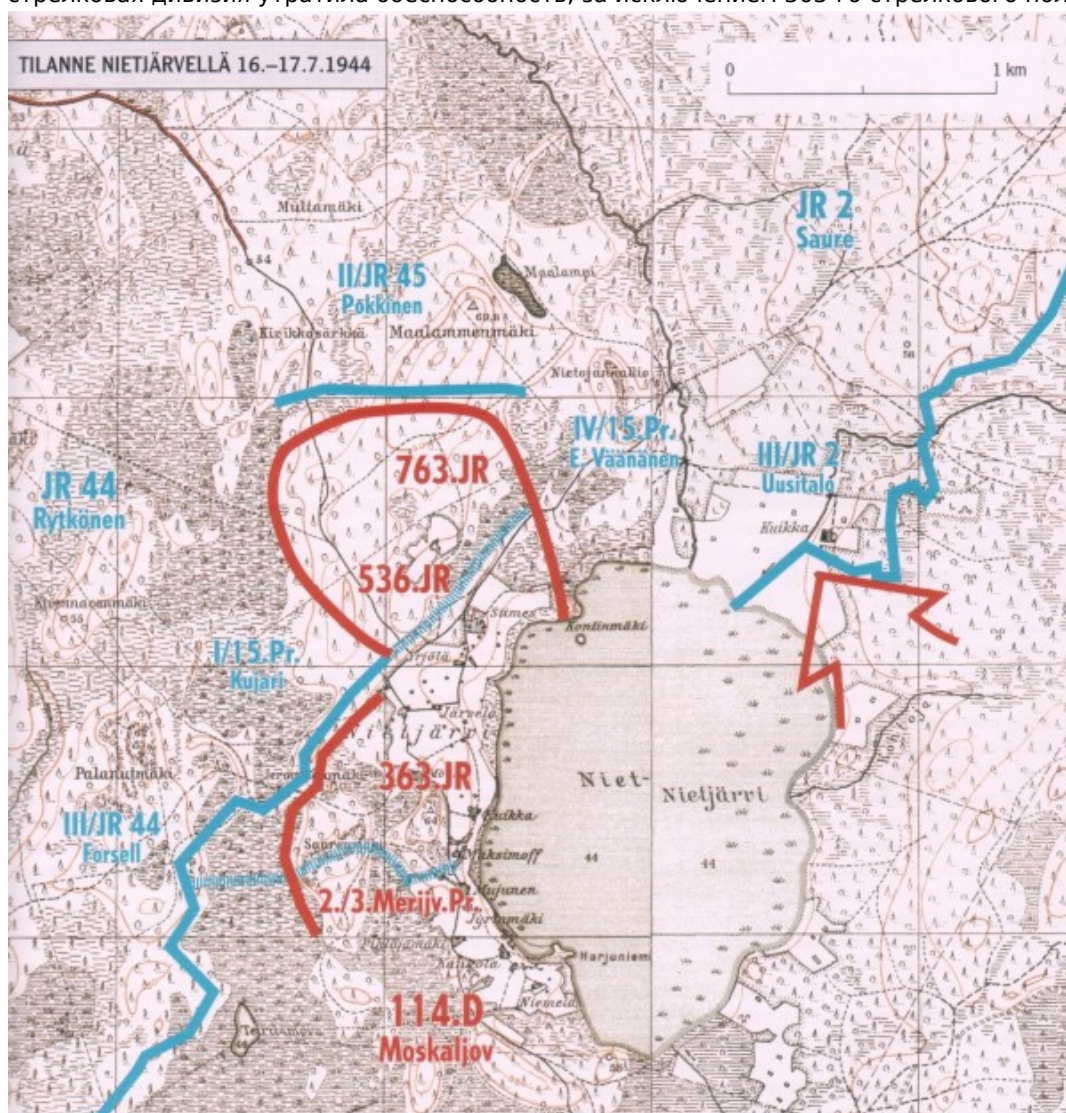
Бои в районе оз. Ниетъярви 16—17 июля

Контратака финских войск против основных сил 763-го и 536-го стрелковых полков, занимавших после прорыва основного рубежа обороны противника позиции в выступе северо-западнее оз. Ниетъярви, началась в 4.00 16 июля. Руководил операцией командир 44-го пехотного полка подполковник Рюткёнен. С севера повел наступление 2-й батальон 45-го пехотного полка, с северо-востока — 4-й батальон 15-й пехотной бригады, с юго-запада — отряд, сформированный на основе 3-го батальона 44-го пехотного полка. Два советских полка (763-й и 536-й сп) оказали упорное сопротивление и к утру 16 июля многочисленные атаки финских войск не привели к результату, им не удалось блокировать дорогу из Ниетъярви на Койвуселья и замкнуть с юга кольцо окружения. 114-я стрелковая дивизия по-прежнему контролировала вход в выступ шириной до 400 метров между хуторами Юрьёля и Сиимес (на карте 3 — Yrjölä и Siimes), в том числе имея здесь до 9 танков. Днем финские войска возобновили наступление, которое также осталось безрезультатным. Финское командование решило изменить тактику и вместо батальонов использовать штурмовые отряды, вооруженные большим количеством автоматического оружия, фаустпатронами, ручными фосфорными гранатами, бутылками с зажигательной смесью, связками гранат и пехотными огнеметами. Учитывая активные действия противника штаб 114-й стрелковой дивизии в 10.00 16 июля приказал войскам перейти временно к обороне на достигнутых рубежах. К 16.00 войска должны были вырыть окопы полного профиля и организовать систему заградительного артиллерийского огня. 16-го июля 3-ю морскую стрелковую бригаду подчинили 363-му стрелковому полку для действий против финского опорного пункта в районе горы Паланутмяки.

Решающее наступление двух батальонов 15-й пехотной бригады (1/15 и 4/пбр) против основания выступа, в котором находились подразделения 536-го и 763-го стрелковых полков началось в 23.30 16 июля после артподготовки. Финские войска приступили к продолжительному штурму, в ходе которого понесшие потери и уставшие подразделения заменялись на свежие. За 1,5 часа штурмовым отрядам удалось продвинуться на 150 метров. Лишь после полуночи штурмовые группы замкнули кольцо окружения в районе хутора Юрьёля, после чего началась зачистка внутри кольца окружения, закончившаяся к 9.20 17 июля. Попытки подразделений 1-го батальона 536-го стрелкового полка оказать помощь окруженному 2-му батальону (2/356 сп) были блокированы огнем финской артиллерии, и двигавшаяся по открытой местности 1-я рота батальона (1/356 сп) потеряла до 80% личного состава. На исход боя повлияло и пассивное поведение правого соседа, 763-го стрелкового полка, живая сила которого в ходе боя была практически полностью уничтожена (донесение штаба 114-й сд). Части войск удалось, тем не менее, выйти из окружения под прикрытием танков. По данным штаба 114-й

стрелковой дивизии 17 июля потери составили 494 человека. В сражении в районе оз. Ниетъярви 15—17 июля 114-я стрелковая дивизия утратила боеспособность, за исключением 363-го стрелкового полка.

Карта 2. Источник: Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942—1944. Keuruu, 2008. S. 249.

Решающую роль в сражении в районе оз. Ниетъярви сыграла финская артиллерия. Только 15 июля на участке 5-й пехотной дивизии 11 артиллерийских дивизионов и одна батарея полевой артиллерии, 13-й артиллерийский полк береговой артиллерии и минометы выпустили по наступающим войскам двух советских корпусов почти 20 тыс. снарядов и мин — больше чем в любой из дней решающего сражения на Карельском перешейке в районе Тали —Ихантала с 25 июня по 4 июля 1944 г.

Исход сражения в районе оз. Ниетъярви, утрата боеспособности 4-го стрелкового корпуса и нежелание Ставки ВГК снижать боеспособность своей ударной силой, 37-го гвардейского стрелкового корпуса, отсутствие решающего успеха на направлении Лоймола, где действовал 99-й стрелковый корпус, а также отсутствие перспектив успеха на Карельском перешейке заставили военно-политическое руководство СССР окончательно отказаться от реализации первоначального замысла: окружения и уничтожения основных сил финской армии на Карельском перешейке и в южной Карелии ограниченными силами Ленинградского и Карельского фронтов и принуждения Финляндии к безоговорочной капитуляции на начальном этапе операции «Багратион». Во второй половине июля участились тайные дипломатические контакты в Стокгольме между советскими и финскими представителями. 2 августа 1944 г. началась переброска основной ударной силы Карельского фронта, 37-го гвардейского корпуса, с фронта в резерв Ставки ВГК и уже 4 августа К. Г. Маннергейм стал

президентом Финляндии. Начались переговоры о заключении перемирия, завершившиеся 19 сентября подписанием Соглашения о перемирии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список литературы

1. Koskimaa M. Syväriältä Nietjärvelle. Porvoo: WSOY, 1998.
2. Puna-armeijan hyökkäys hyytyi U-asemaan // Helsingin Sanomat 12.7.2014.
URL:
<http://www.hs.fi/paivanlehti/kotimaa/Puna-armeijan+hy%C3%B6kk%C3%A4ys+hyytyi+U-asemaan/a1405061282811?src=haku&ref=arkisto%2F>, свободный. (Дата обращения 15.11.2015).
3. Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942—1944. Keuruu, 2008.

References

1. Koskimaa M. Syväriältä Nietjärvelle. Porvoo: WSOY, 1998.
2. Puna-armeijan hyökkäys hyytyi U-asemaan // Helsingin Sanomat 12.7.2014.
URL:
<http://www.hs.fi/paivanlehti/kotimaa/Puna-armeijan+hy%C3%B6kk%C3%A4ys+hyytyi+U-asemaan/a1405061282811?src=haku&ref=arkisto%2F> (accessed 15.11.2015).
3. Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942—1944. Keuruu, 2008.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Расформирована решением К. Г. Маннергейма 17 июля 1944 г.

[2] Незавершенная 60-километровая оборонительная линия между Питкярантой и Лоймола получила свое название (U-asema) по фамилии создателя проекта майора Юрьё Урто [2].

Unknown battle of the Karelian front in July 1944

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

Great Patriotic War
Karelian Front
battle near Lake Nietjärvi
unknown battle in July 1944
4th Infantry Corps
37th Guards Rifle Corps

Summary:

The article highlights the major offensive of the 7th Army of the Karelian Front north-east Pitkaranta at the front between Lake Vuortanajärvi and Lake Ladoga, in mid-July 1944. There are no special works dedicated to this key episode of the so-called Svir-Petrozavodsk operation in the Russian historiography of World War II up to the present time. The tactical breakout north-west Lake Nietjärvi achieved by the 4th Infantry Corps's units on 15–17 July 1944 was subsequently blocked by Finnish troops. Therefore, the 7th Army did not fulfill the task of capturing the town of Sortavala and moving towards Mikkeli. As a result Stavka of the Supreme Command was forced to abandon the goals of operation — unconditional surrender the Finnish Army, capturing the entire south-eastern Finland and the rapid withdrawal of the country from the war.

УДК 339.56

From national protection to global market economy Finnish foreign-trade policies and integration policies since World War II

PAAVONEN
Tapani

*Turku,
Doctor of Social Science, Senior Researcher,
Political History, University of Turku,
Turku, tapaavo@utu.fi*

Ключевые слова:

*

Аннотация:

From the early years of Independence up to the beginning of the 1960s Finland practised foreign-trade policies which were conspicuously protectionist for a small West European and Nordic country highly dependent on foreign trade. Finnish import duties corresponded to those of industrial countries with large domestic market, while war-time import regulations were extended largely for protectionist purposes.

Free-trade integration consisted of free trade in industrial goods within Western Europe. In 1961, Finland concluded a separate agreement with the member countries of the European Free Trade Association (EFTA), becoming a “full member” of the EFTA in 1986, and, in 1973, a free trade agreement with the European Communities (EC).

Large-scale trade with the Soviet Union complemented the Finnish foreign trade. Integration solutions with regard to Western Europe included special arrangements to safeguard the Eastern trade.

From the mid-1980s on, Finland oriented herself towards the emerging European Economic Space (EES), later on renamed the European Economic Area (EEA), between the Community and the EFTA. The EEA extended the principle of free trade to embrace almost all economic transactions. The EC-EFTA link was the most important element in Finland’s globalization aspirations. The EEA entered into force in 1994 but, as a result of the next enlargement of the European Union (EU), Finland, participated in the EEA in the capacity of an EFTA country only that one year.

After Austria and Sweden had applied for EC membership, Finland followed suit in 1992. Properly, for Finland this action was a reaction the turbulent developments in the Soviet Union and Russia. From 1995 on Finland has been a member country of the EU. Finland strove from the very beginning to the “core”, i.e. the Economic and Monetary Union (EMU) and was one of the original euro-area countries in 1999. The EU was joined in a spirit of “euro ecstasy”. Main problems appeared 15 years later.

From the early 1960s on, the Finnish economy has undergone a profound change. Still in the 1950s, the Western exports consisted mainly of less-processed wood products while the domestic-market industries produced a large variety of relatively simple goods under the auspices of border

protection. Free-trade integration diversified the exports and transformed the thus-far domestic-market industries to internationally competitive ones with markets both at home and in abroad. From the 1980s on the Finnish economy has been internationalized. For example, the big manufacturing enterprises have been transformed to multinational corporations with production units on all continents.

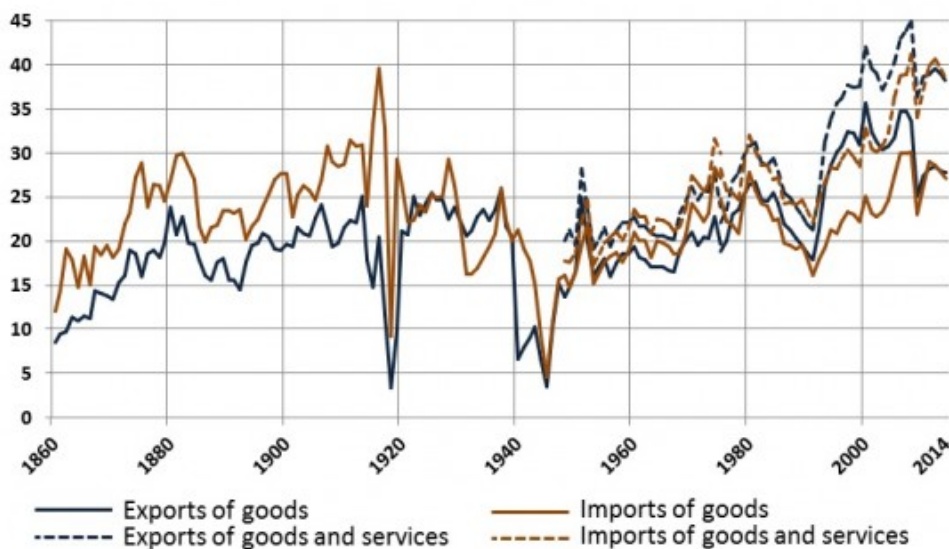
© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Finland in World Economy

Since the onset of industrial society, from the latter half of the 19th century, Finland has been highly dependent on foreign trade, a characteristic feature for small countries. From 1880 up to today, in average, exports and imports have amounted to more than a fifth related to the gross domestic product (GDP) (see Figure 1). Exports of forest products, in which Finland's comparative advantage traditionally has lied, tied Finland to Western world economy until the exports in the course of West European integration began to diversify. Finland's main trading partners are found in Western Europe. During the era of autonomy, trade with Russia comprised a remarkable part, and again in the post-World War II era the Soviet Union and after it the Russian Federation has played an important role in Finland's foreign trade. Traditionally North America and Latin America have been relatively important trading partners. Recently the role of Asia has accentuated.

Table 1. Finnish Foreign Trade, 1860–2014, per cent to GDP

Sources: Riitta Hjerpe, *Finland's Historical National Accounts, 1860–1994* (1996); Reino Airikkala & Tuomas Sukselainen (ed.), *Suomen makrutaseen kehityslinja vuosina 1950–1974* (1976); Jarmo Kariluoto, *Suomen makrutase (...) 1975–92* (1995); Suomen Pankki, *Suomen makrutase 1993–2002* (2003); Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat, <http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/fi/StatFin/> (25.12.2015)

Finland joined the international economic organizations which were created after World War II in the auspices of the United Nations but actually inspired by the United States government. In 1948 Finland joined the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank (International Bank for Reconstruction and Development, IBRD). In 1950 Finland became a contracting party to the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), administered from 1995 on by the World Trade Organization (WTO). These institutional linkages secured Finland a position within the multilateral trade system of the Western world economy as soon as the war-time regulations on foreign trade had been dismantled. In 1969 Finland at last joined the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). This membership consolidated Finland's position in the multilateral

Western trade and later on brought Finland to the sphere of international financial liberalization.

Regional economic integration in Western Europe, which started with the establishment of the European Communities (EC) in the 1950s, was from the Finnish point of view a delicate matter. This development was tied with the Cold War confrontation, and Finland was a part of the Soviet sphere of influence in terms of military security policy, manifested most distinctly by the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance, or FCA Pact, of 1948. Finland, however, managed to participate in West European economic integration, by and large, in the pace of its dynamics.

The Period of Protectionism

Finland does not belong to the vanguards of free trade but, on the contrary, from the early years of independence until the end of the 1950s Finland practiced conspicuously protectionist foreign trade policies. After World War I, protectionism was the general tendency in international trade, but in Finland protection of domestic production was more intensive than in the West European small, foreign-trade dependent economies in general.

During the interwar period, the customs tariff was the standard means of protection, since the prevailing view of free economy shunned direct regulations, or quantitative restrictions as it is called in economics. The Finnish protective tariff was not of an extreme type but it sufficed to discourage large-scale imports competing with domestic production. During World War II and its aftermath, regulations on foreign trade made import duties obsolete as an instrument of trade policies. Regulations were to be a temporary resort but they became a long-time phenomenon. In the 1950s, customs tariff and import regulations effected side by side. Quotas for Western imports were dismantled from the latter half of the 1950s on but finally “licence protection” against Western imports was relinquished only in the 1960s [52; 117—134].

Within GATT until the 1960s, the Finnish foreign trade policies focused on defending the own protective tariff and import quotas, the latter justified by balance-of-payments reasons. For export interests, Finland mainly acquiesced in the general most-favoured-nation treatment which she automatically enjoyed, i.e. Finnish exports were treated not worse than those of other exporters.

Protectionism consolidated a dual industrial structure. Manufacturing industries were divided, on one hand, into domestic market industries in the auspices of border protection and, on the other hand, mainly wood-processing export industries. This was reflected in the pattern of foreign trade. Finland imported mainly raw materials, not available domestically, and semi-manufactures as well as machinery and transport equipment not provided by domestic producers and exported mainly less processed forests products [37; 34, 42—45]. Still in 1960, at the threshold of participation in West European integration, 85 per cent of Finland's exports to Western Europe consisted of forests products: sawn timber and wood in the round, plywood, pulp, paper (mainly newsprint), etc. [54; 30—270].

Free-Trade Integration

Developments from the 1960s up to the 1980s can be called the Period of Free-Trade Integration [34; 89—103]. Free trade in this connection is confined to industrial goods originating in the free-trade area. It comprises the FINEFTA agreement of 1961 and the free trade agreement with the EC of 1973 complemented by the Kennedy (1964—67) and Tokyo (1973—79) rounds of GATT. The projected NORDEK, 1968—1970, targeted to a Nordic customs union and economic community but eventually it failed to materialize.

The Finnish integration aim was argued by economic argument, safeguarding the competitive position of exports in the changing West European situation. It is, however, plausible that ideological factors influenced the political decision-making processes. Identification as part of the Western world, as distinct from the “Soviet bloc”, has without doubt played an important role within the non-Communist majority. The Leftist opposition, for its part, strove to decrease Western influence on Finland.

West European integration from the late 1950s on was the exogenous factor which forced Finland to relinquish her protectionism. The focus of the Finnish foreign trade policies was transferred from protection of domestic-market industries to promotion of exports. The Finnish domestic-market industries complied with the change, provided that sufficient transitional arrangements facilitated adjustment to international competition.

The integration project of the “Six”, i.e. West-Germany, France, the Netherlands, Belgium, Luxembourg

and Italy, changed the West European situation profoundly. The establishment of the European Coal and Steel Community (ECSC) in 1951 did not yet affect Finnish trading interests. Of crucial significance was the formation of the European Economic Community (EEC) in 1957 which affected trading interests of all the other West European countries. The response of the “Outer Seven”, i.e. Britain, Sweden, Denmark, Norway, Switzerland, Austria and Portugal, was the European Free Trade Association (EFTA), formed in 1960. While the Community was, as its primary purpose at the onset, a customs union with a common external tariff, the EFTA acquiesced to be a free trade area on industrial goods with autonomous foreign trade policies of its member states in other respect. The ultimate purpose of the EFTA was to bring about free trade in industrial goods within the whole Western Europe.

The formation of the EFTA posed also Finland in a new situation. Crucial for Finland was that her main export country Britain and her main competitor in forest products, Sweden, belonged to the EFTA, hence Finnish exports were endangered to be left behind a “tariff wall”. On the other hand, within EFTA Britain would remove her high paper duties [43; 111]. In this situation Finland began to pursue participation in the EFTA. The main Finnish argument was safeguarding the conditions of Finnish exports on equal footing in the changing Western Europe. The Finnish negotiating position included adequate transitional period for domestic-market industries to adjust to international competition, retaining national agricultural policies and safeguarding the Eastern trade.

Finland’s EFTA agreement in 1961, known as FINEFTA, manifested Finland’s special position especially through that Finland did not become an EFTA country proper but it was created an “association” between Finland, on one hand, and the member countries of EFTA, on the other. (A “full” member of EFTA Finland became only from 1986 on.) In economic terms, however, FINEFTA corresponded to membership.

The EFTA countries removed their import duties on Finnish industrial goods gradually by the end of 1966 and Finland on EFTA imports by the end of 1967. Still existing import regulations were to be removed within the same time. Originally the timetable ranged to the beginning of 1970 but was accelerated later on. Finland managed to achieve a delayed tariff-reduction timetable for her sensitive branches of domestic-market industries, though the delay was scheduled for the first years of the tariff-reduction scheme. An important achievement for Finland was that she managed to negotiate a permanent reservation for continued import regulations on fossil fuels and phosphate and potassium fertilizers as an exemption from free trade in industrial goods otherwise. This was the main instrument to safeguard the Soviet trade. Most importantly, Finland could continue to regulate oil imports to maintain the share of the Soviet Union on a sufficient level to safeguard corresponding exports to the Soviet Union within the prevalent bilateral trade regime. The Stockholm Convention included also some stipulations for competition rules. It obliged the participants to open to some extent their public procurement for competition from the other EFTA countries and gave the right of establishment in connection with trade in goods [36; 27–65, 69–71, 99–102].

The Soviet Union demanded the EFTA countries to grant the same benefits than they granted each other on the basis of the most-favoured-nation clause in the bilateral trade treaties. The EFTA countries proper refused the demand as conflicting against their commitments within GATT. The Finnish contractual structure was contradictory since the MFN clause in the Finnish-Soviet Trade Treaty of 1947 was formulated very categorically. President Urho Kekkonen chose to satisfy the Soviet demand and, thus, to violate against the GATT commitment. The result was the Agreement on Customs Questions between Finland and the Soviet Union, concluded during the EFTA negotiations in autumn 1960 [59; 131–134, 162–165, 182–184, 186–189, 213–222, 226–253].¹ Finland applied to Soviet imports the same tariff removal as was applied to the EFTA countries. This agreement was, however, of minor economic significance compared with the above-mentioned import-regulations reservation. For political appearance, however, it was crucial. It guaranteed Soviet approval to the Finnish integration decision and thus the Soviet interest to continue large-scale trade relations with Finland [54; 280–299], [56; 47–63].

For Finland and the EFTA countries, the Kennedy round of GATT (1964–67) contributed to trade liberalization by reducing tariffs considerably with regard to the non-EFTA Western countries. For example, the EEC and the United States lowered their paper duties while Finland lowered her own duties. Finland managed, by and large, to preserve tariff protection for those sensitive products which were protected by slowed tariff reduction within FINEFTA. Tariff reductions were carried out gradually in the years 1968–72 [56; 63–67].

Membership in the OECD from 1969 on did not immediately affect Finnish foreign trade. It, however, tied

Finland in the long run to participate in the financial liberalization and liberalization of trade in services which formed the basic idea of the organization [56; 67–70].

In the 1960s relationship between the European Communities (EC)² and the EFTA countries dominated West European commercial diplomacy. A new situation arose in August 1961 when Britain applied for EEC membership. Thereafter Ireland, Denmark and the next year also Norway applied for Community membership. The neutral EFTA countries Sweden, Switzerland and Austria applied for association with the Community while also Portugal suggested an appropriate agreement.

Finland's reaction to the new situation was conspicuously cautious. Finland made no initiatives but "observed the progress of the situation". The relationship to the Community was delicate for Finland because of the "political goals" connected with the EEC. The Finnish argument in the discussion of the 1960s stressed compatibility of Finnish integration policies with her neutrality. On this basis Finland repulsed all kind of supranational decision making. Even though exact targets were not expressed, Finland aimed to join the general West European development at a moment when a concrete solution would be at hand.

Negotiations between the Community and the EFTA countries were in stalemate during almost the whole 1960s because of the French opposition to British membership. The deadlock lasted until December 1969. It was only at the threshold of negotiations, in spring 1970, when Finland contacted the EC Commission in order to join the process. The negotiations were carried out parallel with the EFTA countries proper and were completed in July 1972.

The Finnish integration aim was analogous to the EFTA solution ten years earlier. Finland pursued a "purely economic" agreement on free trade in industrial goods. The Finnish negotiating position included, further, retaining national agricultural policies, sufficient transitional period for domestic-market industries and safeguarding the Eastern trade. Finland's special position in comparison to EFTA countries proper was manifested, above all, by that Finland refused to include the so-called development clause, i.e. a declaration of willingness to develop cooperation beyond the provisions of the agreement, or even a mention of "participation in European construction" in her agreement [38; 220–234], [56; 71–96, 115–124, 133–136].

According to the "normal" tariff-reduction timetable, import duties on industrial goods were removed by July 1, 1977, which also was the transitory period for adjusting to the common external tariff by the new member countries. There were, however, a number of so-called sensitive products to which it was applied slowed tariff-reduction timetables.

The Community was a protectionist negotiator that demanded slowed tariff reduction when imported into the Community for those industries in which an EFTA country was more competitive. And the Community negotiated from the position of strength, since it was the EFTA countries which needed an agreement, not the Community. Most protectionist the Community was with regard to paper duties, which hurt especially the Finnish export interests. By patient and relentless negotiations the Finnish delegation managed to shorten the transitory period from the originally demanded 12 years by one year to 11 years. The Community also enforced so-called indicative ceilings for paper imports above which the Commission was entitled to levy the original import duty during the transitional period. For some other products Finland had to comply with a transitional period of 7 years.

On the other hand, also Finland pursued transitional periods for her own sensitive branches. The treatment of paper, which the EC negotiators even admitted to be exorbitant, gave reason to counter-concessions. Finland gained a transitional period of 12 years for a number of her most important domestic-market industries and of 8 years for some others when imported into Finland. Finland also gained higher indicative ceilings for paper than historical exports presumed – at the expense of Sweden. Finland was also exempted from unilateral agricultural concessions.

Negotiations for competition rules were relatively easy since both parties preferred as large autonomy as possible in this respect. The free trade agreement did not include any stipulations about public procurement, the right of establishment, etc. Finland, however, remained discontent with the new origin rules for products entitled to free-trade treatment. For example, the stipulation on using factors of third countries remained

inequitable towards the EFTA countries since it treated the Community as a single processing area but the EFTA countries as separate ones.

A similar exemption as in the FINEFTA agreement for continued import regulations on fossil fuels and phosphate and potassium fertilizers by Finland to safeguard the Eastern trade was included also in the EC agreement³. The Community made this concession on the basis of Finland's international position.⁴

After concluded negotiations, political complications delayed the enactment process. There was an Anti-EEC Movement consisting of Communists and some other Leftist forces. For the state leadership, however, problematic was that the Soviet Union which, opposing Western integration, strove, seemingly, to make the undertaking to abort. Finland carried out during 1972 and 1973 what was called Comprehensive Solution on Foreign Trade Policy (*kauppapoliittinen kokonaisratkaisu*), in which the EC agreement was balanced politically. In addition to the Finnish-Soviet customs agreement of 1960, it was concluded a cooperation agreement with the Soviet-led Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) and started negotiations on the so-called KEVSOS agreements for reciprocal removal of obstacles to trade with five East European CMEA countries. After lengthy negotiations, President Kekkonen managed, at last, to reach a silent approval by the Soviet leadership. A free trade agreement between Finland and the EC was at last signed in autumn 1973 [62; 69–187], [56; 216–233, 243–245].

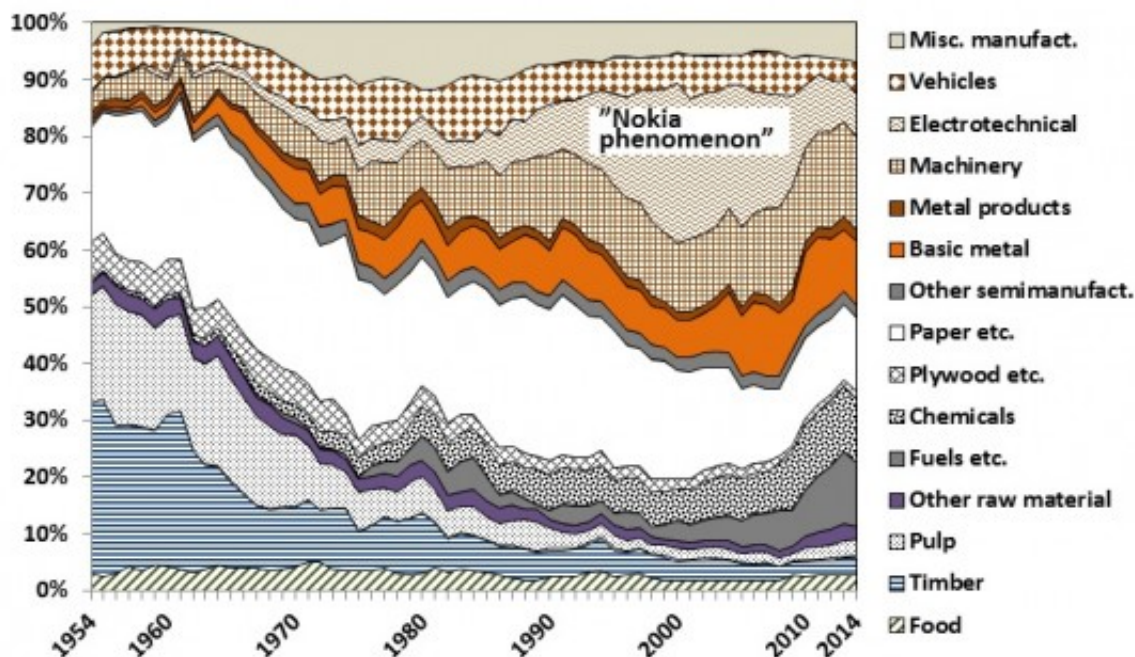
Finland became participant in a free-trade area on industrial goods comprising virtually the whole Western Europe. The last duties for Community imports from Finland were removed at the beginning of 1984 and for Finnish imports from the Community at the beginning of 1985.

The Tokyo round of GATT (1973–79) opened the Finnish economy further by reciprocal reduction of tariffs with regard to the non-West European world economy. Finland managed, again, to exempt most of her sensitive products from tariff reductions [35; 294–303].

Changing Patterns of Finland's Western Trade

During free-trade integration the patterns of Finland's Western exports changed dramatically. Processing rates rose as the trading partners removed their import duties on more processed goods and the exports were diversified as formerly uncompetitive domestic-market industries were replaced by competitive ones which marketed both at home and in abroad. The division of manufacturing industries into domestic-market and export industries faded away.

Table 2. Distribution of Finnish exports by industries, 1954–2014, per cent

Sources: SVT, *Ulkomaankauppa*, 1954–2003; SVT, *Tavaroiden ulkomaankauppa*, 2004–2012 (CD-ROM); Kauppavaihto SITC-päähakittain ja -pääryhmittäin (Tulli), http://www.tulli.fi/fi/suomen_tulli/ulkomaankauppatilastot/tilastoja/tavaratilastoja/index.jsp (25.12.2015).

The share of forest products in Finnish exports fell between 1960 and 1995 from 75 to 34 per cent and in exports to Western Europe from 85 to 40 per cent; since then the share has decreased further. However, up to the 1980s the forest industries were still Finland's main export branch. More important was the growing processing rates in the Finnish paper-industry exports. Former pulp exports were replaced by exports of paper, and exports of writing and printing papers, other than newsprint, grew vigorously. At the time of the FINEFTA solution (1961) these formed only 7.5 per cent total paper-industry exports but in 1995 they amounted already to 50 per cent; since then the share has still risen. In the 1980s and '90-s Finland's share in world exports of these papers rose to about a fifth but has fallen since then.

The metal industries, nowadays called technology industries, became gradually the most important export branch. Products of basic metal (metallurgy) have been characteristic of Finnish exports in international comparison. Ship-building and the engineering industries became prominent branches. These industries became export branches already in the 1950s under the auspices of Eastern trade but from the 1960s on Western exports became more remarkable. The share of metal-industry exports overtook that of the forest industries during the latter half of the 1980s. Successful ship-building continued up to the 1980s. Within engineering industries of the forest cluster, paper and pulp machines and forest machines have been characteristic Finnish export branches. Other important export branches have been hoisting, mining, excavating etc. machines and electrical machinery.

The Finnish clothing and footwear industries experienced an export boom from the 1960s to the 1980s; on the other hand, the Finnish basic textile industry (fabrics, thread) almost vanished in the pressure of international competition. Finland competed with lower wages relative to especially the Nordic neighbours. The product cycle turned to a decline in the 1980s as a result of domestic costs development and opening up of imports from low-cost countries. (Figure 2.) [56; 253–283].

Seen from the present-day perspective, Finland was during the period of free-trade integration still a relatively closed economy. This judgement applies basically to the whole Western world economy but is especially characteristic of Finland. Free trade was confined to industrial goods. A Finnish peculiarity was the strict restrictions against foreign ownership of enterprises, dating to the prewar time and intact until the early 1990s. The import-regulations reservations in the free-trade agreements secured a protected domestic market for two state-owned companies, Neste Oy and Kemira Oy, in their main business areas oil products and fertilizers, respectively. Finland also protected her public procurement from foreign competition as far as the EFTA stipulations and the Tokyo round of GATT allowed; the free trade agreement with the EC did not include obligations in this respect. Finland also delayed the definitive commitment to convertibility of her currency under the IMF Agreement longer than the Western industrialized countries in general, until 1979 [55; 68–69, 78–81]. Finally, Eastern trade, to be dealt with in the next chapter, forms the most significant deviation from the principle of free trade.

Eastern Trade

After World War II, Finland maintained large-scale trade exchange with the Soviet Union, based on the special political relationship between the two countries. In 1945–1990, trade with the Soviet Union comprised in average 16 per cent of Finland's foreign trade. In the 1950s exports to the other East European CMEA countries comprised, in average, 5–6 percent and imports from them 9–11 percent of total, depending on calculation method. Since then their share has declined considerably [23].

For Finland, bilateral Eastern trade was a parallel system to the multilateral Western trade. Bilateralism meant, briefly, payment for imports by exports instead of convertible currencies. In practice, the Finnish imports determined the level of trade exchange. From 1951 the Finnish-Soviet trade was based on five-year framework agreements complemented by annual goods-exchange protocols. From the same point of time the clearing currency was a clearing ruble according to the official exchange rate of the Soviet ruble. The Bank of Finland and, on the Soviet side first *Gosbank* and from 1962 on *Vneshtorgbank*, reorganized as *Vneshekonombank* in 1988, acted as the clearing agencies. Finnish traders paid for imports and received payment for exports at the Bank of Finland in Finnish *markka* and the Soviet foreign trade corporations, correspondingly, operated through their Soviet clearing agency in Soviet rubles. The system aimed at trade balance but included a modest credit to enable temporary disequilibria. A comparable bilateral system was applied to the other CMEA countries until payments gradually, during the 1970s and '80s, were changed over to the basis of convertible currencies [32; 8–18], [51; 59–98], [46; 274–284].

The pattern of Finland's Eastern trade differed considerably from the Western one. Imports from the Soviet Union consisted mainly of raw materials and oil, which were to be imported in any case, and the imports were paid by exports of domestic manufactures goods. Export licence required a high degree of domestic content; in the 1980s it was calculated to be about 85 per cent [32; 19–58, 82–84], [51; 70–71].

From the late 1950s on, crude oil, the importation of which was safeguarded by the import-regulations reservations in the free-trade agreements, became an ever more predominant import article. Imports of crude oil from the Soviet Union were favoured, on one hand, for foreign-policy reasons, to satisfy the Soviet desires and demands, and, on the other hand, for trade-policy reasons, to save convertible currencies and to promote exports to the Soviet Union. The oil crises increased the Soviet share in Finland's foreign trade as the raised oil bill was to be paid for by increasing exports to the Soviet Union. The share of energy sector in Finnish imports from the Soviet Union reached its peak as a result of the second Oil Crisis in 1981, 87 per cent of total. Falling oil prices in the 1980s caused Finland to increase the Soviet share further to safeguard Soviet exports. The share of the Soviet Union in Finland's oil imports reached its peak in 1988, 91 per cent of total. The Soviet Union strove also to export machines and vehicles to Finland, which was promoted by the Customs Agreement of 1960. Finland was the most important Western buyer of these articles. Yet, even though Soviet cars were common in the Finnish roads up to the 1980s and the electric locomotives and the nuclear power plant, acquired from the Soviet Union, raised much attention, their share in Finland's Soviet imports remained modest. Leasing the Saimaa Canal to Finland was a transaction that raised much attention [32; 38–44], [46; 279].

About half of Finnish exports to the Soviet Union consisted of ships and machines. The ships were the

most important export article. Other important articles were paper and pulp mill machinery, wood-working machinery, hoisting, excavating and earth-moving machinery and electrical machinery. Paper and related products formed about a fifth. Finnish paper exports to the Soviet Union were of high processing rates already at times when the Western trading partners protected their own paper industries. The oil crises increased considerably exports of consumer goods as the raised oil bill was to be paid for by increased exports. Thus the Finnish clothing and footwear industries, which had grown to export industries in the auspices of EFTA trade, found wide markets also in the Soviet Union. After the first oil crisis about half and after the second about four fifths of footwear exports were directed to the Soviet Union. Exports of clothing and footwear fluctuated strongly since consumer goods were in a secondary position in the Soviet imports policy. They formed a flexible element balancing trade exchange. The increased oil bill also generated large-scale construction exports. There is no exact public information on the scale of these exports; part (construction materials and equipment) is included in the foreign trade statistics while the bulk (compensation for work and services) is included in the balance-of-payments statistics without accurate specification. According to one calculation, from the mid-1970s to the mid-1980s invoicing from the Soviet Union by Finnish construction firms amounted to 6–16 per cent of the revenue from the Soviet Union. From the 1970s on, the Soviet Union became also an important buyer for the agricultural surplus production. Especially, Soviet exports alleviated overproduction of butter [47; 13–32], [32; 46, 67–73, 96–108].

Eastern trade was, plausibly, advantageous for Finland. The Soviet trade saved convertible currencies to be allocated to imports which in any case were to be acquired from Western markets. Soviet exports were at least for the ship-building and engineering industries a “springboard” to Western exports. The industries grew to competitive large-scale industries on the basis of Eastern orders. Soviet exports maintained employment since its products were usually more labour-intensive than those of Western exports in which the capital-intensive paper industry was in a prominent position. Because of the trade pattern, pricing was asymmetric in favour of Finland. Finland imported from the Soviet Union mainly raw materials and related articles with generally known world-market prices on which basis the goods were priced. The Soviet Union, on the other hand, had to accept actual production costs as the basis for pricing the Finnish exports since Finnish firms participated in the trade on business-economy basis. The Soviet foreign-trade corporations, not operating in competitive circumstances, could pay higher prices than were the most affordable prices in the world market. Long production series, low marketing costs and, many times, the possibility to time production suitably lowered unit costs [46; 280–281, 284–286].

Originally, bilateralism was for the Soviet Union a self-evident trading system. By time, however, it became obvious that the system was favourable notably for Finland. The Finnish export industries preferred this system, but it corresponded also to the Finnish macro-economic interests fostered by the Government. Even though evidence is scarce, one can obviously conclude that at least from the first oil crisis (1973–74) on the system continued mainly – or at least to a large extent – because the Soviet state leadership was willing to satisfy the Finnish desire. As far as known thus far, at least once, in the 1970s, the Soviet party expressed its interest to change over to convertible currencies but the system was continued after the Finns appealed for the prevalent system [50; 459–461]. For the Soviet Government it was, without doubt, at least politically an end in itself to maintain trade with Finland on as high a level as possible [51; 96–98].

Finland stuck to the bilateral clearing system as long as possible.⁵ Bilateral trade ended with the crisis and collapse of the Soviet Union. During *perestroika* in the latter half of the 1980s bilateral trade with Finland met with reluctance among the Soviet industrial leaders. As enterprises gained more independence, they became unwilling to deliver goods to bilateral exports which yielded clearing rubles, usable only for purchases of Finnish goods from Finland, while at the same time exports to other Western countries yielded convertible currencies usable for any acquisitions. The 9th framework agreement for the years 1991–95 was still concluded during the visit of Secretary General Mikhail Gorbachev to Finland in October 1989, but in late 1990 the Soviet Union at last announced that it will relinquish bilateralism and change over to convertible currencies from the beginning of 1991 [51; 47–58], [46; 282–284].

Globalization

A new stage in Finland’s relationship to world economy in the wake of international development, called

Globalization, is discernable from about the turn of the 1970s and '80s. By the 1980s, Finland, by and large, caught up the lead of the more advanced Western economies, which encouraged adoption of the new international trends. New developments led gradually, from the 1990s on, to full-scale participation in global market economy. All-embracing integration with regard to Western Europe, to be dealt with in the next chapter, was an essential part of globalization. The new trade policies were connected with new industrial policies which emphasized innovative products, internationalization of business firms and orientation towards more clear-cut market economy.

Also Finland followed suit when the OECD, in the 1980s, at last began to put into practice its principle of liberalization of international capital movements. Liberalization of capital movements was necessitated also by the projected European Economic Space (EES), to be dealt with in the next chapter. A crucial turning point was the new Currency Act of 1985 which formally extended the traditional governmental empowerment to regulate foreign exchange, including international capital movements, but, in fact, intended abolition of the existing regulations. From 1986 to 1991 credit and investment between Finland and foreign countries were gradually liberated from all restrictions. Restrictions against foreign ownership in Finnish business firms were relaxed in 1987 and abolished finally in 1993 [50; 539–542].

Transition to innovative products required intensified investment in research and development (R&D). The Finnish R&D financing rose gradually and reached the level of leading industrial countries by the mid-1990s and continued to rise since then. Accordingly, the share of high-tech products⁶ of Finnish exports rose up to 2000, when it formed 23 per cent of total exports, but began thereafter to slope down. This development was, to a high degree, a reflection of the so-called Nokia phenomenon (of which more below), but a similar development in a more modest scale is discernable within many industries [26; 15–22], [27].

Explosive growth of foreign direct investment (FDI) is the most characteristic feature of globalization. Formerly production of Finnish firms was almost exclusively confined within the Finnish borders; few units in abroad were mainly sales offices. From the early 1980s on, also the Finnish large manufacturing enterprises have been gradually transformed to multinational corporations with production all over the world. Nowadays, overwhelmingly the bulk of operations take place in abroad [63; 89–100]. Among the 20 largest (by turnover) Finnish manufacturing enterprises, the share of employees stationed abroad has grown steadily as follows (per cent of total) [53; 57], [33; 46], [31].[\[7\]](#)

1983	1990	2000	2010
14	44	59	76

The outward flows of FDI have surpassed the inward flows from the 1980s, i.e. during the whole period of large-scale FDI, since Finland is a small market area and she lost the “advantage” of cheap labour already in the 1980s. From the mid-1980s up to today the outward flows have amounted in average to 3.4 per cent and the inward flows to 1.9 per cent relative to GDP. At the peak the outward flows were in 2000, 19.1 per cent relative to GDP, but this figure includes the unfortunate adventures by the leading tele-operator Sonera with G-3 rights in Germany and a prominent forest-industry firm, Enso-Gutzeit, in America. The bulk of Finnish outward FDI has gone to and inward FDI has come from Western Europe, Sweden being the most important partner, the second most important has been North America. From the late 1990s on the role of Asia has accentuated. Outward FDI has focused on manufacturing industries and inward FDI in services, notably the banking sector [29].

Portfolio investments have been even larger than the direct ones. The Finland-based multinational corporations have for the most part been transferred to foreign ownership. Nokia Corporation became during its grandeur the most extensively foreign-owned Finland-based company. Also the Finnish sovereign debt has been mainly transferred to foreign investors. Correspondingly, Finnish savings have been increasingly channeled to foreign securities [39; 143–166].

The so-called Nokia Phenomenon dominated the image of Finnish economy from the 1990s to the 2000s. Nokia was a fulfilment of all the expectations which the new industrial policy set for corporate performance. Nokia Corporation was formerly a multi-industry firm producing, among other things, rubber boots, copper cables, toilet paper and, from the 1980s on, portable mobile phones. From 1992 on the company focused exclusively on mobile phones and managed to achieve world leadership on the branch from 1998 on. The lead

was preserved for many years but in 2011, at the latest, it was lost to American and Asian competitors. During its grandeur, Nokia served in many ways Finland's economic development. As the overwhelmingly largest Finnish enterprise Nokia's role was pivotal when lifting Finland out of the economic depression of 1990–93. Nokia's contribution also was predominant in economic statistics featuring Finland as a vital high-tech country. Eventually, these features began to fade with the end of the "dot-com boom" at about 2000 [41; 18–152].

During globalization, traditional foreign trade no longer reflects adequately foreign economic relations. Production of Finnish firms in abroad and of foreign firms in Finland substitute for potential exports and imports, respectively. The enterprises' operations at home and in abroad obscure the border between domestic and foreign production. Often transfer pricing becomes artificial in view of taxation. The foreign trade statistics does not specify the intra-firm foreign trade. Characteristic of recent development has been large-scale trade in intermediate products as enterprises unbundle their value chains among several processing countries [28].

The most important new development distinguishable in foreign trade statistics is the enormous growth of exports of mobile phones up to 2000 due to the Nokia Phenomenon, and gradual decline thereafter (electro-technical machinery in Figure 2). In the 1980s the relative share of foreign trade in the Finnish economy declined. After the economic depression in the early 1990s, in spite of the counter-effect of FDIs, Finland's foreign trade grew vigorously until the international financial crisis of 2008–09, reaching the unprecedented peak in 2008 when exports of goods and services rose to 45 per cent relative to GDP. During this period, the trade and current balances were also strongly on surplus up to 2010. (Figure 1).

Liberalization of foreign transactions has created large-scale trade in services not related to trade in goods, other than tourism. Notably the share of business services has increased vigorously since the early 1990s [40; 59–72], [30].

Finland and the European Economic Area

The basic political settings around integration policies changed profoundly during a period from about the mid-1980s to the early 1990s. With *perestroika* and ultimately with the end of the Cold War the Soviet suspicions towards Finland's integration policies were replaced by a positively responsive attitude. Approximately at the same time, in internal Finnish developments the old ideological Right-Left controversy melted away and was replaced by a new cleavage between internationally oriented and rather inward-looking layers of population and citizens. Finally, the East European revolution of 1989–91 made ardent anti-Capitalism a relic of the past.

[wider interval between lines]

A new stage in European integration was introduced around 1984. Both in the internal development of the Community and in EFTA-EC relations, deepening integration became the prevalent orientation.

A crucial turning point towards all-embracing economic integration in Western Europe was the first ministerial meeting between the EC and the EFTA countries, convened in Luxembourg in April 1984. The Luxembourg Declaration aimed at creating "a dynamic European economic space". The first focus was improving the regime of free trade in industrial goods, created by the free-trade agreements of 1972 and 1973, by removing the still existing non-tariff barriers (NTBs) to trade. The Declaration listed targets: harmonization of standards, elimination of technical barriers, simplification of border facilities and rules of origin, elimination of unfair trading practices and access to government procurement. The second focus was intensifying R&D cooperation for strengthening West European competitiveness [16]. In June 1985 the EC adopted a programme named "Completing the Internal Market". The Internal Market or Single Market was to be attained by 1992 by realizing the so-called Four Freedoms: free mobility of goods, services, capital and labour [18]. The Single Market programme became also a benchmark for the future EFTA-EC relationship.

Since EC membership was, as before, excluded from the Finnish considerations, the projected European Economic Space (EES) became self-evidently the Finnish way of participating in the deepening West European integration. The focus of Finnish international business was in Western Europe, and the new internationalization

aspirations were primarily directed towards Western Europe. Finland also supported the idea of “strengthening EFTA” as the means to achieve an EES, i.e. the EFTA negotiates with the Community on behalf of its member states. From 1986 on Finland became an EFTA member proper which facilitated participation in the formation of a common EFTA stance. The liberalization of capital movements, even though carried out on autonomous basis, was an integral part of the EES process.

Until 1989 it was expected, not only in Finland, that an EES would be a gradual, continuous process of convergence between the EFTA countries and the Community, consisting of individual steps, not a comprehensive solution to be carried out at once. The Finnish interest focused, as expressed in the Government Report of November 1986, on two fields: firstly, completion of the existing free-trade system on industrial goods by removing the still existing NTBs, and, secondly, research, technology, training and educational cooperation [10; 3454–3455]. The Confederation of Finnish Industries (*Teollisuuden Keskusliitto*) gathered material on grievances in the functioning of the present free-trade system with the EC. Research cooperation was the other focus also of the Finnish Industry [14; 6–13].

In 1988 a Finnish view on the EES was elaborated more accurately. In May the Confederation of Finnish Industries issued a programme “The [Finnish] Industry and West European Integration I” (in Finnish) and in November the Government gave to the Parliament its first report on West European integration. The focus was, as before, on free movement of goods and research and technology cooperation. In other respect the Finnish approach was still conspicuously selective. The Industry, for example, wished to liberalize road transport and supported large-scale liberalization of financial services. Both the Industry and the Government repulsed large-scale free mobility of labour but regarded it necessary to facilitate mobility of key staff of foreign subsidiaries and personnel conducting services related to exports [4; 19–25, 47–48], [14; 5, 22].

During the next years after the Luxembourg declaration, the EFTA countries and the Community achieved a number of agreements to remove non-tariff barriers (NTBs) to trade in goods. In 1987 it was reached two agreements to simplify customs procedures. In 1988 the EFTA countries at last managed to agree with the Community on genuinely multilateral cumulation in origin rules, thus correcting an inequity dictated by the Community in the free-trade negotiations in the early 1970s [4; 19–25, 47–48], [14; 5, 22]. As part of the integration process, the Community’s student-exchange programmes Comett and Erasmus were extended to cover the EFTA countries from the early 1990s on.

Formerly, Finland participated selectively in West European research and technology cooperation schemes, sporadically in scientific schemes and more intensively in those which promised economic benefit. Finland participated, for example, in COST⁸, a commercial application-oriented scheme, from its official beginning in 1971 and EUTELSAT cooperation for establishment of a telecommunications satellite system in Western Europe from the official beginning in 1977. From the mid-1980s on Finland was anxious to join all the new cooperation schemes which at that time were developed. In 1985, Finland managed to join the European research cooperation scheme EUREKA for developing commercial applications. Within the Finnish economy, EUREKA was assessed as the most important among all international research cooperation schemes [2]. As a part of the EES process, Finland joined the framework programmes (FPs) of the EC from 1987 on. In 1985, the Finnish thus far sporadic participation in the nuclear research centre CERN⁹ was consolidated. A CERN member proper Finland became in 1991. In 1987 Finland became an associate member of the European Space Agency (ESA); member proper Finland became in 1995 [44; 7–10, 17–19, 41–77, 85–89, 103–117].

During 1989, the EFTA-EC consultations resulted in a design which presumed a comprehensive solution consisting of the “four freedoms” and so-called flanking areas, i.e. research and technology cooperation, social dimension, etc. The relevant Community legislation would apply to the EFTA countries with few exceptions justified by “fundamental interests” and with transitional arrangements. The EFTA countries were, however, entitled to retain their social, environmental, etc. standards when on higher levels than within the Community [17; 5–6]. Thus, Finland could not pick up elements which suited her but the Finnish positions were to be adjusted to the anticipated comprehensive solution. Exceptions to the common design were to be confined to the necessary minimum. The programmes issued in November 1989, the Confederation of Finnish Industries’ “The [Finnish] Industry and West European Integration II” (in Finnish) and the Government Notice to the Parliament of Finland’s integration policies, already anticipated a comprehensive solution. The official Finnish negotiating position, elaborated at the threshold on negotiations, is recorded in the Government Report of

March and in the statement of the Foreign-Policy Committee of the Parliament in June 1990. Since the main material content of an EES was in fact predetermined, the Finnish position concerned specification in more detail, exceptions based on “fundamental national interests” and transitional arrangements [6; 14].

The common EFTA-EC design left open whether the EES was to be a free trade area or a customs union. Even though not expressed categorically, Finland inclined strongly to free-trade area. It was regarded that independent trade policy vis-à-vis third countries best corresponded to the Finnish interests [15; 11], [5; 13–14], [6; 16], [7; 14].

In the Finnish position, the main exemption to free trade in industrial goods was still, as in the earlier free-trade agreements, retaining import regulations in view of Soviet trade. For some reason this was not spoken out in previous papers, albeit undoubtedly intended. Now, however, this concerned only fossil fuels, i.e. crude oil, oil products and coal [6; 18–19], [7; 8]; fertilizers had been dropped out. To be sure, with the end of bilateral trade regime this objective soon became obsolete. For trade in services, Finland required that social insurance, notably the statutory employee pension, is not included in the EES arrangement. The Parliament’s Foreign Affairs Committee additionally required sufficient transitional periods for banking, insurance and road transport [6; 53]; [7; 19–21]. Even though Finland was liberalizing her capital movements rapidly from the mid-1980s on, foreign ownership was still a delicate question in some respects. Most urgently, Finland wished to protect her landed property, especially forests and other land-related natural resources as well as production of basic energy from foreign ownership. The proclaimed “positive *per se*” attitude towards foreign ownership referred to other types of assets but even in this respect Finland still strove to retain control of foreign ownership to protect her “fundamental national interests” [6; 75–76], [7; 17–18]. By 1990 Finland already was ready to join a common labour market with social-security stipulations. The Government did not expect such uncontrollable migration that would require permanent exceptions. Surely, the Parliament’s Foreign Affairs Committee demanded exceptions when necessary to prevent exorbitant outflow of social benefits [6; 78, 80–81, 83], [7; 21, 24].

Among the areas outside the “four freedoms”, from the Finnish point of view R&D cooperation was the most important. Finland, like the other EFTA countries, strove particularly to full participation also in the FPs [6; 88]. Additionally, Finland required that the Finnish social security and labour protection are preserved at least at the existing level, that Finland retains the right to maintain even higher standards than in the EC for environmental protection and retains the right to maintain national regional policies which takes into account the Finnish special conditions [7; 19, 21, 23, 28–29].

The EES questioned the traditional Finnish neutrality, the implication of which had been repulsion of supranational decision-making. The Government presumed that decision-making will be based on consensus and the Foreign Affairs Committee of the Parliament demanded strictly repulsion of supranational decision-making [6; 119], [7; 10]. The contradiction lied in that the Community retained itself autonomous decision-making power while functioning of the EES presumed application of relevant EC norms to the EFTA countries. An internal memorandum of the Confederation of Finnish Industries in October 1990, during the negotiations, concluded that in practice an individual EFTA country cannot refuse to adopt an EC decision as EES legislation. Thus, for national sovereignty the difference between EES and EC membership was virtually formal [1].

Negotiations proper lasted from summer 1990 to autumn 1991. The project was renamed the European Economic Area (EEA). The enactment of the EEA was, however, delayed. First the EC Court of Justice found in it incompatibilities with the Community Law. Thereafter the undertaking foundered on the Swiss referendum. Negotiations continued up to spring 1993. Even though Community membership became topical during the negotiations, Finland pursued the EEA vigorously. Finland wanted to secure the Finnish firms access to the Community market on equal footing even if membership would founder [35; 419–432]. In economic terms, the EEA was close to Community membership. The EFTA countries retained their autonomous trade policy with regard to third countries, autonomous agricultural policy and autonomous monetary policy, which in the Community belonged to the sphere of common policies. Exemptions to the general EEA scheme were not achieved but, on the other hand, subsequent developments, notably application of Community membership, made them obsolete. In Finland the EEA met with little political opposition. The first negotiations result passed in the Parliament in 1992 by votes 154 to 12; the second in 1993 by 149 to 7 [11; 4024], [12; 1840]. The EEA

entered into effect, at last, from the beginning of 1994. But Finland, Sweden and Austria were members of the EEA in the capacity of an EFTA country only that first year 1994.

Finland and the European Union

With regard to West European integration, Finland adhered to the consolidated neutrality doctrine until the early 1990s. This made joining the EC unthinkable. In its report to the Parliament, November 1988, the Finnish Government opined [4; 5]:

“Implementing Finland’s policy of neutrality requires that we keep decision making in our own hands. In our view this is not compatible with full membership in the EC. The EC is striving to create a European union which would include a common foreign policy.”

The implication of neutrality remained basically unaltered in 1989 and 1990 [5; 5]; [7; 10].

From 1989 on, inspired by developments in Austria and Sweden, it emerged public discussion about EC membership. In 1990 and 1991 pro-EC opinion grew steadily even though the official Government view remained apparently unaltered. By spring 1991 pro-EC opinion already had become prevalent within many influential circles. The chairman of the Social Democratic Party opined in this way in April, and in June the party congress of the National Coalition Party adopted a stance for EC membership. The Confederation of Finnish Industries had also come to the same conclusion but delayed proclaiming it not to disturb the Government’s integration policies [61; 19–40].

The decisive turning point was the attempted *coup d’état* in Moscow on 19–21 August, 1991. EC membership became actual as part of the Finnish foreign-policy reorientation in the new situation when the Soviet Union was vanishing. Obviously, security-policy considerations affected the change of mind. President Koivisto explains in his memoirs this being decisive when he came to the conclusion of EC membership. “But this (...) was not to be said publicly” [48; 554]. In front of the Finnish Parliament he argued that “we have voice there where decisions are made”, [11; 20] which also became the prevalent argument in Finland. Also Max Jakobson, a Finnish veteran diplomat and observer of world events, has regarded safeguarding the Western identity and strengthening the country’s security as the ultimate motive of the pro-EC majority [42; 110–111].

The Confederation of Finnish Industries definitively decided its stance for EC membership the next day after the failure of the Moscow coup [3; 19–40]. The political process for membership application lasted from September 1991 to March 1992. In September 1991, the Social Democratic Party Council supported unanimously EC membership. From now the Coalition Party and the Social Democrats – the first-mentioned as a government coalition party and the last-mentioned as the leading opposition party – were the leading advocates for membership. After these two parties the trade-union movement followed suit. The Centre Party as the leading government coalition party was in a puzzling situation. The attitude rejecting EC membership was still prevailing within the party. But if the party had opposed to the Finnish application it had been pushed to “sidetrack” in politics – without being able to prevent the Finnish application. Thus, the party leadership adopted a stance that application was to be submitted – it was a new matter whether the negotiations result could be approved [61; 40–66].

During preparations to membership application the Finnish foreign-policy orientation was redefined to conform to EC membership. As far as the FCA Pact or the Trade Treaty with the Soviet Union were obstacles to EC membership, these hindrances were removed through the new Treaty of the Foundations of Relations and the new Trade agreement with the Russian Federation, respectively, concluded in January 1992 [57; 18–20]. Finally, the traditional neutrality stance was revised. The Government Notice to Parliament in March 1992 on Finland’s EC application re-defined the Finnish neutrality as follows: [9; 132]; [8; 5]

“(...) the core of Finnish neutrality can be characterized as military non-alignment and an independent defence.”

The definition followed that adopted by Sweden already in 1991. Soon, however, “the core of neutrality” dropped out from both the Swedish and the Finnish definition. What was left was “military non-alignment and independent defence” [64; 117, 164–188].

Accession negotiations were carried out from spring 1993 to spring 1994 parallel with Sweden, Austria

and Norway. During this time, in autumn 1993, the European Communities was transformed to the European Union (EU).

The overwhelmingly most difficult negotiations question was Finland's position in the common agricultural policy (CAP). To meet the interests of the agricultural producers, the Finnish Government strove to preserve the agricultural income on the level reached thus far even though this was not believed to be fully materialized. For this purpose Finland was to be entitled to complement CAP transfers by additional national support. The Finnish negotiating position was that as large as possible a part of Finnish agricultural subsidies comes through CAP. Finland pursued, among other things, including the whole country within the support for the least favoured areas (LFA) on the basis that the Finnish climatic circumstances are unfavourable compared with other countries. Within the Community, however, LFA was defined in relation to other areas within the country concerned, not the Community average. The end result was that 85 per cent of the Finnish arable area came within the LFA support. (Later on, in connection with CAP reform, the LFA was to apply to the entire Finnish territory.) Finland was also entitled to pay national support to its agriculture to compensate the loss in agricultural income which otherwise had occurred. It remained ambiguous whether "serious difficulties resulting from accession" as justification for national support also for Southern Finland meant permanent circumstances or temporary, transitional problems. Representatives of the Finnish agriculture have interpreted according to the first, the Commission according to the latter. An effort of its own was to make the Commission to redact the text of the treaty also for agriculture as agreed upon in the negotiations; the Finns did not succeed completely. In other respect, by and large, Finland attained her objectives [49; 112–161, 273–275], [60; 44–45, 50, 52–55, 61], [35; 475–485].

Opposition to EC/EU membership was larger-based than to the EEA, since it aimed at more far-reaching integration. The most noticeable opponent was the Central Union of Agricultural Producers (MTK), from 1992 named the Central Union of Agricultural Producers and Forest Owners (MTK), which opposed to EC/EU membership since the CAP was expected to deteriorate agricultural income. The MTK stance had an influence on the Centre Party within which opinion divided. Among the small parliamentary parties the Rural Party (present Finns Party) opposed most consequently. Within the Leftist Alliance, the Christian Union (present Christian Democrats) and the Greens opinion divided. It emerged also an intelligentia-based movement which called for national sovereignty ." [61; 40–66], [58].

In the consultative referendum, October 1994, 57 per cent supported and 43 per cent opposed to EU membership. Support was stronger than in the Swedish referendum (52 to 47 per cent) but not as strong as in Austria (67 to 33 per cent) [45; 1]. Finland became, together with Sweden and Austria, a member of the European Union (EU) from the beginning of 1995.

Under the EU, the Finnish agriculture has run with deficit. With lower producer prices than the previous national ones, return from sales does not cover paid production costs. Thus, agricultural income consists entirely of subsidies. The national support has formed, in average, 61 and the EU support 39 per cent of the total ." [22]. In fiscal relations as a whole Finland has been a net payer except two years. Finland's gross contribution to the common EU budget has been in average 1 per cent relative to Finland's gross national income ." [13].

When acceding to the Union, Finland oriented herself decisively to the Economic and Monetary Union (EMU) and was one among the first 11 countries adopting the common currency euro in 1999. Fulfilment of the convergence criterion for public debt by Finland was enabled by the interpretation which included statutory social-insurance funds to the sphere of public sector (general government). To be sure, Finland failed to have been within the Exchange Rate Mechanism the required two years but this was a mere formality ." [19; 22–23].

Access to the EU and the EMU took place in an atmosphere of general optimism of the 1990s which did not anticipate future problems. For example, the euro was not genuinely based on economic considerations but rather it was realized as a political end in itself as part of a new united Europe. When the composition of the Euro Group was decided, convergence criteria were overlooked to gather as many countries as possible. Seemingly, decision-making was based on false conceptions of human nature.

The international financial crisis of 2008–09 was a blow against the Finnish economy but it was not

primarily created within Western Europe and not to any extent in Finland. It, however, triggered the sovereign debt crisis which had evolved within the EMU and broke out in 2010. The stipulation in the basic treaty which unambiguously defined the member countries as responsible for their public debt ¹⁰ suddenly lost its validity and “common responsibility” fell also onto Finland.

Within the Euro Group, the debt crisis has generated demands for so-called fiscal federalism consisting of a common sovereign debt and large income transfers from more solvent countries to those in weak economic position. Within the entire Euro Area, fiscal federalism seems to have majority support since majority of the countries are excessively indebted. However, a change-over to common state finances can take place only by unanimous decision. Finland has repulsed the idea of fiscal federalism sharply, albeit she has entered limited though large commitments.

The Eastern Partnership programme of the EU has exposed also Finland to confrontation with Russia, which emerged from the Ukrainian events in 2014. Economic sanctions and counter-sanctions have hurt greatly the Finnish economy.

From Closed Economy to Global Market

From the onset of industrialization in the 19th century until the period of West European integration, Finland participated in the international division of labour mainly as supplier of wood and wood-based products. The Finnish economy, thus, became highly dependent on foreign trade. Since the Independence, Finland practiced consequently protectionist foreign-trade policies which meant that, in spite of the great significance of foreign trade, Finland was ultimately a closed economy.

The time from the 1960s up to about the 1980s is here called the Period of Free-Trade Integration. It was created a regime of duty-free and quota-free trade in industrial goods in Western Europe. During free-trade integration Finland developed to an advanced, diversified industrial economy. Finland was freed from one-sided wood-based Western exports and the formerly uncompetitive, protected domestic-market industries were replaced by internationally competitive ones which marketed both at home and in abroad. Engineering industries became the other prominent export branch along with and even over the forest industries. The bilateral Eastern trade, even though it represented an opposite trading system, contributed to this development.

Globalization from the 1980s and '90s on has, again, changed profoundly the Finnish foreign-economic relations. International capital movements were liberalized during a timespan from the mid-1980s up to the early 1990s. Around the turn of the 1970s and '80s foreign direct investment, with outward flows larger than inward flows, began to grow vigorously and this development was only intensified since then. As a result, the big Finnish manufacturing enterprises grew to multinational corporations with production on all continents. Portfolio investments have grown similarly. Participation in deepening West European integration, notably membership in the EU from 1995 onwards, is an essential part of globalization. Finland has from the 1990s on become an integral part of a global market and global finance. From the early 1990s on up to the international financial crisis of 2008–09, also the Finnish foreign trade grew unprecedentedly fast.

Finland has during the Independence experienced vigorous economic growth in international comparison. By the 1980s, Finland, by and large, caught up the lead of the more advanced Western economies, and from the 1990s on Finland even featured – at least for a while – as one of the most advanced high-tech countries. These developments are, without doubt, connected with large-scale foreign trade.

The international financial crisis of 2008–09 and the subsequent sovereign-debt crisis in the Euro Area from 2010 on evidenced the adverse side of high export dependence. Finland was not participant in the emergence of problems but is one of those hurt most. International demand for investment goods collapsed and, obviously, Finnish firms also have lost market shares in the turmoil. The 2008 economic levels were not resumed by 2014 and forecasts expect sluggish development for the foreseeable future.

References

Archival sources

- [1] Parkkinen, Tiia, ETA-sopimus ja Suomen suvereniteetti, 16.10.1990, Box 448. The Central Archives for Finnish Business Records (ELKA).
- [2] Tutkimus- ja teknologiavaliokunta 14.3.1991, Box 376. ELKA.
- [3] Forsman, Erik 23.8.1991, TKL:n hallituksen 22.8.1991 hyväksymä kannanotto integraatiotilanteesta, Box 449. ETLA.

Printed sources

- [4] Finland and Western European Integration Process. Report to Parliament by the Council of State Concerning Finland's Attitude Towards the Western European Economic Integration Process, 1 November 1988, Helsinki : Council of State, 1989.
- [5] Valtioneuvoston tiedonanto eduskunnalle Suomen suhtautumisesta Länsi-Euroopan yhdentymiskehitykseen, Helsinki : Valtion painatuskeskus, 1989.
- [6] Suomi ja Euroopan Talousalue. Valtioneuvoston selonteko eduskunnalle Suomen suhtautumisesta Länsi-Euroopan yhdentymiskehitykseen 13.3.1990, Helsinki : Valtion painatuskeskus, 1990.
- [7] Ulkoasianvaliokunnan mietintö n:o 7 valtioneuvoston selonteosta Suomen suhtautumisesta Länsi-Euroopan yhdentymiskehitykseen 1990. Valtioapäivät 1990. Asiakirjat.
- [8] Valtioneuvoston tiedonanto Eduskunnalle Euroopan yhteisön jäsenyydestä, Helsinki : Valtion painatuskeskus, 1992.
- [9] Government Notice to Parliament on Finland's EC Membership Application; Address by Prime Minister Esko Aho in Parliament; 16th March 1992, Ulkopoliittisia lausuntoja ja asiakirjoja 1992, Ulkoasianministeriön julkaisuja, Helsinki 1993.
- [10] Valtioapäivät 1986. Pöytäkirjat
- [11] Valtioapäivät 1992. Pöytäkirjat.
- [12] Valtioapäivät 1993. Pöytäkirjat.
- [13] Valtion tilinpäätös 1995—2012. Valtioapäivät 1996—2013. Asiakirjat.
- [14] Teollisuus ja Länsi-Euroopan integraatio I, [Helsinki] : Teollisuuden Keskusliitto, 1988.
- [15] Teollisuus ja Länsi-Euroopan integraatio II, [Helsinki] : Teollisuuden Keskusliitto, 1989.
- [16] Luxembourg: Ministerial meeting between EFTA countries and the EC and its Member States. Joint Declaration, EFTA Bulletin 2/1984.
- [17] EES. " (...) they decided to commence formal negotiations as soon as possible in the first half of 1990 (...)", EFTA Bulletin 4/1989—1/1990.
- [18] Completing the Internal Market. White Paper of the Commission to the European Council (Milan, 28 and 29 June 1985), Commission of the European Communities, Com(85) 310 final.
- [19] Convergence Report. Report required by Article 109 j of the Treaty establishing the European Community, Frankfurt am Main : European Monetary Institute, 1998.
- [20] Treaty establishing the European Community [embedded in the Treaty on European Union], Official Journal of the European Communities C 191/1992.
- [21] Treaty on the functioning of the European Union [embedded in the Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community], Official Journal of the European Communities C 306/2007.

Periodicals

- [22] Finnish Agriculture and Rural Industries [annual issues] 1992—2014, [Helsinki] (Agricultural Economics Research Institute), 1999—2014.

Statistics

- [23] Official Statistics of Finland. Foreign Trade, 1945–2003 (Board of Customs).
- [24] Official Statistics of Finland. Foreign Trade of Goods, 2004–2012 (CD-ROM) (Board of Customs).
- [25] Official Statistics of Finland. Foreign Trade Statistics, 2013 (Board of Customs),

http://www.tulli.fi/en/finnish_customs/statistics/index.jsp (November 1, 2014).

[26] Suomen virallinen tilasto. Teknologian soveltaminen ja siirto 2000, Tiede, teknologia ja tutkimus 2001:5, Helsinki (Tilastokeskus) 2001.

[27] Suomen virallinen tilasto. Korkean teknologian ulkomaankauppa vuonna 2013, Kauppa 2013, Helsinki (Tulli) 2014.

[28] Globalisaatio ja tavaroiden ulkomaankauppa, Kauppa 2011 (Tulli), Helsinki 2011.

[29] Finnish direct investment abroad, annual & Foreign direct investment in Finland, annual (Bank of Finland), <http://www.suomenpankki.fi/en/tilastot/maksutase/Pages/taulukot.aspx> (December 6, 2014).

[30] Imports of services by service type, 2002–2012, mill. euro; Exports of services by service type, 2002–2012, mill. euro (Statistics Finland), http://www.stat.fi/til/pul/2012/pul_2012_2013-12-13_tau_001_en.html (December 6, 2014).

Literature

[31] 100 suurinta työllistäjää [vuonna 2010], Talouselämä. Yritysraportti 2011.

[32] Alho K., Forssell O., Huttunen J., et al. Neuvostoliiton-kauppa Suomen kansantaloudessa, ETLA, B:50, Helsinki 1986.

[33] Ali-Yrkkö J., Ylä-Anttila P. Yritykset kansainvälistyvät – katoavatko työpaikat? ETLA B:130, Helsinki 1997.

[34] Antola E., Tuusvuori O. Länsi-Euroopan integraatio ja Suomi, Helsinki : Ulkopoliittinen instituutti, 1983.

[35] Aunesluoma J. Vapaakaupan tiellä. Suomen kauppa- ja integraatiopolitiikka maailmansodista EU-aikaan. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2011.

[36] Building EFTA. A Free Trade Area in Europe, rev. ed., Geneva :EFTA Secretariat, 1968.

[37] Dahmén E. Suomen taloudellinen kehitys ja talouspolitiikka. Vuodet 1949–1962 sekä tulevaisuuden näkymät, Suomen Pankin taloudellisen tutkimuslaitoksen julkaisuja, C:4, 2. korjattu painos, Helsinki 1966.

[38] Hakovirta H. Puolueettomuus ja integraatiopolitiikka. Tutkimus puolueettoman valtion adaptaatiosta alueelliseen integraatioon teorian, vertailujen ja Suomen poikkeavan tapauksen valossa, Acta Universitatis Tamperensis, A:78, Tampere 1976.

[39] Hilpinen J., Kuussaari H., Ikonen P. Arvopaperimarkkinoiden kansainvälistyminen, Suomen talouden kansainvälistyminen 2000-luvulla rahoitus- ja maksutasetilastojen valossa (Ed. Jorma Hilpinen), Suomen Pankki, A:112, Helsinki 2008.

[40] Hilpinen J., Suni J. Suomen ulkomaankauppa – tavara- ja palveluvirrat kansainvälistymisen ja globalisaation mittareina 2000-luvulla, Suomen talouden kansainvälistyminen 2000-luvulla rahoitus- ja maksutasetilastojen valossa (2008).

[41] Häikiö M. Nokia. Matka maailman huipulle, Helsinki : Edita, 2009.

[42] Jakobson M. Finland in the New Europe (foreword by George Kennan), Westport, Conn. : Praeger, 1998.

[43] Jensen-Eriksen N. Läpimurto. Metsäteollisuus kasvun, integraation ja kylmän sodan Euroopassa 1950–1973, Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007.

[44] Joutsamo K. & Salonen M. Länsi-Euroopan tutkimus- ja teknologiayhteistyön rakenne, Turku ; Euro-Consulting, 1988.

[45] Kaiser W., Visuri P., Malmström C., Hjelseth A., Listhaug O., Jenssen A. T. Die EU-Volksabstimmungen in Österreich, Finnland, Schweden und Norwegen: Verlauf, Ergebnisse, Motive und Folgen, Institut für Höhere Studien, Forschungsberichte, 23, Wien 1995.

[46] Kivikari U. Finland, Going Global. Transition from Plan to Market in the World Economy (Ed. Padma Desai), Cambridge–London :MIT Pr., 1997.

[47] Kivikari U., Finnish-Soviet Trade in the Light Industries. Impact on the Finnish Textile, Clothing, Leather and Footwear Industries, University of Turku, Institute of Economics, C:18, Turku 1985.

[48] Koivisto M. Kaksi kautta II. Historian tekijät, Helsinki : Kirjayhtymä, 1995.

[49] Kuosmanen A. Finland's Journey to the European Union, Maastricht : European Institute of Public Administration, 2001.

[50] Kuusterä A., Tarkka J. Bank of Finland 200 Years, 2. Parliament's Bank, Helsinki : Otava, 2012.

[51] Laurila J. Finnish-Soviet Clearing Trade and Payment System: History and Lessons, Bank of Finland studies, A:94, Helsinki 1995.

[52] Lindgren V. Suomen ulkomaankaupan säännöstely, Kauppa- ja teollisuusministeriö 75 vuotta 1880–1938–1963, Helsinki : Kauppa- ja teollisuusministeriö, 1963.

[53] Lindroos P. Suurten teollisuusyritysten kansainvälistyminen, Kansainvälistyvä yritys ja muuttuva Eurooppa (Ed. Pirkko Haavisto et al.), ETLA B:75, Helsinki 1991.

[54] Paavonen T. Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. Suomen ulkomaankauppa- ja integraatiopolitiikka 1945–1961, Suomen Historiallinen Seura, Historiallisia Tutkimuksia, 198, Helsinki 1998.

[55] Paavonen T. Talouden kehitys ja talouspolitiikka hyvinvointivaltion kaudella, Eduskunta hyvinvointivaltion rakentajana. Suomen eduskunta 100 vuotta, 8 (Ed. Juhani Mylly et. al.), Helsinki : Edita, 2006.

[56] Paavonen T. Vapaakauppaintegraation kausi. Suomen suhde Länsi-Euroopan integraatioon FINN-EFTAsta EC-vapaakauppaan, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Historiallisia tutkimuksia, 235, Helsinki 2008.

[57] Paavonen T. August 1991 as a Turning-point in the Finnish-Russian Relations, *Studia Humanitatis Borealis*, 2/2014.

[58] Puolueiden kannanottoja, Eurooppa-tietoa, 136/1993, Helsinki : Ulkoasiainministeriö.

[59] Seppinen J. Suomen EFTA-ratkaisu yöpakkasten ja noottikriisin välissä, Suomen Historiallinen Seura, *Bibliotheca historica*, 21, Helsinki 1997.

[60] Sundbäck V. Suomen EU-jäsenyysneuvottelujen loppusuora, Marginaalista ytimeen. Suomi Euroopan Unionissa 1989–2003 (Ed. Alexander Stubb), Helsinki : Tammi, 2006.

[61] Sunnari O. Suomen EY-liityntä poliittisena prosessina. Aineistoraportti, Turun yliopisto. Valtio-opin laitos, *Tutkimustiedotteita* 11, 1993.

[62] Suomi J. Liennytyksen akanvirrassa. Urho Kekkonen 1972–1976, Helsinki : Otava, 1998.

[63] Vartia P., Ylä-Anttila P. *Kansantalous* 2028, ETLA, B:204, 2003.

[64] Väyrynen P. Suomen puolueettomuus uudessa Euroopassa. Kansallinen doktriini ympäristön murroksessa, Helsinki : Otava, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] The diplomatic emergence of the Finnish-Soviet customs agreement is reported by [59; 131–134, 162–165, 182–184, 186–189, 213–222, 226–253].

[2] The EC refers to the ECSC, the EEC and the European Atomic Energy Community together.

[3] “Free-trade agreement with the EC” refers to the free-trade agreements with the EEC and the ECSC together.

[4] For the whole free-trade-agreement process [56; 124–132, 145–215].

[5] This is a consequent argument in the minutes of the Committee on Trade Policy of the Confederation of Finnish Industries on Soviet trade up to 1989 in the Central Archives for Finnish Business Records (ELKA).

[6] In statistics, as high-tech products are classified products of industries, within which at least 4 per cent of turn-over consists of R&D costs.

[7] Calculation applies to Finland-based corporations on consolidated level.

[8] Co-opération Européen dans le Domaine de la Recherche Scientifique et Technique.

[9] Conseil Européenne pour la Recherche Nucléaire–European Organization for Nuclear Research.

[10] Treaty of Maastricht: Treaty establishing the European Community, art. 104 b; Treaty of Lisbon: Treaty on the functioning of the European Union, art. 125:1.

From national protection to global market economy Finnish foreign-trade policies and integration policies since World War II

PAAVONEN
Tapani

Turku,
Doctor of Social Science, Senior Researcher,
Political History, University of Turku,
Turku, tapaavo@utu.fi

Keywords:

*

Summary:

From the early years of Independence up to the beginning of the 1960s Finland practised foreign-trade policies which were conspicuously protectionist for a small West European and Nordic country highly dependent on foreign trade. Finnish import duties corresponded to those of industrial countries with large domestic market, while war-time import regulations were extended largely for protectionist purposes.

Free-trade integration consisted of free trade in industrial goods within Western Europe. In 1961, Finland concluded a separate agreement with the member countries of the European Free Trade Association (EFTA), becoming a “full member” of the EFTA in 1986, and, in 1973, a free trade agreement with the European Communities (EC).

Large-scale trade with the Soviet Union complemented the Finnish foreign trade. Integration solutions with regard to Western Europe included special arrangements to safeguard the Eastern trade.

From the mid-1980s on, Finland oriented herself towards the emerging European Economic Space (EES), later on renamed the European Economic Area (EEA), between the Community and the EFTA. The EEA extended the principle of free trade to embrace almost all economic transactions. The EC-EFTA link was the most important element in Finland’s globalization aspirations. The EEA entered into force in 1994 but, as a result of the next enlargement of the European Union (EU), Finland, participated in the EEA in the capacity of an EFTA country only that one year.

After Austria and Sweden had applied for EC membership, Finland followed suit in 1992. Properly, for Finland this action was a reaction the turbulent developments in the Soviet Union and Russia. From 1995 on Finland has been a member country of the EU. Finland strove from the very beginning to the “core”, i.e. the Economic and Monetary Union (EMU) and was one of the original euro-area countries in 1999. The EU was joined in a spirit of “euro ecstasy”. Main problems appeared 15 years later.

From the early 1960s on, the Finnish economy has undergone a profound change. Still in the 1950s, the Western exports consisted mainly of less-processed wood products while the domestic-market industries produced a large variety of relatively simple goods under the auspices of border protection. Free-trade integration diversified the exports and transformed the thus-far domestic-market industries to internationally competitive ones with markets both at home and in abroad. From the 1980s on the Finnish economy has been internationalized. For example, the big manufacturing enterprises have been transformed to multinational corporations with production units on all continents.

УДК 32 (030)

Символы в политике идентичности современной России

ЦУМАРОВА
Елена
Юрьевна

*кандидат политических наук,
старший преподаватель, кафедра зарубежной
истории, политологии и международных
отношений,,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, tsumarova@gmail.com*

Ключевые слова:

Политика идентичности
символы
идентичность российской нации
государственная символика

Аннотация:

Данная статья посвящена анализу процесса конструирования чувства престижа в постсоветской России. Особое внимание при этом уделяется транслируемым представлениям об общем происхождении и общей политической судьбе, общих символах и достижениях. В качестве материала для анализа, помимо Посланий Президента Федеральному Собранию РФ, выступали стенограммы заседаний Государственной Думы России, касающиеся обсуждения законопроектов о государственной символике в 1998 и 2000 годах. Основное внимание при этом уделялось конструированию представлений о «золотом веке», культивированию символов и особенностей российской нации.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Процесс принятия государственной символики нового государства — Российской Федерации — затянулся почти на 10 лет после принятия Декларации о государственном суверенитете. Провозглашая курс на формирование независимого государства, политическое руководство страны в меньшей степени уделяло внимание установлению символов, способных объединить граждан¹. Только в конце 1993 г. Б. Н. Ельцин своими указами утвердил герб, гимн и флаг России. В качестве герба был утвержден двуглавый орел, гимном стала «Патриотическая песня» Михаила Глинки без поэтического текста, в качестве флага устанавливался бело-сине-красный триколор. В принятой 12 декабря того же года Конституции, тем не менее, описание государственных символов отсутствовало. Статья 70 закрепляла необходимость принятия федерального законодательства, описывающего символы и порядок их официального использования.

В течение 1993—1999 гг. Б. Н. Ельцин трижды вносил в Государственную Думу законопроекты о государственной символике, однако они так и не были приняты депутатами. Как правило, законопроекты блокировались еще на стадии определения повестки дня в парламенте. Ни одна из сторон не была готова к компромиссам, из-за чего процесс законодательного закрепления символов государства затянулся до конца 1990-х гг. «Исторический компромисс» был достигнут только с приходом к власти В. В. Путина. 8 декабря 2000 г. Государственная Дума «в целом» приняла пакет законопроектов о государственной символике России. С этого момента официальными символами России утверждены двуглавый орел, бело-сине-красный флаг и музыка А. В. Александрова². 7 марта 2001 г. Государственная Дума приняла также текст гимна, написанный С. В. Михалковым.

Объяснение тем трудностям, которые возникли при введении новой символики, может быть

получено при обращении к теории чувства престижа Макса Вебера [12]. Согласно данному подходу, люди скорее будут отождествлять себя с тем сообществом, принадлежность к которому считается более престижной. Официальные символы при этом должны вызывать наиболее эмоционально насыщенные «приливы гордости» за «свое» сообщество.

Применительно к России 1990-х гг. необходимо констатировать отсутствие сколько-либо значимых объектов для гордости. Граждане России, которые родились и прошли социализацию в одной из супердержав мира, оказались в ситуации глубокого экономического, политического и социального кризиса. Изменение геополитической ситуации также произошло не в пользу России. Впервые за долгое время Россия оказалась вытеснена с авансены мировой арены. Естественно, что в таких условиях говорить о престижности этого сообщества не представлялось возможным. Кроме того, разобщенность политических элит, которая выражалась в противостоянии Ельцина и Горбачева в 1991 г., Ельцина и Верховного Совета в 1993 г., а затем — в более мирной форме — Ельцина и оппозиционной Государственной Думы в 1996 г., также не способствовала формированию единой концепции государственной символики.

Экономический кризис 1998 г. и югославский кризис в 1999 г. стали переломными моментами для россиян. Первый продемонстрировал несостоятельность либеральной экономической, а второй — либеральной внешней политики. Военные действия НАТО против Союзной Республики Югославия стали самым ярким доказательством утраты Россией своего могущества. Возможно, именно эта ситуация кризиса «престижности» российского сообщества, потребность населения хотя бы в какой-нибудь победе и объясняет массовую поддержку второй Чеченской кампании. Это ситуация нашла отражение и в позиции В. В. Путина: в телевизионном интервью 23 января 2000 г. он заявил, что «активная поддержка населением наших действий на Кавказе является результатом не только оскорбленной национальной гордости, но и осознания того, что государство за эти годы стало слабым. А оно должно быть сильным» [цит. по: 8; 323]. Первые значительные успехи федеральных войск реабилитировали государство в глазах населения и сделали принадлежность к нему более престижной.

С другой стороны, как отмечалось выше, кризис 1998 г. и, в еще большей степени, югославский кризис 1999 г., а также контртеррористическая операция в Чечне привели к консолидации политической элиты сначала во главе с Е. М. Примаковым, а затем — с В. В. Путиным. Это позволило выработать единую позицию, в том числе, и по вопросам символики. Противоречия, связанные с процессом принятия законов о государственной символике России, естественно, отразились и на конструируемом чувстве престижа, которое претерпело существенные изменения после 2000 г.

Важную роль в поддержании чувства престижа играют также представления **об общем происхождении и общей политической судьбе**. Так, в преамбуле Конституции отмечается, что «многонациональный народ Российской Федерации» соединен «общей судьбой на своей земле» и обладает исторически сложившимся государственным единством [1; 17]. Это единство подчеркивается и в Посланиях Президента, и в выступлениях депутатов, которые часто апеллируют к «великой и многовековой истории России» [см., например: 5, 9, 11]. При этом интерпретация и оценка «общей истории» менялась в зависимости от политической ситуации и идеологических предпочтений политических акторов.

В частности, в 1998 г. существовало три альтернативные концепции государственной символики, отражавших, соответственно, три альтернативных интерпретации российской истории. *Первая концепция* заключалась в сохранении советских символов с возможной доработкой. Предлагалось восстановить советский гимн, красный флаг, серп и молот в качестве символов уже новой России. В качестве «золотого века», таким образом, провозглашался Советский Союз. Обосновывая эту позицию, представитель фракции КПРФ О. А. Шенкарев подчеркивал, что с этими символами «связана эпоха расцвета Родины» и что с ними «мы обязаны вернуть утраченные экономические и политические позиции» [9]. Кроме этого, депутат фракции «Народовластие» Н. П. Данилова отмечала моральное значение советских символов: «красный цвет был символом жизни, веселья, радости, праздника, отрицать нельзя»; а О. А. Шенкарев полагал, что «если по утрам, в шесть часов, граждане России будут слышать столь знакомую мелодию... это будет для них определенной психологической поддержкой, будет способствовать мобилизации жизнеутверждающих сил» [9].

Противоположную оценку советскому прошлому предлагал член депутатской группы «Российские регионы» А. Э. Янковский. По его мнению, «период с 1917-го по 1991 год ... это один из самых трагичных периодов российской истории... это всего лишь 70 лет в истории страны, мягко говоря, неоднозначно оцениваемые народом» [9]. Схожую интерпретацию советской истории озвучивал и Президент Б. Н. Ельцин. СССР, в его понимании, являлся неудачным идеологическим проектом, который

«ставит придуманную, несбыточную цель, а затем приносит жизни и судьбы людей в жертву ее реализации». При этом установление советской власти, по его мнению, привело к утрате «достижений дореволюционной России в сфере культуры, экономики, права, общественно-политического развития» [3]. В соответствии с этим, вторая концепция официальной символики, которая была предложена и одобрена Президентом, содержала идею возвращения к традиционной российской геральдике. Она была озвучена официальным представителем Президента в Государственной Думе, Г. В. Вилинбаховым: «историческими символами, выражающими идеи суверенности, единой государственности и отражающими геополитическое положение России, были признаны бело-сине-красный флаг и двуглавый орел» [9]. Примечательно, что в данном случае отсутствует упоминание гимна как наиболее спорного символа постсоветской России. Обращение к дореволюционной России как к «золотому веку» А. Э. Янковским объяснялось необходимостью «реабилитировать» несправедливо забытую тысячелетнюю историю и задать «тон возрождению великого государства» [9], «с его нелегкой, но великой... историей, которое не утратило способности преодолевать трудности» [3].

Наконец, третья концепция предполагала создание принципиально новой символики России. Так, председатель ЛДПР В. В. Жириновский предложил «разработать символику с учетом того, что мы (россияне — Прим. Е. Ц.) первыми вышли в космос, мы первая космическая держава на планете Земля», и наши символы могли бы отражать «не ушедшее прошлое... а XXI—XXII века, когда неизбежен выход человечества на другие планеты» [9]. Другими словами, эта концепция была нацелена не на олицетворение прошлых достижений, не на прошлое в целом, а на будущее, которое в данном проекте выступает в качестве «золотого века». Прошлые достижения, в таком случае, выступают лишь как этап на пути к «светлому будущему».

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. на официальном уровне существовали диаметрально противоположные представления о «золотом веке»³ России: дореволюционная Россия — СССР — будущее. И если первый концепт имел своей целью скорейшее избавление от негативного «советского наследия» путем его очернения, второй, напротив, стремился сохранить преемственность и культивировал достижения советской эпохи, третий же представлял собой вариацию на тему идеально-типического общества. Возможно, именно такое разнообразие представлений, каждое из которых имело как своих сторонников, так и противников, и послужило причиной того, что принятие федерального законодательства о государственной символике было отложено. Как отметил председатель депутатской группы «Российские регионы» О. В. Морозов, «любое решение... не консолидирует в целом нашу страну, наше общество, а может, наоборот, привести к напряжению и политическому, и идеологическому» [9].

Концепция «золотого века» России была пересмотрена в 2000 г. С этого времени стала активно транслироваться идея о неделимости российской истории, о необходимости исторического компромисса: примирить «царя с царским гербом и флаг, который был в разное время» и «восстановить советский гимн» (В. В. Жириновский) [10]. «Золотой век», таким образом, переставал выполнять маркирующую функцию деления истории на «плохую» и «хорошую». Вся история государства приобретает ценность и легитимность: «мы наследники разной России ... Россия до семнадцатого года — это такой же клубок страстей, побед и поражений, низости и величия власти, как и Россия после семнадцатого года» (О. В. Морозов) [10]. Главное отличие современного понимания «золотого века» — «реабилитация» теперь уже не имперской, а советской истории. В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию отмечалось, что «прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [7]. Для Президента Россия была «не «огрызком» Советского Союза, но страной с большим прошлым и традициями» [7]. Как отмечает Р. Саква, «политика Путина основывалась на уважении чувств старшего поколения, и, позволяя прошлому жить рядом с современностью, он давал людям возможность физически ощущать связь времен» (8: 338, 314).

Таким образом, современная интерпретация «золотого века» закрепляет преемственность российской истории и позволяет апеллировать к ней как к определенной траектории развития современного государства и общества.

Помимо общей истории, важным элементом чувства престижа является наличие **общих символов и достижений**. Можно отметить существующий консенсус относительно основных предметов гордости, которые призваны легитимировать как существующий политический режим, так и его историю. Центральным элементом системы легитимации считается победа в Великой Отечественной войне. Празднование Дня Победы, как дня «торжества цивилизации над фашизмом» [7], создает дискурсивное пространство для культивирования превосходства России, русского народа⁴. Примечательно, что

именно победа в войне служит отправной точкой при определении дальнейших национальных достижений. История до победы в Великой Отечественной войне, как правило, не артикулируется, тогда как 1945 год предстает как *«звездный час в истории нашего народа»* (депутат ГД от КПРФ В. С. Романов) [9], достигнутый силой духа *«всех народов, объединенный в то время в союзном государстве»* [7]. Тем не менее, следует отметить, что определенные отсылки к имперской истории все же встречаются в текстах выступлений. При этом, как правило, речь идет о войне 1812 г. и событиях, связанных с подвигами русских людей. В связи с этим интересно высказывание депутата ГД от КПРФ Н. Н. Губенко: *«с этими символами (речь идет о двуглавом орле и триколоре — Прим. Е. Ц.) связано бесчестье стрелецких казней, трагедии декабристов, Ленского расстрела, Кровавого воскресенья, эпоха царской России — тюрьмы народов, предательство Власова и так далее. Но Суворов, но Кутузов, Нахимов, Корнилов, но русский народ, на который история обрушивала страшные испытания и который всегда был главным героем, будь то борьба с наполеоновским нашествием, будь то севастиопольская эпопея, — сколько достоинства, сколько терпения и страдания, сколько преданности Родине»* [10].

Еще одним важным достижением русского народа признается выход в космос. Например, при обсуждении поэтического текста нового гимна предлагалось включить информацию *«о начале освоения космоса россиянами, что очень важно, так как это событие обязательно войдет в историю нашей планеты»* (депутат А. С. Иванов) [11]. Подчеркивание исторической значимости (не только в пределах одного государства, но и всего мира) успехов *«нашего народа»* направлено на конструирование образа великого народа, великого государства, принадлежность к которому не просто является престижной, но и дает определенные преимущества во взаимоотношениях с другими народами и государствами.

К основным символам России, как правило, относят памятники культуры и искусства. Так, объектами национального достояния провозглашены Эрмитаж и Большой театр, олицетворением многонациональной российской культуры — А. С. Пушкин. На протяжении анализируемого периода культура рассматривалась как средство для мощного возрождения и процветания Отечества [5], которое позволит России стать действительно великим государством [6].

Особое место среди транслируемых символов России занимает ее географическое расположение, которое представляется как данность, а не как результат человеческой деятельности *«двуглавый орел действительно олицетворяет евразийство России. Ни одна страна в мире не располагает такими географическими особенностями, как Россия, которая основана и на территории Азии, и на территории Европы»* (представитель Президента в ГД А. А. Котенков) [10]. Евразийский статус России легитимирует представление о ней как о великом государстве, великой державе, интересы которой *«охватывают все значимые международные проблемы, а географически — практически весь мир»* [4]. Использование термина «державность» в данном контексте не случайно. Традиционно «державность» выступала в качестве синонима «империи» [2], влияние которой распространяется на большие территории, в том числе и за пределами своего государства. Основанием для такого влияния является военная и экономическая мощь имперского центра, легитимность которого определяется путем конструирования и транслирования «миссии». Так, явно имперский характер внешней политики России на постсоветском (евразийском) пространстве обосновывается «цивилизаторской миссией» России, цель которой *«состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность»* [7].

Итак, анализ конструирования чувства престижа в России позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, представление о «золотом веке» нации трансформировалось от культивирования достижений дореволюционной России в 1990-е гг. к признанию непрерывности и целостности всей истории государства в 2000-е гг., что отличается и от советской традиции, во многом осуждавшей царскую Россию. Во-вторых, история России представляется как череда побед и достижений мирового значения, что позволяет говорить о величии России. В-третьих, среди политической элиты существует консенсус относительно общих достижений и символов (прежде всего, культурных), которые служат предметами гордости нации. К ним относятся, прежде всего, победа в Отечественной войне 1812 года и подвиги русских солдат в многочисленных сражениях в имперский период, победа в Великой Отечественной войне (как средство избавления мировой цивилизации от фашизма) и освоение космоса в советское время. В-четвертых, географическое положение России (евразийство) оценивается как ресурс, с помощью которого возможно осуществлять контроль над большими территориями. Таким образом, чувство престижа в современной России основывается, прежде всего, на представлении о державном, имперском, характере ее власти.

2012—2016 гг.

Список источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации. М., 2000.
2. Миллер А. История империй и политика памяти // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11151, свободный. (Дата обращения: 15.05.2015).
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «Россия, за которую мы в ответе» // *Российская газета*. 1996. 24 февр.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «Общими силами – к подъему России» // *Российская газета*. 1998. 18 февр.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «Россия на рубеже веков» // *Российская газета*. 1999. 11 марта.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. Москва, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml, свободный. (Дата обращения: 20.05.2015)
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. Москва, 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml, свободный. (Дата обращения: 20.05.2015)
8. Саква Р. Путин: выбор России. М.: Олма Пресс. 2006.
9. Государственная Дума. Официальный сайт. Москва, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2626/>, свободный. (Дата обращения: 20.05.2015).
10. Стенограмма заседания Государственной Думы России «О проекте федеральных законов о государственной символике Российской Федерации». Государственная Дума. Официальный сайт. Москва, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2053/>, свободный. (Дата обращения: 20.05.2015).
11. Стенограмма заседания Государственной Думы России «О проекте федерального конституционного закона "О внесении изменений и дополнения в Федеральный конституционный закон «О Государственном гимне Российской Федерации»». Государственная Дума. Официальный сайт. Москва, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1998/>, свободный. (Дата обращения: 20.05.2015).
12. Weber M. (1994). *The Nation*, in: J. Hinchinson and A. D. Smith, eds., *Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 21—25.

References

1. Constitution of the Russian Federation. [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii] M., 2000.
2. Miller A. Empire History and Memory Politics. [Istoriya imperii i politika pamyati] // *Rossiia v global'noy politike*. 2008. № 4. [Electronic resource]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11151 (accessed 15.10.2015).
3. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii]. *Rossiyskaya gazeta*. 1996. 24 February.
4. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii]. *Rossiyskaya gazeta*. 1998. 18 February.
5. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii]. *Rossiyskaya gazeta*. 1999. 11 March.
6. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii]. [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml (accessed 20.05.2015).
7. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii]. [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (accessed 20.05.2015).
8. Sakva R. Putin: Russia's Choice [Putin: Vybor Rossii]. M., 2006.
9. The Record of the State Duma Discussion "On the State Symbols of Russian Federation" [Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii "O Gosudarstvennoy simbolike Rossiyskoy Federatsii]. Oficial'noe izdanie [Electronic resource]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2626/>

- (accessed 20.05.2015).
10. The Record of the State Duma Discussion “On the Federal Law Draft on the state symbols of Russian Federation” [Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii “O projekte federal’nykh zakonov o Gosudarstvennoy simvolike Rossiyskoy Federatsii”. Oficial’noe izdanie [Electronic resource]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2053/> (accessed 20.05.2015).
  11. The Record of the State Duma Discussion “On the Federal Law Draft on the Making Changes and Additions in the Federal Law “On the national anthem of the Russian Federation” [Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii “O projekte federal’nogo konstitutsionnogo zakona o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v federal’nyi konstitutsionnyi zakon “O gosudarstvennom gimne Rossiyskoy Federatsii”]. Oficial’noe izdanie [Electronic resource]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1998/> (accessed 20.05.2015).
  12. Weber M. The Nation, in: J. Hunchinson and A. D. Smith, eds., *Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21—25.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Созданная в июне 1990 г. комиссия по созданию гимна, в которую входили ведущие деятели литературы и искусства, рассмотрела большое количество вариантов и рекомендовала Б. Ельцину утвердить музыку Глинки без текста.

[2] Первое чтение законопроекта о государственном гимне состоялось еще 10 марта 1999 г., на котором был достигнут компромисс, касающийся музыки Александрова, которая была еще гимном Советского Союза.

[3] Под «золотым веком» в данной работе понимается период истории государства, обозначаемый политической элитой как время наибольших успехов, достижений и побед.

[4] В текстах стенограмм и Посланий встречается приписывание победы как всем гражданам СССР, так и исключительно русскому народу.

Symbols in Russia identity politics

**TSUMAROVA
Elena**

*Department of World History,
Political Science and International Relations, Institute of
History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, tsumarova@gmail.com*

Keywords:

Identity politics
symbols
identity of Russian nation
state symbols

Summary:

This article analyzes the process of prestige construction in post-Soviet Russia. Particular attention is paid to the broadcasting notions of a common origin and political destiny, symbols and achievements. Presidential Addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation and transcripts of the meetings of the State Duma, discussions on the draft laws on state symbols held in 1998 and 2000 were analyzed. The main attention was paid to designing of concepts of a "golden age" and cultivating symbols and specific features of the Russian nation.

УДК 27-475.5

Проповеди архимандрита Фаддея (Успенского) на страницах газеты «Олонецкие епархиальные ведомости»

**АБРОСИМОВА
Дарья
Дмитриевна**

*научный сотрудник,
«Государственный историко-архитектурный и
этнографический
музей-заповедник «Кижы»,
Петрозаводск, Россия, daria-2005@yandex.ru*

Ключевые слова:

проповедь
Фаддей (Успенский)
«Олонецкие епархиальные
ведомости»
епархиальная периодическая печать

Аннотация:

В статье сделан предварительный обзор проповедей священномученика архиепископа Фаддея (Успенского) на страницах газеты «Олонецкие епархиальные ведомости» (ОЕВ). Фаддей (Успенский) служил во многих российских городах, преподавал в нескольких духовных семинариях, в течение жизни вел активную проповедническую работу. Мученически погиб в 1937 г., был причислен к лику святых в 1997 г. Оставил после себя обширное творческое наследие, которое пока остается большей частью неизученным. Немалую его часть составляют проповеди. На страницах газеты помещены проповеди, произнесенные Фаддеем (Успенским) в храмах Петрозаводска и его учебных заведений за шестилетний период служения здесь в сане архимандрита в должности ректора Олонецкой духовной семинарии и главного редактора ОЕВ. Большую часть этих проповедей составляют «Слова». Они рассматриваются с точки зрения их соответствия требованиям жанра проповеди и такой ее формы как слово. В статье сделан вывод, что проповеди Фаддея (Успенского) могут быть отнесены к классическим образцам церковной словесности. В то же время в них прослеживается творческая индивидуальность автора, позволяющая говорить об авторском идиостиле. Гомилетические тексты Фаддея (Успенского), помещенные в ОЕВ, представляют собой связанный с Петрозаводском и Олонецкой епархией этап его творчества.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Газета «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее — ОЕВ) начала выходить в 1898 г. — одной из самых последних в стране по сравнению с аналогичными изданиями других епархий (в 1860 г. первыми начали выходить «Ярославские» и «Херсонские епархиальные ведомости», а самыми последними, в 1906 г., — «Туркестанские») [19; 177]. Поэтому период ее существования оказался относительно недолгим и продлился всего 20 лет, до 1918 г. Как и в случае с другой, первой по времени выхода олонецкой газетой, «Олонецкими губернскими ведомостями», наибольший интерес для современных исследователей, историков, краеведов, этнографов, культурологов, представляет неофициальная часть этого издания. Опубликованные в ней материалы, авторами которых были

представители городской и сельской интеллигенции, епархиальной и губернской элиты, довольно пестры в жанровом отношении. Среди них разнообразные публикации по народному образованию, многочисленные проповеди, жизнеописания олонецких святых и биографические сведения о церковных деятелях, описания монастырей и приходов, путевые заметки о паломничествах, выдержки из дневниковых записей, фольклорно-этнографические статьи [20], самодеятельная поэзия. Вместе они отражают специфику местной общественной, церковной, творческой жизни в конце XIX — начале XX в.

Одним из самых плодовитых авторов неофициальной части ОЕВ был священномученик Фаддей (Успенский): за шесть лет им было опубликовано более ста статей. Большого числа публикаций в этой газете нет ни у одного другого корреспондента.

Канонизация архиепископа Фаддея произошла в конце прошлого столетия, в 1997 г., после обретения его мощей в 1993 г. [24]. Изучением его биографии по архивным материалам занимался игумен Дамаскин (Орловский), опубликовавший жизнеописание новомученика в сборнике, посвященном святым XX в., и нескольких статьях [15], [13], [14].

Согласно этим публикациям, архиепископ Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский) родился в 1872 г. в Нижегородской губернии в семье потомственного сельского священника. Окончил Нижегородскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Монашеский постриг принял в 1897 г. Преподавал в духовных семинариях Смоленска, Минска, Уфы, Петрозаводска. В течение жизни служил также на Украине, во Владикавказе, Астрахани, Саратове и Твери. Имел степень доктора богословия, достиг сана архиепископа (в 1922 г.). Мученически погиб в Твери в 1937 г.

С Петрозаводском и Олонецкой епархией был связан шестилетний период жизни Фаддея (Успенского), который начался вслед за его рукоположением в архимандрита и назначением на должность ректора Олонецкой духовной семинарии (далее – ОДС) в 1902 г., и продолжался до 1908 г., когда он покинул Олонецкую губернию в связи с возведением в сан епископа Владимир-Волынского.

Канонизация архиепископа Фаддея в 1990-е гг. вызвала подъем интереса к его письменному наследию, выразившийся в неоднократных переизданиях его сочинений как самостоятельными изданиями, так и в составе выпусков научной и церковной периодики [27], [28], [25], [26]. Эти публикации представляют собой не только перепечатки его проповедей из Епархиальных ведомостей тех епархий, где он служил, или воспроизведение его научно-богословских трудов, но и редкие материалы, хранящиеся ныне в областных архивах Управления ФСБ [16], [17].

Факт широкой публикации произведений пера священномученика Фаддея означает признание значимости его творений, причем в разных кругах. При этом они остаются пока не изученными, — к их научному изучению в избранных аспектах сделаны лишь первые подступы [18] — тем более не изученными в рамках литературоведения, как особый вид словесного творчества.

Хотя богословское, и в частности, гомилетическое творчество Фаддея (Успенского) весьма обширно, цель данной статьи — дать предварительный обзор той его части, которая запечатлелась на страницах ОЕВ.

Обращаясь к работам предшественников в этом направлении, мы сталкиваемся с тем, что традиция филологического анализа русскоязычной проповеди XIX в. в отечественной науке еще только начинает складываться: на сегодняшний день она представлена в основном диссертационными работами и отдельными статьями. Изучая проповеди священнослужителей, авторы делают предметом исследования художественную форму и композицию этих произведений, их образную систему и метафорический язык [21]. Они рассматривают проповеди в епархиальных печатных органах с точки зрения гомилетики и риторики, отмечают трансформации жанра, происходящие в этом контексте, обращают внимание на использование в проповедях народных мифологических представлений и фольклорных текстов как способа приблизиться к миропониманию паствы [22], [23; 25–28].

Учитывая опыт изучения этого жанра в работах предшествующих исследователей, попытаемся сделать общие наблюдения о тематике и построении его проповедей, об ораторских приемах и риторических средствах, характеризующих его идиостиль как проповедника.

Церковная проповедь, согласно определению богословов XX в., — «возвещение евангельского учения... в живой речи перед народом» [12; 6]. Прежде чем попасть в ОЕВ, проповеди Фаддея (Успенского) произносились в храмах города и его учебных заведений. Их основным адресатом являлись студенты ОДС (в семинарской церкви прозвучала примерно половина его опубликованных в газете проповедей), а также прихожане центральных и крупных городских церквей — Святодуховского кафедрального собора, Петропавловского собора, Крестовоздвиженской церкви на Зарецком кладбище. Часть проповедей была произнесена архимандритом Фаддеем в церкви Олонецкого епархиального женского училища и в Олонецкой гимназии, еще часть предназначалась учителям народных школ,

слушателям педагогических курсов в Петрозаводске, в которых он принимал участие как руководитель и лектор. Отдельные проповеди были сказаны в Братском Назарьевском доме и церквах при богоугодном и исправительном заведениях — Николаевском детском приюте и петрозаводской тюрьме.

Публикация текстов проповедей в ОЕВ вслед за их произнесением, очевидно, выбор самого Фаддея (Успенского), который в период своей деятельности в качестве ректора духовной семинарии исполнял также обязанности главного редактора газеты. Письменная форма обеспечивала произведениям изначально устного бытования вторую жизнь, делая их доступными широкой аудитории не только современников, но и последующих поколений. Это заставляет вспомнить о произведениях древнерусского красноречия, которые также «оставались прежде всего письменными памятниками, рассчитанными не на сиюминутное произнесение, а на чтение и размышление на долгие времена» [30; 8].

В гомилетике выделяется четыре исторически сложившиеся формы проповеди: беседы, слова, поучения и речи (названия некоторых из них могут незначительно различаться у разных авторов [29; 155], [12; 37]). Все они (кроме беседы, которая является устаревшей формой) встречаются в заголовках проповедей архимандрита Фаддея, помещенных в ОЕВ; однако подавляющая часть его текстов написана в форме «слов».

На современном этапе «слово» является самой распространенной формой проповеди. Ее особенность в том, что она опирается на порядок праздников церковного года. «Слово» позволяет проповеднику сосредоточиться на какой-либо одной наиболее важной стороне празднуемого события; отличительное требование этой формы проповеди — резонанс с животрепещущими темами современности.

Многие «Слова» Фаддея (Успенского) выстроены в соответствии с этим принципом. Они не сводятся к пересказу сюжета, легшего в основу праздника. Перечисление его существенных черт или упоминание названия праздника (иногда даже и оно может отсутствовать) занимает в его проповедях лишь начало, вступление. Основную же часть проповеди, «изложение», проповедник посвящает раскрытию значения празднуемого события и делает это через связь с явлениями жизни, окружавшей его слушателей. Приведем пример, когда он совершает этот переход от темы праздника к выбранной им актуальной теме в самом начале речи: *«В нынешний день, когда воспоминается, с одной стороны, принесение по закону в храм Творца закона, с другой, напоминает о ложных ревнителях закона фарисеях, благовременно, братие, нам размыслить о значении закона в жизни человеческой. В “наши дни”, когда на знамени века как бы написали люди: “свобода и законность”, а с другой стороны, обличают нещадно ревнителей закона на бумаге, попирающих закон на деле по своему “усмотрению”, современным вопросом является вопрос о значении закона в жизни общественной»* [11; 113].

Спектр злободневных вопросов, которые архимандрит Фаддей таким образом затрагивает в «Словах», охватывает самые разные сферы жизни, от внешнеполитической до научно-интеллектуальной. Так, «Слово на Новый год (1905-й)», было произнесено им в кафедральном соборе Петрозаводска в разгар русско-японской войны, после того как русская армия потерпела в ней серию поражений. Оно насыщено беспокойством последствиями этих событий для морально-нравственного состояния разных слоев населения: *«Одни с каким-то безнадежным настроением говорят, что после гибели славного адмирала, потом и Порт-Артура, едва ли могут сделать что-нибудь с усилившимся врагом наше сухопутное войско и недостаточно сильный флот. Другие... раздражаются горькими и даже яростными упреками, оканчивавшимися даже убийствами, по отношению к тем, кто держал в руках кормило управления страной...»* [10; 41]; *«наши храбрые воины в великом множестве легли на полях и горах или погибли во глубине морской... а мы веселимся... и о причинах бедствий своих не помышляем. ...Пред глазами нашими проходят иногда нищенствующие вдовы, старики и дети... некоторые из них страдают от голода и холода, а мы, как бы ничего не видевшие и не знающие, ни в чем не повинные, исполнены жажды веселья...»* [10; 43]. На фоне высказанных тревог в «Слове на Новый год...» звучат характерные для жанра мотивы призыва к исправлению внутренней жизни каждого как основы внешних изменений: *«Не лучше ли было бы им [современникам], оставив бесплодное уныние... обновить сердца свои искренним всенародным исповеданием неправд своих, содеянных пред Богом...? ...Только после такого-то всеобщего внутреннего обновления действительно наступила бы на всей земле Русской весна...»* [10; 45].

В другой проповеди, «Слове в день Рождества Христова», объясняя студентам ОДС суть набирающего популярность в стране социал-демократического движения, Фаддей (Успенский) дает разоблачительные характеристики этому движению и его приверженцам: *«[Они] считают необходимыми ради успехов мнимого освободительного движения убийства и грабежи, проявляют*

безжалостное и зверское отношение к больным и голодным, причиняют разорение и делают насилия над целю страню...» [3; 7]; «некоторые безумные поборники свободы... пытаются представить себя даже учениками Христа, который будто бы... был первым революционером, социал-демократом и т.п. Но это присвоение себе имени Христова свидетельствует лишь о [их] коварстве... они... землю называли «Божией» лишь для того, чтобы успешнее склонить народ на насилие и грабеж имений помещиков...» [3; 8]. Как и предыдущий цитированный текст, проповедь оканчивается обращениями к аудитории, являющимися выводом из всего ее содержания: «Испытаем же, братие, себя тщательнее, есть ли в нас Христос, в вере ли мы... И тогда только, когда будет общество наше... не по имени только христианским, могут возрасти в России плоды свободы...» [3; 8-9].

В текстах архимандрита Фаддея, адресованных семинаристам, находим и отклик на новейшие интеллектуальные веяния, охватившие лучшую часть российского общества, — создание и распространение религиозно-философских концепций, представляющих собой попытки реформирования (православного) христианства. Проповедник полемизирует с их авторами Д. С. Мережковским, В. В. Розановым, Л. Н. Толстым. В «Слове в день святого апостола Иоанна Богослова он пишет: «Они [сторонники этих концепций] укоряют Церковь в том, что она своими догматами и таинствами хочет лишь усыпить общественную совесть и отвлечь людей от тяжелого труда над самими собою и над исправлением недостатков в общественной жизни (Л. Толстой и его последователи). Другие... говорят, что она... остается совершенно равнодушною к ближайшим требованиям людей, живущих на земле и в земных условиях... (...В. В. Розанов, Мережковский и др.). ...не поспешим последовать за этими новыми учителями... И то учение, будто в настоящие дни открывается новое христианство, чрез которое уничтожается существовавшее доселе средостение между добром и злом... (даже делается отныне возможным “убийство по совести”)... как противоположно оно богооткровенному учению Слова Божия и Церкви...» [4; 347—348].

Его полемические возражения распространяются и на западноевропейскую литературно-философскую и богословскую традицию, современных ему представителей которой он называет «лжемыслителями и метателями нашего времени» [1; 679] (речь идет о Ф. Ницше и Э. Золя), «гордящимися своей ложной мудростью учеными» [5; 514] (речь идет о немецком историке церкви и теологе А. фон Гарнаке). Они касаются и произведений русской литературы, а именно отразившегося в них особого мировосприятия, носителями которого являются отдельные герои А. П. Чехова и М. Горького: «...столь многие... все более и более утрачивают веру в Бога и совесть, а утратив их, развращаются и начинают вести жизнь тупую и пошлую (ср. героев, выведенных у Горького и Чехова)» [2; 723].

Приведенные выдержки демонстрируют, во-первых, широту интересов автора проповедей. Во-вторых, очевидно, что, благодаря затронутым в них проблемам и вопросам, они имели весьма острое для своего времени звучание, оставаясь при этом произведениями риторического жанра, сохраняя связь с его основными задачами. Таким образом, каноны слова как формы проповеди в рассматриваемых текстах Фаддея (Успенского) вполне выдерживаются.

Представляется, что, опираясь на эти каноны, проповеднику удавалось достигать двух целей: во-первых, актуализировать для слушателей и читателей внутренний смысл праздника, с одной стороны, отдаленного во времени, с другой, повторяющегося ежегодно. Во-вторых, предлагая им христианскую перспективу оценки текущих явлений и событий, подспудно формировать их взгляд на эти явления.

Следует отметить возникающий при этом побочный эффект, который заключается в том, что сквозь прямо или косвенно выраженные оценки, рассыпанные в проповедях, отчетливо проступает личность самого автора с его духовно-нравственными и гражданскими идеалами. И те, и другие были глубоко обусловлены его позицией православного христианина и пастыря, несущего ответственность за паству.

Поскольку проповедь — функциональный жанр, одна из задач которого «склонить слушателей к определенному решению, побудить их к определенным действиям» [1; 7], тексты архимандрита Фаддея можно рассматривать не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения осуществления этих функций. В связи с этим обращают на себя внимание способы воздействия на адресата, к которым он прибегает с целью сократить существующую социальную дистанцию и добиться более полного взаимопонимания.

В статье, посвященной жанру проповеди для сельчан по материалам неофициальной части «Курских епархиальных ведомостей», автор статьи приводит примеры, когда сельский проповедник, стремясь говорить со слушателями, крестьянами, на одном языке, обнаруживает в проповеди свое

знакомство с реалиями их жизни, зависящей от природных ритмов [11]. Нечто подобное можно найти и в проповедях Фаддея (Успенского), когда с той же целью он цитирует факты, характерные для биографий большинства его слушателей. Например, в одном из «Слов», произнесенном в церкви епархиального женского училища и предназначенном его воспитанницам, он несколькими словами очерчивает их типичную среду и интересы: *«В юности человеку свойственно... мечтать о радостях и счастье свободной, лучшей жизни по выходе из школы. Вы не приучены, конечно, мечтать о богатстве и почете... не веселясь на вся дни светло... воспитывались вы и в семьях своих, а среди лишений и трудностей всякого рода...»* [8; 1-2].

В другой проповеди, адресованной учителям сельских церковно-приходских школ, он вновь высказывает понимание тяжести и трудности их жизненных условий, а также упоминает пример своей аудитории в одном ряду с примером почитаемого святого: *«Преподобный Серафим... непрестанно читал Новый Завет... из этого чтения извлек он богатый источник утешения не только для себя, но и для множества людей, приходивших к нему. И вы, когда снова рассеетесь по глухим селам и деревням для того, чтобы быть светом для народа... совершать среди скорбей жизни дело Христово, не должны ли сами прежде... научиться находить в этом слове источник утешения...»* [9; 531]. Параллель с Серафимом Саровским должна была, по-видимому, укрепить в слушателях веру в достоинство избранного ими пути и вселить воодушевление для дальнейшей работы. (Такая вера и воодушевление были крайне необходимы сельскому учителю конца XIX — начала XX в., фигуре, с одной стороны, страдающей от изоляции в сельском сообществе, с другой, юридически почти бесправной.)

Оба примера показывают, что архимандриту Фаддею были хорошо знакомы обусловленные возрастом и социальной средой духовные потребности адресатов его проповедей. Применение этого знания, как можно предполагать, позволяло ему располагать слушателей к себе и тем самым удерживать их внимание на протяжении проповеди.

Таким образом, составляя свои тексты, автор проповедей оставался в рамках проповеднического жанра не только в плане содержания, но и с точки зрения его назначения. Можно сделать вывод, что «Слова» архимандрита Фаддея приближаются к классическому, идеальному образцу такой формы жанра проповеди как слово.

Индивидуальный стиль проповедника проявляется не только в освещении предмета проповеди и способов общения с аудиторией, но и в выборе языковых средств, риторических и стилистических приемов. В «Словах» Фаддея (Успенского) часто встречается такой прием как нанизывание риторических вопросов (от трех), следующих один за другим подряд. Приведем пример такого нанизывания из проповеди «Слово в день Марии Магдалины»: *«Но одни ли пастыри Церкви действительно повинны в духовном охлаждении общества? Прежде чем обвинять Церковь Христову и ее пастырей, не должно ли было бы общество спросить себя, какой оно ищет радости от религии, той ли, к которой призывает людей Христос, или обычной чувственной, без примеси которой вера во Христа кажется ему скучной и мертвой? Не слишком ли легко хочет общество снять с себя вину в своей духовной холодности, жалуясь на то, что его не увлекают пастыри Церкви? Разве оно лишено свободной воли, чтобы его увлекать как-то против воли и без его собственных усилий? Делает ли оно эти усилия? Разве и доселе “Премудрость (Христос) не взывает к сынам человеческим... на возвышенных местах, при дороге, на распутиях” (Притч. 8, 1, 2, 4), то есть непрестанно и повсюду? Не закрывает ли общество добровольно от себя главнейший источник огня духовного – Слово Божие, почти ему неизвестное, или еще менее известные огнедуховенные песни церковные и повествования о великих подвигах святых, очищенных огнем благодати Святого Духа?»* [6; 572]. Как видно из примера, цепочки вопросов могут быть достаточно длинными — иногда они соединяют 10 [2; 725—726] или даже 15 вопросов [4; 347—349]. К этому приему архимандрит Фаддей порой обращается на протяжении одной проповеди несколько раз. Например, в «Слове в неделю о блудном сыне» такие вопросные цепочки встречаются 4 раза [7]. Можно предположить, что данный прием реализует в его проповедях две цели, помогая направлять мысль слушателей в нужное русло и одновременно стимулировать их внимание, не позволяя отвлечься.

Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Как можно судить по текстам Фаддея (Успенского) в газете ОЕВ, его проповедническая деятельность была весьма интенсивной. Об этом говорит общее количество его проповедей, частотность их произнесения и публикации и широта охвата разных кругов населения Петрозаводска.

Эти проповеди характеризуют его как подготовленного проповедника, обладавшего к моменту назначения в Олонецкую епархию запасом профессиональных знаний и опыта, который, кроме того, регулярно занимался самообразованием, проявляя интерес как к политической и общественной, так и к

культурной и научной жизни в России и за ее пределами.

В своих «Словах» архимандрит Фаддей выполняет требования, свойственные гомилетическому жанру в целом и такой его форме как слово. С этой точки зрения его проповеди могут быть отнесены к классическим образцам церковной словесности.

Находясь в рамках жанра, проповеднику удалось создать произведения, где его творческая индивидуальность прослеживается в разных планах: содержания, взаимодействия с аудиторией и языка. Представляется, что применительно к жанру проповеди можно говорить о достаточно ярком идиостиле автора.

Поскольку после шести лет, проведенных в Петрозаводске, Фаддей (Успенский) продолжал не менее (а возможно, и более) активно проповедовать, а также публиковать свои проповеди в епархиальных периодических изданиях, тексты, написанные им в петрозаводский период, можно рассматривать как этап в развитии его проповеднического мастерства. Определить роль этого этапа в творчестве архимандрита Фаддея (Успенского) возможно лишь в контексте изучения его проповеднического наследия в целом.

Выражаю благодарность составителю библиографического указателя статей «Олонецкие епархиальные ведомости. Неофициальная часть (1898-1918)» кандидату филологических наук доценту Н. Г. Урванцевой за предоставленную возможность пользоваться указателем до его публикации.

Список цитируемых источников и литературы

Источники

1. Слово в день Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил // ОЕВ. 1904. № 22. С. 677—680.
2. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Николая Александровича // ОЕВ. 1903. № 21. С. 723—727.
3. Слово в день Рождества Христова // ОЕВ. 1906. № 1. С. 5—10.
4. Слово в день святого апостола Иоанна Богослова (8-го мая 1903 г.) // ОЕВ. 1903. № 10. С. 346—349.
5. Слово в день святой равноапостольной Марии Магдалины // ОЕВ. 1903. № 15. С. 513—515.
6. Слово в день святой равноапостольной Марии Магдалины // ОЕВ. 1906. № 15. С. 571—573.
7. Слово в неделю о блудном сыне // ОЕВ. 1906. № 3. С. 108—111.
8. Слово в неделю 5-ю Великого Поста // ОЕВ. 1908. № 8. Приложение. С. 1—2.
9. Слово в неделю 7-ю по Пятидесятнице // ОЕВ. 1906. № 14. С. 529—531.
10. Слово на Новый год (1905-й) // ОЕВ. 1905. № 2. С. 41—47.
11. Слово на Сретение Господне (попразднство) и в неделю о мытаре и фарисее // ОЕВ. 1905. № 4. С. 113—118.

Литература

1. Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. Джорданвилль, 1961. 75 с.
2. Дамаскин (Орловский). Архиепископ Фаддей (Успенский) // Москва. 1996. Июль. С. 196—206.
3. Дамаскин (Орловский). Архиепископ Фаддей (Успенский) // Москва. 1996. Август. С. 192—203.
4. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 2001. С. 481—565.
5. Ковалева И. И., Хайлова О. И. Проповеди священномученика Фаддея, архиепископа Тверского // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 6 (49). С. 47—64.
6. Ковалева И. И., Хайлова О. И. Проповеди священномученика Фаддея, архиепископа Тверского // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 2 (51). С. 97—133.
7. Ковырзина Т. В. Священномученик Фаддей (Успенский) о роли православного воспитания // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 3 (18). С. 54—57.
8. Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Вып. 21—1. Т. 7. С. 174—182.
9. Розов А. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898—1918): Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 366—388.
10. Сибирёва М. В. Проповедь митрополита Филарета (Дроздова) в русской литературе: Особенности

- жанра и стиля. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 25 с.
11. Стрелкова О. С. Жанр проповеди для сельского населения на страницах «Курских епархиальных ведомостей» // *Учёные записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2011. № 2 (18). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=19>, свободный. (Дата обращения: 15.10.2015).
  12. Стрелкова О. С. Духовная проза и поэзия в курской церковной периодике дооктябрьского периода (по материалам издания «Курские епархиальные ведомости»). Дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2014. 222 с.
  13. Фаддей (Успенский) // Официальный сайт Московской патриархии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1192285.html>, свободный. (Дата обращения: 15.10.2015).
  14. Фаддей (Успенский). Помощь ангелов // *Журнал Московской Патриархии*. 2011. № 11. С. 48–49.
  15. Фаддей (Успенский). Потерпи Мене, глаголет Господь, в день воскресения Моего // *Журнал Московской Патриархии*. 2014. № 5. С. 26–27.
  16. Фаддей (Успенский). Творения. Кн. 1. Проповеди. Тверь, 2002. 479 с.
  17. Фаддей (Успенский). Творения. Кн. 2. Записки по дидактике. Тверь, 2003. 335 с.
  18. Феодосий. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999. 324 с.
  19. Черторицкая Т.В. Ораторское искусство Древней Руси // *Красноречие Киевской Руси и периода «ратей многих» — нашествия татаро-монгол (XI – конец XIV века)*. М., 1987. С. 5–30.

Primary Sources

1. Homily for the Day of St. Michael the Archistrategos and All the Heavenly Bodiless Powers [Slovo v den Arhistratiga Mihaila i prochih besplotnyih sil] // *Olonetskiye Eparkhial'nye Vedomosti (OEV)*. 1904. № 22. S. 677–680.
2. Homily for the day of ascent to the throne of Nicholas II, the pious emperor [Slovo v den vosshestviya na prestol blagochestiveyshego gosudarya imperatora Nikolaya Aleksandrovicha] // *OEV*. 1903. № 21. S. 723–727.
3. Homily for Christmas Day [Slovo v den Rozhdestva Hristova] // *OEV*. 1906. № 1. S. 5–10.
4. Homily for St. John the Theologian's Day (on May 8th, 1903) [Slovo v den svyatogo apostola Ioanna Bogoslova (8-go maya 1903 g.)] // *OEV*. 1903. № 10. S. 346–349.
5. Homily for St. Apostle-like Mary Magdalene's Day [Slovo v den svyatoy ravnoapostolnoy Marii Magdalinyi] // *OEV*. 1903. № 15. S. 513–515.
6. Homily for St. Apostle-like Mary Magdalene's Day [Slovo v den svyatoy ravnoapostolnoy Marii Magdalinyi] // *OEV*. 1906. № 15. S. 571–573.
7. Homily for the Sunday of the Prodigal Son [Slovo v nedelyu o bludnom syine] // *OEV*. 1906. № 3. S. 108–111.
8. Homily for the 5th Sunday of Lent [Slovo v nedelyu 5-yu Velikogo Posta] // *OEV*. 1908. № 8. Appendix. S. 1–2.
9. Homily for the 7th Sunday after Pentecost [Slovo v nedelyu 7-yu po Pyatidesyatnitse] // *OEV*. 1906. № 14. S. 529–531.
10. Homily for the New Year, 1905 [Slovo na Novyy god (1905-y)] // *OEV*. 1905. № 2. S. 41–47.
11. Homily for the Presentation of Christ in the Temple (the period after the feast) and for the Sunday of the Publican and the Pharisee [Slovo na Sretenie Gospodne (poprazdnstvo) i v nedelyu o myitare i farisee] // *OEV*. 1905. № 4. S. 113–118.

References

12. Averkiy (Taushev). *Homilethics guide*. [Rukovodstvo po gomiletike] Jordanville, 1961. 75 s.
13. Damaskin (Orlovsky). Archbishop Thaddeus (Uspensky) [Arkhiepiskop Faddey (Uspenskiy)] // *Moskva*. 1996. July. S. 196–206.
14. Damaskin (Orlovsky). Archbishop Thaddeus (Uspensky) [Arkhiepiskop Faddey (Uspenskiy)] // *Moskva*. 1996. August. S. 192–203.
15. Damaskin (Orlovsky). *Martyrs, confessors and zealots of godliness in the Russian Orthodox church of the 20th century. Biographies and materials for them*. [Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi 20-go stoletiya: Zhizneopisaniya i materialy k nim] T. 3. Tver, 2001. S. 481–565.
16. Kovaleva I. I., Khailova O. I. *Sermons of hieromartyr Thaddeus, the archbishop of Tver* [Propovedi svyaschennomuchenika Faddeya, arkhiepiskopa Tverskogo] // *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2012. № 6 (49). S. 47–64.

17.Kovaleva I. I., Khailova O. I. Sermons of hieromartyr Thaddeus, the archbishop of Tver [Propovedi svyaschennomuchenika Faddeya, arkhiepiskopa Tverskogo] // *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2013. № 2 (51). S. 97—133.

18.Kovyryzina T. V. Hieromartyr Thaddeus (Uspensky) on the role of Orthodox upbringing [Svyaschennomuchenik Faddey (Uspenskiy) o roli pravoslavnogo vospitaniya] // *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*. 2010. № 3 (18). S. 54—57.

19.Netuzhilov K.E. Diocesan periodical press in prerevolutionary Russia [Eparhial'naya periodicheskaya pechat' v dorevolutsionnoy Rossii] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2006. Vyp. 21—1. T. 7. S. 174—182.

20.Rozov A. N. Materials on folklore and ethnography on the pages of the "Olonetskiye Eparhial'nye Vedomosti" journal (1898—1918). Annotated topical bibliographic index [Fol'klorno-etnograficheskie materialy na stranitsakh zhurnala «Olonetskie eparhial'nye vedomosti» (1898—1918): Annotirovannyi tematiko-bibliograficheskii ukazatel'] // *Russkiy folklor: Materialy i issledovaniya St.-Petersburg*, 2008. S. 366—388.

21.Sibiriyova M. V. Sermon of Metropolitan Philaret (Drozdov) in Russian literature. Characteristics of genre and style. [Propoved' mitropolita Filareta (Drozdova) v russkoy literature: Osobennosti zhanra i stilya]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2008. 25 s.

22.Strelkova O. S. The genre of sermon for rural population on the pages of the "Kurskiye Eparhial'nye Vedomosti" [Zhanr propovedi dlya sel'skogo naseleniya na stranitsakh «Kurskikh eparhialnyikh vedomostey»] // *Uchyonye zapiski: Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* 2011. № 2 (18). [Electronic resource]. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=19> (accessed 15.10.2015).

23.Strelkova O. S. Spiritual prose and poetry in church periodical press of Kursk in the pre-October period (on the materials of the "Kurskiye Eparhial'nye Vedomosti" periodical). [Dukhovnaya proza i poeziya v kurskoy tserkovnoy periodike dooktyabr'skogo perioda (po materialam izdaniya «Kurskie eparhialnyie vedomosti»)]. Diss. ... kand. filol. nauk.. Kursk, 2014. 222 s.

24.Thaddeus (Uspensky) [Faddey (Uspenskiy)] // *Ofitsialnyi sayt Moskovskoy patriarkhii*. [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1192285.html> (accessed 15.10.2015).

25.Thaddeus (Uspensky). Support by angels [Faddey (Uspenskiy). Pomosch angelov] // *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 2011. № 11. S. 48—49.

26.Thaddeus (Uspensky). "Therefore wait for me", declares the Lord, "for the day I will stand up to testify" [Faddey (Uspenskiy). Poterpi Mene, glagolet Gospod, v den voskreseniya Moego] // *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 2014. № 5. P. 26—27.

27.Thaddeus (Uspensky). Writings. Vol. 1. Sermons. [Faddey (Uspenskiy). Tvoreniya. Kn. 1. Propovedi] T. 1. Sermons. Tver, 2002. 479 s.

28.Thaddeus (Uspensky). Writings. T. 2. Notes on didactics. [Faddey (Uspenskiy). Tvoreniya. Kn. 2. Zapiski po didaktike]. Tver, 2003. 335 s.

29.Theodosius. Homilethics. Theory of preaching. [Feodosiy. Gomiletika: Teoriya tserkovnoy propovedi]. Sergiev Posad, 1999. 324 s.

30.Chertorit'skaya T.V. Declamatory art of Ancient Rus [Oratorskoe iskusstvo Drevney Rusi] // *Krasnorechie Kievskoy Rusi i perioda «ratey mnogikh» — nashestviya tatara-mongol (XI - konets XIV veka)*. Moskva, 1987. S. 5—30

Sermon by archimandrite Thaddeus (Uspenskiy) in the newspaper "Olonetskiye eparkhial'nye vedomosti"

**ABROSIMOVA
Daria**

*Researcher,
Kizhi State Historical-Architectural and Ethnographic
Memorial Museum Reserve,
Petrozavodsk, Russia, daria-2005@yandex.ru*

Keywords:

sermon
Thaddeus (Uspenskiy)
Olonetskiye Eparkhial'nye Vedomosti
church periodical press.

Summary:

The article surveys sermons by hieromartyr Thaddeus (Uspenskiy), the archbishop, published in the newspaper "Olonetskiye Eparkhial'nye Vedomosti" ("OEV"). Thaddeus (Uspenskiy) served in many Russian cities and taught in several theological seminaries. He actively preached through all of his life. He was martyred in 1937 and glorified in 1997. The extensive literary heritage he left has not yet been studied for the most part. The sermons make up a considerable part of it. The pages of the newspaper carry the sermons said by Thaddeus (Uspenskiy) in churches of Petrozavodsk and its educational institutions during a six-year period of his service here as archimandrite, head of the Olonets theological seminary and editor-in-chief of the "OEV". Most of these sermons are "Homilies". They are studied in comparison with the demands of the genre of sermon and one of its forms called homily. The article concludes that Thaddeus (Uspenskiy's) sermons can be considered as classical examples of preaching. At the same time, they show author's individual writing manner, which entitles us to speak of his idiostyle. Thaddeus (Uspenskiy's) homiletical texts published in the "OEV" represent a stage of his writing work linked with Petrozavodsk and the Olonets diocese.

УДК 338.48

Индустрия туризма в условиях экономического кризиса: тенденции и перспективы развития

**ВОРОНЦОВА
Елена
Андреевна**

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, levoron@mail.ru*

Ключевые слова:

Внутренний и въездной туризм
экономический кризис
Российская Федерация
Республика Карелия

Аннотация:

Туризм — один из наиболее перспективных и динамично развивающихся секторов экономики в мире, выполняющий функцию катализатора социально-экономического роста. РФ обладает уникальными возможностями для развития на своей территории разных видов туризма благодаря разнообразию природных ресурсов, наличию объектов культурного и исторического наследия. Для отдельных регионов России, в частности для Республики Карелия, туризм мог бы стать ведущим сектором экономики, стимулирующим развитие всего региона.

Основная цель статьи — показать, как современный экономический кризис повлиял на положение в индустрии туризма и каковы ее перспективы. Описывается докризисное состояние российского рынка туристских услуг, указываются его сильные и слабые стороны, угрозы и возможности, отмечается лидирующая роль России по расходам на международный туризм. Оценивается влияние экономического кризиса на отдельные виды туризма: выездной, въездной и внутренний. В качестве основных влияющих факторов выделяются падение курса национальной валюты, снижение доходов населения и изменение международных отношений.

Делается вывод о негативном влиянии этих факторов на показатели выездного туризма, неоднозначном влиянии на въездной туризм и в целом положительном влиянии на внутренний туризм в РФ. Отмечается необходимость оперативных и действенных мер, направленных на развитие внутреннего и въездного туризма в России. Региональный аспект проблемы рассматривается на примере Республики Карелия. Указываются основные особенности туризма в республике, анализируются его перспективы в условиях экономического кризиса. Отмечается важная роль принятой федеральной целевой программы «Развитие Республики Карелия на период до 2020 года» в решении системных проблем туристского сектора.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Современный российский экономический кризис, начавшийся в 2014 г., а по некоторым оценкам еще в 2013 г. [9], в той или иной степени затронул все сектора экономики и внес серьезные изменения в

прогнозы экономического развития государства в целом и отдельных отраслей в частности. Высокий темп инфляции, значительные колебания валютных курсов, высокие процентные ставки по кредитам привели к сокращению платежеспособного спроса при одновременном удорожании продукции, что в свою очередь повлекло сокращение объемов продаж, и как следствие, финансовых результатов предприятий. При этом современный кризис протекает на фоне внешнеэкономических санкций, роль которых в сложившейся ситуации неоднозначна. Одно из главных положительных последствий санкций — закрытие российского рынка для ряда импортных товаров и, как следствие, реальная возможность для отечественных производителей занять освободившееся место. Однако курс на импортозамещение с учетом необходимости модернизировать основные фонды в условиях дорогих кредитов выдерживать крайне сложно.

Но все ли сектора экономики испытывают одинаковые трудности? Рассмотрим, как повлиял экономический кризис на сферу туризма, какие тенденции характерны для отечественного туристского рынка, и каковы его перспективы.

По данным Всемирной туристской организации (UNWTO) туризм — один из наиболее быстрорастущих секторов экономики в мире, рост которого сопровождается диверсификацией и увеличением конкуренции среди направлений. Долгосрочный прогноз, подготовленный организацией, «Туризм — перспектива 2030» предусматривает среднегодовое увеличение числа международных туристских прибытий на 3,3 % [6]. Несмотря на кризисные явления в экономиках европейских государств — лидеров туристского бизнеса — данный уровень успешно выдерживается и даже превышает: в 2014 г. показатель вырос на 4,4%, а прогноз на 2015 г. составляет 3—4% [10].

Ситуация в российском туризме до 2014 г. соответствовала общемировым тенденциям.

Таблица 1

Въезд иностранных граждан на территорию РФ *

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	22 908 625	23 676 140	21 338 650	22281 217	24 932 061	28 176 502	30 792 091	32 421 490
Темп роста, %	-	103,35	90,13	104,42	111,90	113,01	109,28	105,29
Туризм	2 213 597	2 295 074	2 100 601	2 133 869	2 335 977	2 570 469	2 664 782	2 583079
Темп роста, %	-	103,68	91,53	101,58	109,47	110,04	103,67	96,93
Служебна я	3 270 312	4 112 477	3 880 401	4 432 077	5 475 374	6 200 596	5 816 764	6 263 053
Темп роста, %	-	125,75	94,36	114,22	123,54	113,25	93,81	107,67

* составлена автором по данным Федерального агентства по туризму [7]

После кризиса 2008 года показатели вышли на прежний уровень в 2010—2011 гг. и росли с опережением общемировых тенденций до 2013 г.

Докризисную роль России в международном туризме можно оценить по следующим фактам: в 2012 г. РФ занимала пятое место в мире по расходам на международный туризм, а в 2013 г. уже второе, уступая только Китаю. По количеству прибытий туристов в 2012 г. РФ была на девятом месте в мире, при этом соотношение количества прибытий иностранных туристов к населению страны составляло 18 % [6]. Таким образом, Россия вошла в число мировых лидеров, как по выездному, так и по въездному туризму. Тем не менее, индустрия испытывала ряд серьезных проблем. В частности, высокие цены препятствовали более интенсивному развитию въездного и внутреннего туризма. В рейтинге стран мира по уровню конкурентоспособности путешествий и туризма в 2013 г. РФ занимала лишь 63 место из 140 стран, и общая среда регулирования сектора путешествия и туризма оценивалась экспертами как неблагоприятная [1].

До 2014 года ситуация в российской индустрии туризма характеризовалась следующими положениями. По оценке аналитической группы Всемирного экономического форума [1] *сильными*

сторонами России являлись богатые природные и культурные ресурсы, а также инфраструктура воздушного транспорта и телекоммуникационная инфраструктура. К *слабым сторонам* были отнесены недостаточно развитая туристская инфраструктура, инфраструктура наземного и водного транспорта, неблагоприятный деловой климат, низкий уровень безопасности и международной открытости, а также низкая ценовая конкурентоспособность.

Основные *возможности* развития, на наш взгляд, были связаны с общемировым ростом туристского сектора и интересом к России со стороны зарубежных туристов, благоприятной внешнеполитической обстановкой, стабильной общеэкономической ситуацией и ростом доходов населения. Кроме того, принятие и реализация ряда значимых документов, таких как «Стратегия развития туризма в РФ на период до 2020 года», ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011—2018 гг.)», предполагало повышение конкурентоспособности туристского рынка РФ, в том числе за счет государственной поддержки.

Специалисты отмечали следующие *угрозы (риски)*, которые могли повлиять на развитие туризма:

- макроэкономические риски, связанные с возможностью ухудшения инвестиционного климата и снижения темпов роста экономики, высокой инфляцией и кризисом банковской системы;
- финансовые риски, связанные с возникновением бюджетного дефицита и вследствие этого недостаточным уровнем бюджетного финансирования, а также отсутствием частных инвестиций;
- техногенные и экологические риски;
- геополитические риски, связанные с политической ситуацией внутри страны и в сопряженных государствах;
- международные риски, связанные с состоянием отношений Российской Федерации с другими государствами и ситуацией на международных туристских рынках (что особенно важно для регионов приграничного туризма) [4], [8].

В 2014 г. ситуация кардинально изменилась. Возникли практически все риски (за исключением техногенных), угрожающие развитию туризма: геополитические, макроэкономические, финансовые, международные, что по-разному отразилось на отдельных видах туризма. Рассмотрим ситуацию подробнее.

Выездной туризм в 2014 г. Ухудшение международной обстановки, последовавшие одно за другим банкротства нескольких туроператоров существенно сократили выездной поток туристов, который переориентировался на внутренние направления. В последнем квартале к этим факторам добавился резкий рост курса иностранных валют, последовавший за этим подъем ставок по кредитам и паническое поведение потребителей. В итоге выезд российских граждан за рубеж сократился по сравнению с 2013 г. на 15,1 % (по всем причинам), выезд с туристическими целями — на 3,7 % [7]. Таким образом, в 2014 г. выездной туризм сдал ранее достигнутые позиции, и, по данным Росстата [8], в 2015 г. этот спад продолжился. Однако из трех видов туризма: выездной, въездной и внутренний — снижение объемов выездного туризма оказывает наименьшее негативное влияние на экономические показатели государства.

Таблица 2

Выезд российских граждан за рубеж**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	34 285 465	36 537 521	34 276 264	39 323 033	43 725 777	47 812 920	54 069 079	45 888 935
Темп роста, %	-	106,57	93,81	114,72	111,20	109,35	113,08	84,87
Туризм	9 368 968	11 313 697	9 542 107	12 605 053	14 495 894	15 332 136	18 291 737	17 611 569
Темп роста, %	-	120,76	84,34	132,10	115,00	105,77	119,30	96,28
Служебная	2 162 305	1 967 736	1 294 439	1 344 361	1 433 340	1 195 475	1 031 639	927 303
Темп роста, %	-	91,00	65,78	103,86	106,62	83,40	86,30	89,89

** составлено автором по данным Федерального агентства по туризму [7]

Въездной туризм в 2014 г. События 2014 г. оказали разнонаправленное влияние на показатели въезда иностранных граждан в РФ: к положительным факторам можно отнести Олимпийские игры в Сочи в начале года и падение курса рубля в конце, что вызвало удешевление туров в иностранной валюте. К негативным факторам следует отнести события в Украине и связанную с ними информационную войну. Статистика свидетельствует о некотором падении количества въездов с туристической целью при общем росте числа въездов (см. таблицу 1), что, на наш взгляд, является признаком нестабильности ситуации на рынке и делает ее трудно прогнозируемой. Однозначно можно отметить, что на сегодняшний день фактором роста въездного туризма является нормализация международных отношений.

Отметим еще один интересный факт. Изменение валютного курса в 2014 г. оказало положительное влияние на место России в рейтинге стран мира по уровню конкурентоспособности путешествий и туризма. Так, в 2013 г. РФ была лишь 63, а в 2015 г. заняла 45 место среди 141 страны, поднявшись на 18 позиций [1]. Такой прогресс связан, в первую очередь, с ростом конкурентоспособности российских предложений по цене в связи со снижением курса рубля. В остальном конкурентные преимущества России в сфере туризма и негативные факторы остались прежними.

Внутренний туризм в 2014 г. Данный вид туризма оказался в самом выигрышном положении. Под воздействием совокупности факторов произошло импортозамещение в туризме, и внутренние направления получили шанс к развитию. Отметим, что массовый интерес к внутренним направлениям появился в 2014 г., и на сегодняшний день нет объективных данных об объеме организованного внутреннего туризма в РФ. В предшествующие годы его доля в общем объеме путешествий россиян была относительно мала (см. рис. 1).

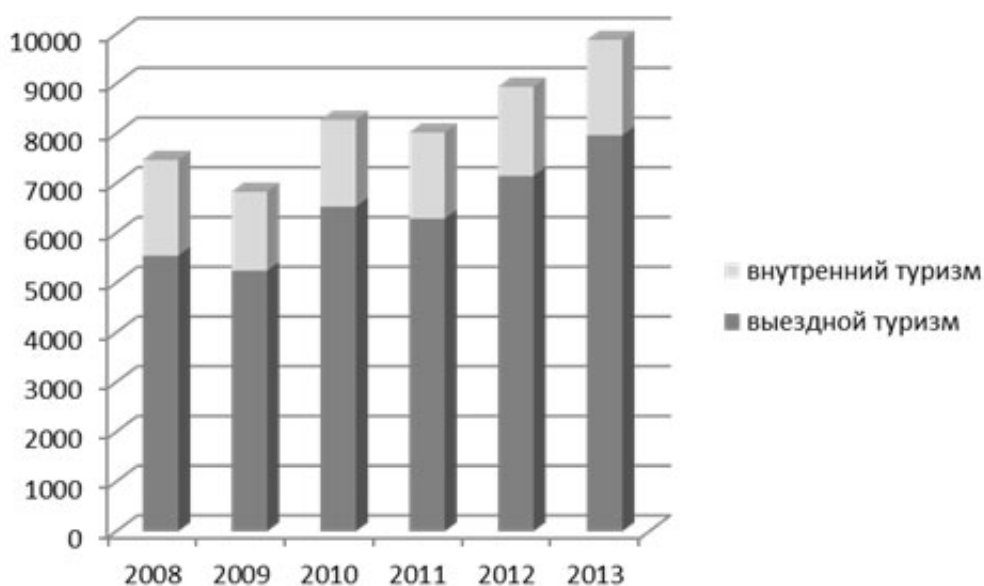

Рис. 1 Распределение отечественных туристов по направлениям отдыха (численность туристов, обслуженных туристскими фирмами), тыс. чел. [8]

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ, в 2015 г. по сравнению с прошлым сезоном стало существенно больше тех, кто намеревается совершить путешествие по России (4% опрошенных в 2014 г., 11% в 2015 г.) [2].

Главным фактором, повлиявшим на рост интереса россиян к отдыху у себя дома, явилось резкое удорожание зарубежных туров в связи с падением курса рубля. Однако здесь видится ряд проблем:

— российские туристы привыкли к комфорту и высокому уровню сервиса, что пока не является сильной стороной отечественных туристских объектов;

— рост курса рубля практически сразу повлечет рост продаж зарубежных туров, что подтверждается фактическими данными о продажах весной 2015 г.;

— сохранение негативных тенденций в экономике может привести к дальнейшему снижению платежеспособного спроса, что в итоге скажется на падении интереса и к внутреннему туризму.

Развитие внутреннего туризма, безусловно, является важнейшей задачей, в том числе государственного уровня. Здесь необходима огромная и при этом оперативная работа, связанная с созданием необходимой инфраструктуры, повышением качества сервиса в туризме, разработкой новых направлений и программ, иначе при первой же возможности россияне снова массово поедут отдыхать за границу.

Таким образом, в условиях экономического кризиса в отечественной индустрии туризма сложилась следующая ситуация:

— выездной туризм — по оценкам специалистов выездной поток в первом квартале 2015 г. сократился по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. на 40%, количество туроператоров по выездному туризму сократилось почти в два раза;

— въездной туризм — по данным Федерального агентства по туризму въездной поток в первом квартале 2015 г. вырос на 16 %, при этом въезд в служебных целях вырос на 41%, а с целью туризма сократился на 1% [7]. Однако туроператоры по итогам сезона прогнозируют спад на 5—10 % по сравнению с 2014 г., который сам по себе характеризовался значительным сокращением въездного потока;

— внутренний туризм — прогнозируется рост числа туристических поездок на 30—50%.

Несмотря на проблемы, возникшие в 2014 г., значимость туристской индустрии для отечественной экономики по-прежнему очень высока. Так по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям совокупный вклад (прямой, косвенный и индуцированный) данного сектора в создание ВВП равен 152 млрд. \$ или 5,6% ВВП. На долю туризма приходится 29 % экспорта услуг и 3,4 % от общего объема экспорта. В туризме и смежных видах деятельности занято около 4 млн. человек, при этом на 1 рабочее место в туризме приходится 3 рабочих места в смежных областях [11]. Таким образом, в России, как и во всем мире, туризм является катализатором экономики, способствует созданию новых рабочих мест, развитию смежных отраслей. Следовательно, даже в условиях кризиса необходимо сохранять достигнутые результаты и искать пути дальнейшего развития.

На сегодняшний день в РФ приняты и продолжают действовать ряд документов, направленных на развитие внутреннего и въездного туризма, в частности соответствующая Федеральная целевая программа со сроком реализации 2011—2018 гг. Однако надо отметить, что Программа утверждалась в докризисных условиях и новые экономические и внешнеполитические реалии, с одной стороны, могут осложнить реализацию утвержденных ранее мероприятий а, с другой стороны, необходим ряд новых мер, чтобы в полной мере использовать благоприятную конъюнктуру для развития внутреннего туризма.

В настоящее время Министерством культуры РФ, Российским союзом туристической индустрии и Комитетом ТПП РФ по предпринимательству в сфере туристской, курортно-рекреационной и гостиничной деятельности подготовлены предложения по развитию внутреннего и въездного туризма в РФ. Предлагаемые меры направлены:

— на стимулирование спроса (налоговые вычеты по НДФЛ при покупке тура по России, упрощение въезда в Россию для иностранных туристов и др.);

— на поддержку предложения (применение понижающей ставки налога на имущество и земельного налога для объектов санаторно-курортного комплекса и гостиниц по субъектам РФ и муниципальным образованиям, отмена НДС на доходы туроператоров и турагентств от реализации санаторно-курортных путевок и др.);

— на развитие туристической индустрии и повышение уровня сервиса (введение обязательной классификации средств размещения, создание всероссийской сети туристских информационных центров, введение системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров туристской индустрии и др.) [5].

Реализация указанных предложений будет способствовать развитию туризма только при условии слаженной, целенаправленной работы на местах. Отсутствие целевых программ по развитию туризма в отдельных регионах РФ, формальный подход к формированию мероприятий, недостаточное финансирование из региональных бюджетов — это те риски, которые могут оказать существенное влияние на развитие сферы туризма.

Выше были рассмотрены особенности и тенденции развития индустрии туризма в России в целом. На примере Республики Карелия рассмотрим региональный аспект этого вопроса.

Республика Карелия — регион с уникальной природой, культурно-историческими памятниками,

выгодным геополитическим положением. Эти факторы привлекают туристов из разных регионов России и зарубежья. Однако туристский потенциал республики используется недостаточно эффективно, что проявляется, в том числе в низкой доле туризма (около 1%) в формировании валового регионального продукта. Как отмечается в программе «Развитие туризма в Республике Карелия на 2012—2015 годы» «основной проблемой в сфере туризма в Республике Карелия является недостаточная конкурентоспособность республиканского туристского комплекса в условиях резко возросшей межрегиональной конкуренции за перераспределение сократившихся туристских потоков» [3].

В общем объеме платных туристских услуг доля Республики Карелия в период 2009—2013 гг. составляла 0,47—0,69 % от общероссийского показателя и 3,96—5,92 % от показателя по Северо-Западному федеральному округу, причем наименьшие значения относятся к 2013 г. В целом докризисные показатели развития туризма в Карелии не имели устойчивой тенденции роста (см., например, рис. 2). Сильные и слабые стороны, угрозы и возможности карельского туризма в целом соответствовали общероссийским. В качестве особенностей Карелии можно отметить приграничное положение, близость к крупным туристским центрам (Санкт-Петербург), большое количество культурно-исторических объектов, многообразие предложений в сфере активного туризма.

Рис. 2 Численность граждан, размещенных в коллективных средствах размещения по Республике Карелия, тыс. чел. [7]

Рассмотрим, как влияет экономический кризис на индустрию туризма в республике. Карелия как приграничный регион может рассчитывать на развитие как внутреннего, так и въездного туризма. При этом особенностью туризма в регионе является преобладание неорганизованных туристов в общем туристском потоке – более 70 % [3], что, безусловно, усложняет задачу учета количества посещений республики.

Въездной туризм в 2014—2015 гг.

В данной сфере действуют все положительные и отрицательные факторы, описанные выше применительно к российскому туристскому рынку в целом, а именно падение курса рубля оказывает положительное влияние на въездной поток туристов, а ухудшение международной обстановки — отрицательное. Приграничное положение Карелии делает ее туристский бизнес более чувствительным к такого рода факторам. Так, например, падение курса национальной валюты в четвертом квартале 2014 г. вызвало рост числа посещений республики с целью шопинга, в первую очередь гражданами Финляндии. Негативное же влияние ухудшения внешнеполитической обстановки, на наш взгляд, несколько сглажено за счет сохранения добрососедских отношений с Финляндией, граждане которой составляют основную часть въездного потока. Косвенно данный вывод подтверждается статистикой въезда иностранных граждан за 1 квартал 2015 г. [7], из которой следует, что въезд граждан Финляндии по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возрос в целом на 5 %, с туристической целью — на 6 % и со служебной — на 11%. Для сравнения, общее количество въездов в РФ по 44 ведущим странам сократилось на 10 %, с целью туризма — на 2%, со служебной — на 9 %.

Таким образом, относительно общероссийской ситуации въездной туризм в Карелии имеет хорошие перспективы. Однако для их реализации необходимо решать как общие проблемы индустрии туризма в республике, так и создавать специальные условия для иностранных туристов, например систему мультязычной навигации и информационного обеспечения.

Внутренний туризм в 2014–2015 гг.

При оценке влияния кризиса на развитие внутреннего туризма в Карелии важно учитывать виды туризма, преобладающие в республике. Республика Карелия, как и Северо-Западный федеральный округ в целом, ориентирована на культурно-познавательный, деловой, событийный и активный туризм. Кроме того, несколькими объектами представлен оздоровительный туризм, активно развивается сельский.

Импортозамещение в туризме, возникшее на фоне падения курса рубля, не окажет существенного положительного влияния на туристский поток в республику, т.к. основной поток перенаправляется в южные регионы страны. Однако некоторый рост в рамках культурно-познавательного, оздоровительного и сельского туризма возможен за счет отказа россиян от посещения европейских стран.

В целом же Карелия продолжает конкурировать с другими «некурортными» регионами России за туристские потоки в первую очередь в рамках культурно-познавательного и активного туризма. Здесь кроме разработки новых направлений и программ путешествий, решающее значение могут иметь мероприятия, направленные на рекламно-информационную поддержку туристского предложения республики. Кроме того, важной целевой группой туристского бизнеса может стать местное население, которое в условиях сокращения доходов и, как следствие, возможностей к путешествиям, может обратиться к изучению местных достопримечательностей.

В стратегическом плане перспективы туризма в Карелии зависят от решения системных проблем, в частности улучшения транспортной инфраструктуры региона. На сегодняшний день возможности такого решения заложены в федеральной целевой программе «Развитие Республики Карелия на период до 2020 года». Таким образом, индустрия туризма Карелии получила шанс выйти на качественно новый уровень, а республика — стать одним из лидеров на туристском рынке России.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню конкурентоспособности путешествий и туризма в 2015 году / Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/07/715>, свободный. (Дата обращения: 03.06.2015).
2. Лето 2015: планы и предпочтения россиян // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2847 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115270>, свободный. (Дата обращения: 05.06.2015).
3. О долгосрочной целевой программе «Развитие туризма в Республике Карелия на 2012–2015 годы»: постановление Правительства Республики Карелия от 06.12.2012 № 372-П / Карелия официальная [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=8923>, свободный. (Дата обращения: 26.05.2015).
4. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы): постановление Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 / Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/>, свободный. (Дата обращения: 05.06.2015).
5. РСТ и ТПП РФ подготовили предложения по развитию внутреннего и въездного туризма / Российский союз туриндустрии [Электронный ресурс]. URL: http://www.rostourunion.ru/ob_rst/novosti/novosti_2015/rst_i_tpp_rf_podgotovil_predlozheniya_po_razvitiyu_vnutrennego_i_vezdnogo_turizma_v_rossii.html, свободный. (Дата обращения: 19.06.2015).
6. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года / Карелия официальная [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Committee/Tourism/index.html>, свободный. (Дата обращения: 29.05.2015).
7. Федеральное агентство по туризму Министерство культуры Российской Федерации [Электронный

- ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/>, свободный. (Дата обращения: 28.05.2015).
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>, свободный. (Дата обращения: 28.05.2015).
9. Ханин Г. И. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим... [Электронный ресурс] / Г. И. Ханин, Д. А. Фомин. – Электрон. ст. – URL: ecsocman.hse.ru/evjur/msg/50496747.html, свободный. – Аналог печ. изд. (TERRA ECONOMICUS. 2013. Том 11. №2. С. 11–15). (Дата обращения: 30.05.2015).
10. World Tourism Organization UNWTO [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.unwto.org>, свободный. (Дата обращения: 22.05.2015).
11. World Travel & Tourism Council [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wttc.org>, свободный. (Дата обращения: 02.06.2015).

REFERENCES

1. World Economic Forum: The Ranking of Countries According to the Level of Competitiveness of Travel and Tourism in 2015 [Vsemirnyi ekonomicheskiiy forum: Reyting stran mira po urovnyu konkurentosposobnosti puteshestviy i turizma v 2015 godu] / The Center for humanitarian technologies [Electronic resource]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/05/07/7152> (accessed 03.06.2015).
2. Summer 2015: the Plans and Preferences of Russians // WCIOM. Press release № 2847 [Leto 2015: plany i predpochteniya rossiyan // VTsIOM. Press-vypusk № 2847] [Electronic resource]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115270> (accessed 05.06.2015).
3. Long-Term Target Program "Development of Tourism in the Republic of Karelia in 2012-2015": the Decree of the Government of the Republic of Karelia, 06.12.2012 № 372-P / The official Karelia [O dolgosrochnoy tselevoy programme «Razvitie turizma v Respublike Kareliya na 2012—2015 gody»: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kareliya ot 06.12.2012 № 372-P / Kareliya ofitsial'naya] [Electronic resource]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=8923> (accessed 26.05.2015).
4. About the Federal Target Program "Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation (2011—2018): Order of the Government of the Russian Federation from 02.08.2011 № 644 / Federal Agency for tourism [O federalnoy tselevoy programme «Razvitie vnutrennego i v'ezdnogo turizma v Rossiyskoy Federatsii (2011—2018 gody): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2011 № 644 / Federalnoe agentstvo po turizmu] [Electronic resource]. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/> (accessed 05.06.2015).
5. The RST and the CCI has Prepared Proposals for the Development of Domestic and Inbound Tourism / Russian Union of Travel Industry [RST i TPP RF podgotovili predlozheniya po razvitiyu vnutrennego i v'ezdnogo turizma / Rossiyskiy soyuz turindustrii] [Electronic resource]. URL: http://www.rostourunion.ru/ob_rst/novosti/novosti_2015/rst_i_tpp_rf_podgotovil_predlozheniya_po_razvitiyu_vnutrennego_i_vezdnog_o_turizma_v_rossii.html (accessed 19.06.2015).
6. Strategy of Tourism Development in the Russian Federation for the Period till 2020 / The official Karelia [Strategiya razvitiya turizma v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda / Kareliya ofitsial'naya] [Electronic resource]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Committee/Tourism/index.html> (accessed 29.05.2015).
7. The Federal Agency for Tourism of the Ministry of Culture of the Russian Federation [Federalnoe agentstvo po turizmu Ministerstvo kulturyi Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: <http://www.russiatourism.ru/> (accessed 28.05.2015).
8. The Federal State Statistics Service [Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki] [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 28.05.2015).
9. Khanin H. I. The economic crisis has emerged in Russia – most likely, for a long time... [V Rossii nachalsya ekonomicheskiiy krizis i, skoree vsego, on budet dolgim...]. [Electronic resource] / H. I. Khanin, D. A. Fomin. – Electron. article - URL: ecsocman.hse.ru/evjur/msg/50496747.html - Analogue of printed ed. (TERRA ECONOMICUS. 2013. Volume 11. No. 2. P. 11–15). (accessed 30.05.2015).
10. World Tourism Organization UNWTO [Electronic resource]. URL: <http://www2.unwto.org> (accessed 22.05.2015).
11. World Travel & Tourism Council [Electronic resource]. URL: <http://www.wttc.org> (accessed 02.06.2015).

The tourism industry in the economic crisis: trends and prospects

VORONTSOVA
Elena

*PhD in Economics,
Associate Professor, Department of Economics and
Finance,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, levoron@mail.ru*

Keywords:

Domestic outbound and inbound
tourism
economic crisis
Russian Federation
Republic of Karelia

Summary:

Tourism is one of the most promising and dynamically developing sectors of economy throughout the world, acting as a catalyst for socio-economic growth. The Russian Federation has unique opportunities for the development of different types of tourism on its territory thanks to the variety of natural resources, the presence of objects of cultural and historical heritage. For some regions of Russia, in particular for the Republic of Karelia, tourism could become the leading sector of the economy, stimulating the development of the entire region.

The main goal of this paper is to show how the current economic crisis has influenced the situation in the tourism industry and what its prospects are. The pre-crisis state of the Russian market of tourist services is described, strengths and weaknesses are identified, as well as threats and opportunities, the leading role of Russia in spending on international tourism is noted. The impact of the economic crisis on certain types of tourism is assessed: outbound, inbound and domestic. The main influencing factors are the depreciation of the national currency, reduction of incomes and changing international relations.

The conclusion about the negative impact of the factors on the outbound tourism, an ambiguous impact on the inbound tourism and overall positive effect on the domestic tourism in the Russian Federation is made. The need for prompt and effective measures aimed at the development of domestic and inbound tourism in Russia is noted. The regional dimension of the issue is considered by the example of the Republic of Karelia. The main features of tourism in the Republic are identified, and its prospects in the context of the economic crisis are analyzed. The importance of the Federal target program "The development of the Republic of Karelia for the period till 2020" in solving systemic problems of the tourism sector is noted.

УДК *

Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование)

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*преподаватель кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

Аннотация:

*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

В последние два десятилетия в теории международных отношений существенное развитие стало получать изучение дипломатии. Как отмечает Кристофер Джонсон, несмотря на то, что специалисты всегда признавали важную роль дипломатии в мировой политике и международных отношениях, исследования именно дипломатической практики существовали исключительно в форме учебников, написанных практикующими дипломатами, такими как Ф. де Кольер, Э. Сатоу, Г. Никольсон и другие [1].

Лишь относительно недавно были предприняты попытки по созданию именно «теории дипломатии», сопоставлению ее с концепциями международных отношений и осмыслению места дипломатии в контексте мировых политических процессов. Бурный рост исследований дипломатии повлек за собой логичное стремление систематизировать появившиеся научные направления. В данном плане интересной представляется работа С. Мюррея, который выделил три школы изучения дипломатии: «традиционалистскую», изучающую государственную дипломатию и во многом продолжающую традицию вышеупомянутых классиков дипломатической мысли; «новую», представители которой выступают против «архаичного», этактистского видения дипломатии и акцентируют внимание на возросшей роли различных форм парадипломатии; «инновационную», представители которой предпочитают изучать дипломатию одновременно в ее традиционной и альтернативной формах, акцентируя внимание на основных функциях и природе дипломатии, которые сохраняются практически неизменными на протяжении большей части истории человечества [2].

Рецензируемая книга, название которой можно перевести как «Дипломатические площадки: критическое исследование», является великолепным примером третьего, «инновационного» подхода к дипломатической теории. Автор книги Ивэр Нойманн, профессор кафедры международных отношений Лондонской школы экономики, в прошлом занимавший ряд должностей в норвежском МИДе, бывший директор по науке Норвежского института международных отношений. Российскому читателю И. Нойманн, пожалуй, прежде всего известен как автор переведенной на русский язык книги «Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей», где Россия рассматривается как страна, конструирующая европейскую идентичность. На сегодняшний день Нойманн играет значительную роль в развитии теории дипломатии, наряду с С. Хокингом, Й. Мелиссеном, Э. Купером, Дж. Дер Дэрианом и другими исследователями.

Подход И. Нойманна отличается стремлением изучать дипломатию через призму социальной

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68-75.

антропологии, сочетанием теории, философии и собственного опыта работы в МИДе, применением концепций из других областей науки и попытками внедрения нетрадиционных тем в исследовательскую повестку. Часто исследователь приводит примеры взаимодействия России и Норвегии, поскольку нередко привлекался в качестве специалиста по России для проведения мероприятий норвежского МИДа.

В рецензируемой книге И. Нойманн рассуждает о возможной трансформации дипломатии в результате общих глобальных изменений, уделяя особое внимание фактору пространства (spaciality). При этом автор подвергает анализу «материальные» аспекты пространств, где разворачивается дипломатическая деятельность, а также обращает внимание на их «социальные» и «виртуальные» элементы.

Что касается «материальной» составляющей площадок, ученый отмечает, что в связи с глобализацией растет количество встреч, и площадки дипломатической деятельности становятся более разнообразными. Помимо стола переговоров и зданий посольств, встречи проводятся в непривычных для лидеров местах, в аэропортах и даже самолетах. Несмотря на то, что в условиях глобализации ключевые переговоры ведут лидеры государств, на плечи дипломатов ложится обязанность по подготовке площадок для переговоров, требующих соблюдения многих нюансов (инфраструктура, трансферт, места для двусторонних встреч, питание, охрана и т.д.).

«Социальный» аспект пространств подразумевает значение, которое общество придает переговорам на тех или иных площадках, поскольку результат международных переговоров зачастую закладывает основы социальной и политической жизни. Именно общество, согласно И. Нойманну создаёт «места из пространства и площадки из мест». Помимо этого, он обращает внимание, что на работу дипломатов стремятся оказать непосредственное влияние представители СМИ, бизнеса, оппозиции и активисты.

Дипломатия изучается в книге как социальное явление, которое формируется за счет того, каким образом СМИ, школьная программа, литература и искусство изображают дипломатов и их ремесло. Наконец, И. Нойманн уделяет большое внимание «виртуальному» аспекту дипломатии, под которым он подразумевает работу воображения и гиперпространственное взаимодействие в дипломатической практике. В качестве примера гиперпространственных площадок он приводит межгалактическую дипломатию из популярной франшизы и сериала «Звездный путь», вещание которого повлекло за собой появление новых мероприятий (конвенций фанатов) и общественную реакцию, которая продемонстрировала интерес к проблематике дипломатии. Для анализа работы воображения человека во время дипломатических встреч И. Нойманн вводит понятие «sublime diplomasy» (возвышенная дипломатия), которую он объясняет как действия, приводящие к исчезновению в воображении физических площадок по сравнению с образами, формируемыми сознанием. Наконец, в качестве примера «виртуального» элемента дипломатии автор приводит моделирование ситуации — представление сторонами возможностей позитивных или негативных изменений в зависимости от исхода переговоров.

Во введении автор, как и многие другие современные исследователи дипломатии, обращается к вопросу устаревания дипломатии под влиянием процессов глобализации. Здесь он уточняет, что если воспринимать дипломатию в ее традиционном значении, а именно как письменный обмен документами между государствами, где государство — централизованная иерархическая политическая общность с четко установленными границами, то глобализация действительно является ключевым вызовом дипломатии. Однако если рассмотреть дипломатию в более широком ее значении, а точнее как взаимодействие политических общностей при помощи посредников, то глобализация не представляет угрозы современной дипломатии.

В качестве основных изменений, вызванных глобализацией, автор называет явления детерриторизации и ретерриторизации, в рамках которых возникают новые площадки взаимодействия, и, следовательно, может требоваться смягчение напряженности дипломатами. Хотя И. Нойманн замечает, что значительные пространственные изменения происходили и ранее, в частности, до создания государств и разделения политики на внутреннюю и внешнюю, внешние сношения осуществлялись теми же людьми, которые имели дело со знатью своего государства. Согласно мнению автора, еще одно существенное новшество, вызванное как глобализацией, так и предшествовавшей ей интернационализацией, заключается в усилении взаимодействия общества и государства. Большее вовлечение общества в вопросы внешней политики было одним из требований «новой дипломатии», попытки по реализации которой начали предприниматься после Первой мировой войны. Автор обращает внимание, что впоследствии данная тенденция получила развитие — обычным делом стала

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68–75.

многосторонняя дипломатия, гораздо большую роль играют СМИ, зачастую публикуемые новости требуют реакции дипломатов. Благодаря глобализации, увеличилось количество целевых групп, получающих информацию от дипломатов, а также способность этих групп активно реагировать на деятельность внешнеполитических ведомств. Наконец, стал более демократичным и набор кадров на дипломатическую службу. Если ранее дипломатами могли стать только аристократы, то постепенно к этой профессии стали привлекаться представители буржуазии, женщины, выходцы из этнических меньшинств и другие ранее маргинализованные группы.

Первая глава книги посвящена Европе как предполагаемому месту происхождения дипломатии. Автор обращается к данной теме в связи с набирающей популярность в общественных науках дискуссией о евроцентризме в изучении дипломатии. Для обращения к проблематике евроцентризма И. Нойманн предлагает проанализировать мифы как неизбежное социальное явление дипломатии. Для этой задачи автор применяет подход антропологов К. Гиртца и М. Салина о мифах и нарративах социального общения.

Для автора элемент мифа представляется весьма важным, поскольку, по его мнению, мифы составляют основной уровень дискурса о дипломатии (т.к. они предшествуют началу дипломатических отношений). И. Нойманн замечает, что существование собственных мифов далеко не всегда осознается сторонами. На уровень мифов наслаиваются нарративы социального общения и непосредственно элементы дипломатической практики (вопросы соглашений, аккредитации, протокола и др.). Таким образом, «политические мифы образуют нарративы общественной жизни, а дипломатия вырастает из столкновения нарративов общественных отношений» [3; 19].

В главе автор выражает критическое отношение ко многим мифам, рожденным евроцентризмом дипломатической практики и ее изучения. В частности, автор критикует европейское представление о дипломатии как об исключительно мирной практике — данное суждение не учитывает периоды европейских завоеваний и колониализма. В этой трактовке дипломатии также не учитывается использование военных угроз в переговорах в Древней Греции и в другие периоды развития европейской цивилизации. Помимо этого, автор приводит примеры ценности мира и ненасилия в дипломатических практиках в других частях света, в частности это сохранившиеся данные о дипломатии племени Ирокезов [3; 16–31]. Анализируя миф об уникальном вкладе Европы в дипломатическую практику, автор обращает внимание на существующие практически во всех древних дипломатических системах мира апелляции к родству и мирному взаимодействию между общностями, обмену подарками и совместной трапезе.

Однако есть и особенности «европейского мифа». Автор предполагает, что, поскольку все дипломатические системы основываются на метафорах религии и родства, ключевую роль для европейской дипломатии играет именно христианство. В подтверждение этой мысли автор приводит существовавшие на стадии зарождения западноевропейской дипломатии нарративы о «божьей» (миротворческой) работе дипломатов, позиционирование правителей в рамках христианства, существование иерархии государств (и их представительств) в зависимости от времени принятия христианства, многочисленные обряды (например, целование креста), предполагающие присутствие высших сил и небесного наказания.

Автор настаивает, что, несмотря на дальнейшее распространение политических ценностей Эпохи просвещения, этатизма и светскости, эти явления не исключили роль мифа и религии в дипломатии. Это, например, проявилось при создании Священного союза России, Австрии и Пруссии, когда правители объявили себя «братьями во Христе». В качестве основных примеров И. Нойманн рассматривает три дипломатических явления: иммунитет послов, постоянное представительство и дипломатический корпус. В доказательство существовавшего дискурса о священности посла и иммунитета как продления его безопасности И. Нойманн приводит сноски из «первого в мире учебника для послов» под авторством Бертрана де Росье 1436 года. Автор настаивает, что дипломатический иммунитет в Европе появился в первую очередь как культурно-специфическая черта, и только затем как функциональная. Религиозная природа происхождения постоянных представительств и дипломатических корпусов проявляется в первичности церковных обменов послами, а также в более высоком положении в дипломатическом корпусе папских нунциев, которое и сегодня сохраняется в Германии и странах Латинской Америки.

В завершении главы автор высказывает мысль, что современная дипломатия евроцентрична, и это дает Европе преимущество в современной дипломатической системе. С точки зрения автора, основным вызовом евроцентричной дипломатии являются не глобализация или деколонизация, а подъем новых неевропейских держав, в результате чего произойдет смена «западной гегемонии». Автор сообщает, что наибольшим потенциалом в этом плане обладают государства БРИК, но т.к. Россия уже была

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68-75.

мировой державой, исследователь уделяет большее внимание Бразилии, Индии и Китаю. С одной стороны, И. Нойманн заявляет, что подъем БРИК определенно не приведет к кризису системы, поскольку, несмотря на существующие особенности дипломатии этих стран (стремление к жесткой иерархии, геополитическое мышление), все эти государства переняли европейские стандарты дипломатической практики. С другой стороны, автор предполагает, что применение правил не означает полное с ними согласие, также его интересуют возможности прихода к власти оппозиционных сил в Индии и Китае, что могло бы привести к пересмотру политики в этих странах.

Вторая глава называется «Дипломатия за столом» и посвящена такому традиционному аспекту дипломатической деятельности, как трапезы по время приема иностранных представителей. Первая часть главы посвящена антропологическому анализу совместной трапезы и историческим особенностям дипломатических обедов в разных политических общностях.

Обращаясь к истории, И. Нойманн замечает, что пища зачастую выступала в качестве источника формирования групповой идентичности и непонимания других политических групп. Так, у каждой культуры были и есть свои табу, связанные с пищей; существуют свидетельства о том, что 6500 лет назад культуры делились на рыбо- и мясоедные даже при наличии других источников питания; в Древней Греции во время обедов социальная стратификация обозначалась не только местом людей за столом, но и материалами, из которых была сделана посуда. Автор также указывает на существенные различия отдельных культур (таких как Древний Рим, Византия, Монголия, страны Скандинавии), касающиеся вопросов совместного употребления пищи, разговоров за столом, наказаний за недостаточно «теплый» прием и антуража помещений, где проходила трапеза. Таким образом, И. Нойманн разбирает становление гостеприимства в качестве одного из важнейших дипломатических институтов, отражающих статус правителей. Рассматривая историческое развитие дипломатических трапез, автор уделяет большое внимание появлению ресторанов в XVIII веке. Вторая часть главы посвящена особенностям дипломатических обедов в XX — начале XXI в. Для анализа нюансов подготовки и проведения дипломатических приемов Нойманн использует свой опыт работы в МИДе Норвегии. Автором освещаются детали подготовки государственных визитов, вопросы привлечения соответствующих специалистов, особенности выбора развлечения для гостей, которое должно соответствовать случаю, составление меню, выбор помещения, регламент проведения торжества и освещение в СМИ.

Наконец, автор уделяет внимание трем основным подходам к организации трапез для дипломатических приемов: использование своей национальной кухни, которая, по мнению дипломатов, определяет мировые стандарты (примерами служат французская, византийская, китайская и итальянская кухни); выбор «международной» кухни и использование наилучших ингредиентов на данный сезон (этот подход практикуется в Японии и Германии), стремление «маркетировать» свою национальную кухню, попытки вывести национальные блюда на новый уровень (автор наблюдал применение данного подхода в Норвегии и Украине). И. Нойманн пишет, что в течение всего XX века в Норвегии велись споры между сторонниками «элитистского» и «демократического» (или «народного») подходов к дипломатическому протоколу и государственным приемам, но именно второй подход, сторонником которого является сам И. Нойманн, получил распространение в Норвегии.

Третья глава «Медиация третьей стороной» посвящена особенностям современного урегулирования конфликтов, границы которых после окончания холодной войны все чаще не совпадают с государственными. Данное изменение не могло не коснуться дипломатов. Если раньше дипломаты вели переговоры на поле боя между государствами, то теперь основными сторонами конфликта являются государство и отчужденные индивиды. Урегулирование данных конфликтов осуществляется в форме медиации и восстановительной работы. Автор обращает внимание, что медиация во внутригосударственном конфликте предполагает равное отношение и к государству, и к негосударственному объединению, хотя традиционная дипломатия отличалась лояльностью исключительно к государственным институтам. Можно добавить, что большая часть определений дипломатии предполагает взаимодействие признающих друг друга политических сообществ.

В этой главе автор подчеркивает, что богатые западные государства среднего и небольшого размера тратят все больше средств и усилий на поддержание текущей системы международных отношений. Примерами этому служат постоянные представительства таких государств, как Швейцария и Швеция, количество работников в которых зачастую превышает минимальные государственные требования; случаи выступления Швейцарии в качестве представителя других государств (таких как США) на Кубе в период правления Ф. Кастро; вклад Голландии в развитие международного права и так далее. Норвегия, которой уделяется большое внимание в данной главе, институционализировала

посредничество как направление дипломатии, этому примеру последовала и Ирландия.

Автор выдвигает 3 тезиса, почему небольшим развитым государствам выгодно данное направление дипломатии:

- небольшие государства заинтересованы в максимальной институционализации, т. к. не способны самостоятельно использовать военные механизмы (как великие державы);

- чем больше институционализации, тем больше транспарентности, и тем меньше возможность тайных сговоров государств. При данном раскладе небольшим государствам предоставляется место за столом переговоров и во время принятия решений;

- в условиях глобализации даже малые локальные конфликты в мире могут значительно повлиять на небольшие государства, поэтому они заинтересованы в превентивных действиях и в восстановлении общественного порядка.

И. Нойманн также характеризует данное направление деятельности как возможное противодействие новым восходящим державам.

В данной главе, основываясь на работах А. Уотсона и Г. Киссинджера, посвященных дипломатии, автор уделяет внимание теоретическим аспектам сочетания борьбы за национальные интересы и компромиссов, свойственных дипломатии небольших государств. Нойманн обращает внимание, что с точки зрения структурного реализма, дипломатия представляет собой продолжение баланса сил, хотя в эту картину не вписывается особая активность некоторых небольших государств.

Во второй части главы автор рассуждает об особенностях норвежской политики посредничества, а также приводит достаточно любопытный исторический пример медиации в африканском бесклассовом («анархическом») обществе Нуэр. Медиацией в племенах этого народа занимался «человек в леопардовой шкуре», ведущий свою деятельность в «неприкосновенной» хижине; однако этот медиатор не имел значительных материальных ценностей, не действовал от лица правителя и не пользовался авторитетом среди соплеменников, во время сеансов соплеменники могли его перебивать и не слушать.

Сравнивая эту ситуацию с международными отношениями, автор рассуждает о влиянии власти на деятельность по поддержанию системы. В качестве примера вовлечения сильных действующих лиц в этот процесс приводится система Европейского концерта наций, а в качестве менее сильных акторов — современная Норвегия, небольшие европейские страны и глобальные НПО.

Причины сильной вовлеченности Норвегии в миростроительные процессы автор видит в особенностях исторического развития страны: в XIX в. государственные лидеры Норвегии были членами международного мирного движения, в стране существовала развитая миссионерская традиция и сильное интернациональное движение рабочих. В XX в. Норвегия активно выступала за создание международных институтов (Лига Наций, ООН) и помощь развивающимся странам (в 1970-х гг. Норвегия была одним из немногих государств, согласившихся перечислять 1% ВВП на программы мирового развития), а также стала участницей проекта «The World Orders Model Project».

Анализируя миротворческую деятельность Норвегии, автор приводит исторические примеры успешного и менее успешного посредничества; особое внимание он уделяет международной деятельности Йенса Столтенберга и Яна Эгланда в ООН и МИДе Норвегии в 1980-е гг. Именно в этот период были заложены основы «Норвежской модели» посредничества в конфликтах, которая заключается в использовании неформальных сетей заинтересованных активистов, непосредственном сотрудничестве МИД с НПО и сдерживании институционализации миротворческой деятельности, которая все-таки произошла в 2004 году, когда был учрежден Отдел Мира и Примирения МИД Норвегии. Еще одной важной характеристикой стало минимальное вмешательство в сами переговоры: задачей норвежских дипломатов и активистов становилось определение сторон конфликта, привлечение их к диалогу на базе уже существующих или новых связей, создание инфраструктуры для переговоров, обеспечение безопасности площадки для общения сторон и мониторинг заключаемых соглашений [3; 89—92].

В **четвертой главе**, посвященной франшизе и сериалу «Звездный путь», автор сравнивает изображение дипломатии в сериале и в политике США, родине сериала и мировом лидере. «Звездный путь» в силу популярности франшизы рассматривается автором как культурный артефакт, как виртуальная площадка массовой культуры, характеризующаяся большой вовлеченностью сообщества фанатов. В 1989 г. продюсеры сериала решили сделать «Звездный путь» единственным сериалом сетевого телевидения, куда зрители могли присылать свои сценарии для дальнейшей экранизации. Широкое взаимодействие с обществом, конвенции фанатов и отдельные академические труды, согласно И. Нойманну, превратили «Звездный путь» в «гиперпространственную» площадку — частично

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68–75.

«материальную» и частично «виртуальную». Автор замечает, что эта гибридность свойственна и другим современным явлениям — социальным сетям и новым СМИ. Большинство МИД осознают необходимость данных площадок общения с аудиторией и используют их для реализации публичной дипломатии.

Для анализа роли франшизы в конструировании общественного представления о дипломатии автор использует подход Стивена Гринблатта, который писал о взаимодействии между текстами Шекспира и публикой, изучая коллективное сотворение отдельных культурных практик и их взаимоотношения.

Автор сообщает, что в силу своей популярности сериал знакомил зрителей с проблемами налаживания дипломатических отношений с незнакомыми цивилизациями, ролью мифов при первом контакте (в сериале практически всегда первостепенную роль играет религия обществ), вопросами дипломатических подарков и проблемами технологического прогресса. Так, Федерация планет (один из главных политических институтов межгалактических отношений) не устанавливает дипломатические отношения с менее развитыми видами, а более совершенные виды не желают сотрудничать с Федерацией. Автор проводит параллель с развитием дипломатии в XIX в., когда степень цивилизованности политических общностей определяла положение государств в иерархии системы международных отношений.

И. Нойманн выделяет две немногочисленные общественные группы — фанаты сериала и уфологи, которые различно рассматривают вопрос межгалактической народной дипломатии, однако для изучения дипломатии более интересно то, насколько они отражают общий взгляд на это явление.

Говоря об особенностях американской дипломатии, И. Нойманн обращает внимание на то, что с самого основания США, американская дипломатия противопоставлялась дипломатии Старого Света: если европейские дипломаты были аристократами, представляющими интересы конкретных монархов и дворов, то предполагалось, что американские посланники в силу демократического политического устройства государства могут отстаивать интересы народа, человечества. Нежелание иметь дело с недемократичными правительствами Европы привело к первоначальному изоляционизму США: первый американский посол был отправлен в Европу лишь в 1893 г.

Данное направление мысли прослеживается и в дипломатии XX в., когда США отказывались от установления дипломатических отношений с потенциальными противниками (РСФСР и СССР в 1917—1933 гг., КНР в 1949—1972 гг., Ливия в 1969—2003 гг., Вьетнам в 1975—1994 гг. и т. д.) и предпочитали заключать единичные соглашения вместо построения длительных отношений. Специфически складывались отношения США с ООН. Автор приводит высказывание Джесси Хелмса, председателя Комитета Сената по внешним связям о том, что ООН нелегитимна, т.к. четверть стран, состоящих в этой организации, являются тоталитарными диктатурами, не заинтересованными в ликвидации тираний в других государствах.

И. Нойманн обращает внимание, что в современной дипломатии США и изображении дипломатии в «Звездном пути» прослеживаются два представления о дипломатии: реалистский, согласно которому дипломатия — империалистская и гомогенизирующая практика, и идеалистский, согласно которому, дипломатия универсальна и допускает признание различий. Автор приводит примеры, когда создатели сериала уделяют внимание риторике, альтернативной универсалистскому представлению о дипломатии федерацией планет. С точки зрения автора, ценным сериал делает как раз факт изображения различных трактовок ключевых явлений межпланетных отношений. Также немаловажно и изображение того, как идентичность и представления о «других» обществах влияют на выбор линии поведения акторов.

Конечно, автор признает, что у сериалов есть свои ограничения, в частности, законы зрелищности: изображение рутинной дипломатической работы не интересует широкую публику, поэтому внимание уделяется драматическим изменениям и отклонениям от нормы. Также интересна мысль автора, что в целом процесс «становления» более интересен западной культуре, чем статичное «пробывание».

В **пятой главе** автор вводит понятие «sublime diplomasy», которое можно перевести как «возвышенная дипломатия». Данный вид дипломатии предполагает применение различных инструментов с целью ошеломить или убедить другую сторону в величии представляемого актора. Целью данного вида дипломатии является получение расположения другой стороны, создание определенной репутации.

Обращаясь к древним и современным трудам, автор рассуждает об источниках или способах создания ощущения «возвышенности», способного к дезориентации определённой аудитории. В качестве одной из версий возникновения он цитирует лингвиста Расселла, согласно которому

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68–75.

образованные люди не восхищаются откровенной успешностью или величием людей — их восхищает тот, кто имеет возможность от этого отказаться. Говоря о византийской дипломатии как об одном из ярчайших примеров «возвышенной» дипломатии, автор обращает внимание, что наряду с пышными пирами иногда император общался с иностранными посланниками в обычном одеянии и в шатре. Основываясь на работе Эдмунда Бёрка, в качестве других возможных инструментов ошеломления сторон в период старой дипломатии И. Нойманн упоминает внушаемый правителями страх. Ещё одним элементом «возвышенной» дипломатии является впечатление, которое производит на население факт мирного общения правителя с представителями неизвестных им земель. Автор также приходит к выводу, что доминирующим становится европейская трактовка возвышенной дипломатии, достигаемая за счет создания ощущения непринужденности.

Исследователь задается вопросом, есть ли элементы возвышенности, способные ошеломлять аудиторию, в работе современных министерств иностранных дел. И. Нойманн завершает главу мыслью о том, что современная мировая политика находится в постоянной необходимости медиации и разрешения кризисов, поэтому сохраняется не только актуальность целей дипломатии, но и ее «возвышающие» качества.

В заключении к книге И. Нойманн рассуждает о двух тенденциях изменения дипломатии: слияние «виртуальных» и «материальных» площадок, в результате чего образуются площадки-гибриды, и увеличение роли ежедневной дипломатической деятельности. Говоря о первой тенденции, автор делает оговорку, что виртуальный аспект дипломатии существовал еще в период ее зарождения — древние договоры заключались «при участии» богов полities, да и сама представительская функция дипломатии всегда имела виртуальный характер. На сегодняшний день первая тенденция выражается в большем круге акторов, заинтересованных в дипломатии, чьи интересы стоит учитывать. Вторая тенденция заключается в большей доступности информации о рутинной работе правительств, монархов и дипломатов. Автор высказывает мысль, что современная дипломатия нуждается в улучшении репутации за счет ассоциации дипломатии с миротворчеством, а не войной и колониализмом. Именно эти изменения позволят дипломатии оставаться актуальной и «зрелой» профессией. [3]

В заключение можно сказать, что данная книга будет интересна ученым, студентам вузов, изучающим теорию и практику дипломатии, а также людям, непосредственно занимающимся дипломатической деятельностью. Хотя следует заметить, что данное исследование И. Нойманна не лишено недостатков. К примеру, проблеме появления неевропейских акторов, которые, с точки зрения Нойманна представляют наиболее серьёзную угрозу существующей дипломатической системе, посвящено всего несколько абзацев. Учитывая растущий интерес на Западе к неевропейским контекстам дипломатии, автор мог бы уделить больше внимания данному вопросу. Помимо этого, подход автора к проблематике современной дипломатии может показаться недостаточно комплексным, поскольку И. Нойманн, выбирая тематику дипломатических площадок, оставляет многие примеры неизученными.

Несмотря на вышесказанное, очевидно, что автор книги хотел привлечь внимание к нетрадиционным подходам к дипломатии и в целом побудить исследователей развивать новые концепции для анализа традиционных явлений международных отношений. С этой задачей Ивэр Нойманн, безусловно, справился.

Список литературы

1. Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse and B. A. Simmons, London: SAGE Publications Ltd, 2005. P. 212.
2. Murray S. Reordering Diplomatic Theory For the Twenty-first Century: A tripartite approach [Electronic resource]/ S. Murray, - 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://epublications.bond.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=theses>, свободный. (Дата обращения: 04.06.2015).
3. Neumann I. Diplomatic Sites: A Critical Enquiry. N. Y.: Columbia University Press, 2013, 190 p.

References

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование) // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 1. С. 68-75.

---

1. Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse and B. A. Simmons, London: SAGE Publications Ltd, 2005. P. 212.
2. Murray S. Reordering Diplomatic Theory For the Twenty-first Century: A tripartite approach [Electronic resource]/ S. Murray, - 2006. [Electronic resource]. URL: <http://epublications.bond.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=theses> (accessed: 04.06.2015).
3. Neumann I. Diplomatic Sites: A Critical Enquiry. N. Y.: Columbia University Press, 2013, 190 p.

Review of the book Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 P.

**SMIRNOVA
Alexandra**

*Lecturer, Department of World History, Political Science
and International Relations,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

Keywords:
*

Summary:
*

«Ресурсы и безопасность в глобализированной Арктике»

**ЯРОВОЙ
Глеб
Олегович**

*кандидат политических наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, gleb.yarovoy@mail.ru*

Ключевые слова:
*

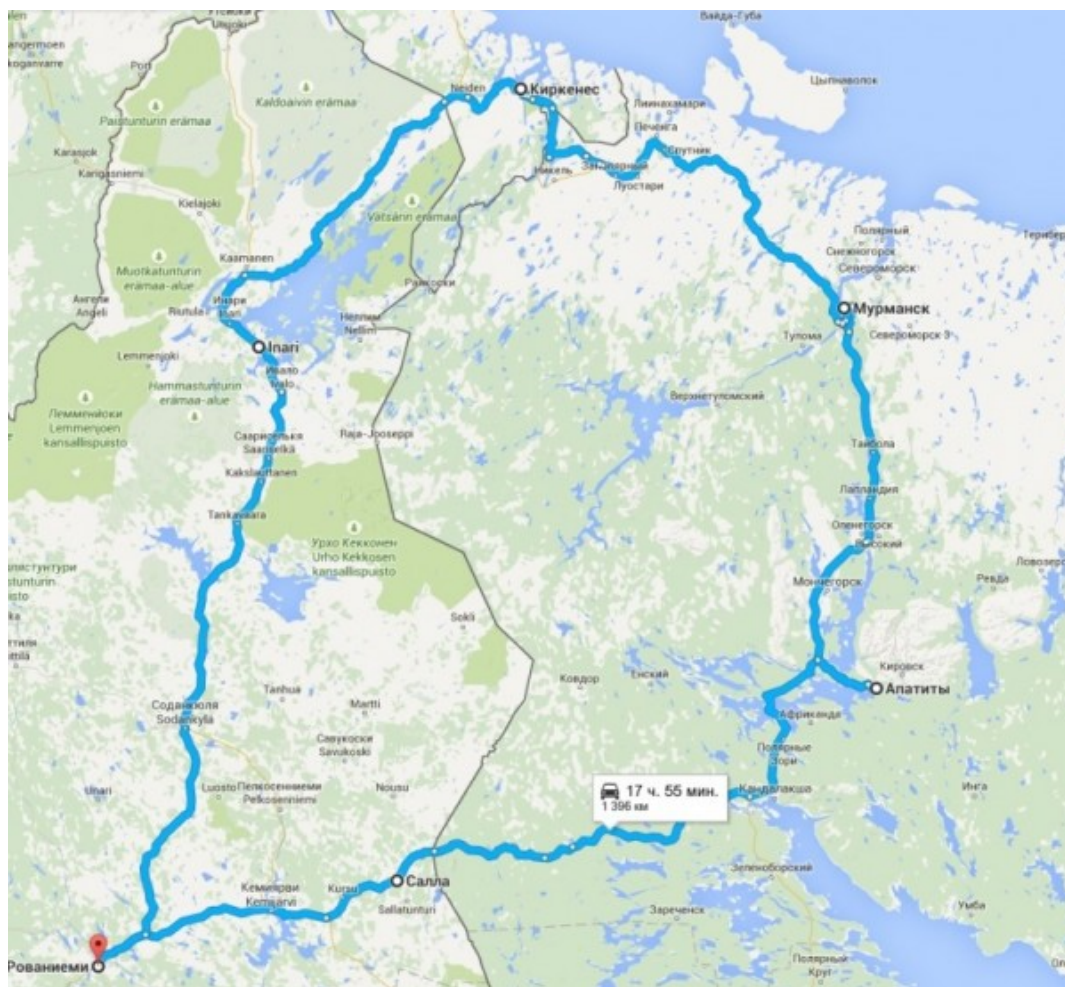
Аннотация:
*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

Под таким названием состоялась в 2015 году ежегодная международная научная конференция «Академия Калотта». Академия Калотта — уникальный научный симпозиум, участники которого путешествуют по арктическим регионам Северных стран и России чтобы, с одной стороны, поделиться друг с другом последними научными достижениями и идеями, а с другой — пообщаться с представителями местных сообществ, и убедиться, насколько разнообразной может быть европейская Арктика. В этом году Академия прошла сразу в шести городах трех стран: Рованиemi, Салла и Инари (Финляндия), Апатиты и Мурманск (Россия) и Киркенес (Норвегия).

В каждом из городов состоялась как минимум одна рабочая сессия. Где-то (как, например, в Мурманске и Салла) сессии состояли из одной-двух презентаций, а где-то (например, в Апатитах) за один рабочий день участникам удалось обсудить более десяти научных докладов. К слову, еще одной отличительной особенностью Академии от большинства научных мероприятий, и ее важным преимуществом, является ориентация организаторов — Северного исследовательского форума и Лапландского университета — на научную дискуссию. В целом, на обсуждение докладов отводится даже больше времени, чем на сами презентации.

Следует отметить и такую важную миссию Академии как «миростроительство», или создание атмосферы доверия между представителями академического сообщества разных стран: участники конференции (около 50 человек) представляли более 10 национальностей, среди которых русские, американцы, канадцы, французы, немцы, австрийцы, чехи и представители всех Северных стран. Не случайно предыстория Академии Калотта уходит корнями в последние годы эпохи биполярного противостояния: своеобразную эстафетную палочку этой конференции передала ее предшественница, Летняя Академия Кухмо. Летняя Академия Кухмо была основана в 1986 году, а первые заседания прошли летом 1987 года в двух городах — Кухмо (Финляндия) и Костомукша (Россия) [7; 171]. Академия Кухмо стала местом встреч ученых, политиков и представителей общественных организаций двух стран. Ее традиции, но в уже гораздо более широком формате и с большим академическим уклоном, продолжает Академия Калотта.

Академия позиционирует себя как международный форум, призванный содействовать созданию междисциплинарного научного дискурса и взаимодействию между учеными, ориентированными на изучение политической проблематики, и широким кругом общественных и политических акторов в Баренц-регионе.

Основной тематикой Академии всегда оставались вопросы международного взаимодействия и обеспечения безопасности на Севере Европы [3], в том числе, в ее региональном аспекте [5]. В последние годы, однако, темой очередной Академии все чаще становится арктическая проблематика. Не стал исключением и 2015 год.

Академическая программа конференции, около 40 докладов, была разделена на шесть взаимосвязанных сессий:

1. Ресурсы, энергетика и безопасность
2. Управление изменениями окружающей среды
3. Человеческий и социальный капитал Арктики
4. Международное сотрудничество, стратегии арктических государств, научная дипломатия и безопасность
5. Устойчивое региональное развитие
6. Окружающая среда, военные стратегии и безопасность

Как видно из представленного списка, проблематика безопасности трактуется организаторам и участникам весьма широко. Как таковые аспекты «традиционной», военной, безопасности заявлены лишь на последней сессии, да и то в основном в увязке с вопросами окружающей среды. Единственным, напрямую посвященным милитаризации Арктики, стало выступление Барборы Падртовой, исследовательницы из Чехии (Масариков Университет), «Как влияет на сотрудничество в Арктике наращивание Россией военной мощи и агрессивной риторики?»

В своем выступлении Б. Падртова лишь в общих чертах обозначила свои опасения относительно того, что набирающая силу модернизация российских вооружённых сил может сказаться на изменении в пользу России регионального баланса вооружений в Арктике. Этот факт, наравне с отсутствием должной прозрачности военного бюджета и неоднозначных планов Кремля в отношении дальнейшей милитаризации региона, может, по мнению исследовательницы, сказаться на ухудшении международного имиджа России и ее стратегических позиций. Более того, милитаризация российской части Арктики может привести к ответной реакции других арктических государств (вероятно, в первую очередь имелись в виду США, Канада и Норвегия), негативному воздействию на региональную стабильность и безопасность, обусловив секьюритизацию арктического сотрудничества.

Следует отметить, что подобную трактовку процесса модернизации российских вооруженных сил разделяют далеко не все, и даже не большинство коллег Б. Падртовой. Подобные выступления, которые звучат на большинстве международных арктических конференций [2], вызывают активное обсуждение. В большинстве случаев исследователи не усматривают прямой связи между совершенствованием военного потенциала той или иной страны, и секьюритизацией арктической повестки дня. Аргументы против подобных алармистских заявлений обычно сводятся к следующим, довольно тривиальным, возражениям: во-первых, совершенствованием вооружений занимается большинство стран, у которых есть вооруженные силы, и арктические государства вовсе не являются исключением. Во-вторых, «агрессивная риторика» это своеобразный «закон жанра», когда дело касается национальных интересов. Таким образом, подобной риторике следуют не только российские высокопоставленные политики, но и «западные» (да и «восточные», добавим, тоже). В-третьих, пока все попытки поставить на повестку дня арктического сотрудничества вопросы, которые бы привели к секьюритизации этой повестки, не увенчались успехом. Попытки такие действительно предпринимались. В частности, на последнем заседании Арктического совета под канадским председательством (2013—2015 гг.), которое прошло в Икалуите в апреле 2015 года, была сделана попытка обсуждения украинского кризиса, которая, однако, не увенчалась успехом. С одной стороны, это позволило некоторым наблюдателям говорить о «противостоянии» Арктического совета с «остальным миром» [6], а с другой — стало доказательством устойчивости региональных институтов и стремления к развитию позитивных форм международной кооперации. Есть надежда, что данная тенденция сохранится и в период председательства США в Совете в 2015—2017 годах. Во всяком случае, приоритетным направлением сотрудничества на этот период обозначена экология [4].

Данная дискуссия — о перспективах милитаризации Арктики и ее возможных последствиях — обращает на себя внимание не только собственно содержательной стороной (хотя, бесспорно, данный диспут интересен сам по себе), но и «духом».

Во-первых, дух этот передает атмосферу доверия и взаимопонимания в рядах арктического академического сообщества, в целом адекватно реагирующего на внешнеполитические проблемы и глобальные вызовы безопасности. Помимо собственно научного диалога, связи и контакты между исследователями разных стран вполне способны положительно влиять и на официальные отношения между государствами. Этому аспекту арктического сотрудничества был посвящен доклад первого в истории «Баренц-профессора» Расмуса Бертельсена (Университет Тромсё) «Арктическая научная

дипломатия Китая». По мнению исследователя, «мягкая мощь» Китая в Арктике строится во многом на основе «научной дипломатии»: Китай стремится к имиджу великой державы, для которой наука является одним из признаков «великости», Китай выходит на арктическую арену посредством финансирования научных исследований, наука помогает Китаю создать имидж легитимного арктического игрока, благодаря научным контактам Китай выстраивает позитивные отношения с арктическими государствами. Таким образом, развитие научного сотрудничества в Арктике в период внешнеполитического кризиса приобретает важное, а порой и решающее значение для арктических государств.

Во-вторых, красной нитью через научные дискуссии проходит экологическая тематика. Даже в тех случаях, когда тема не касается напрямую окружающей среды, вопросы изменения климата не уходят с повестки дня. Так, четыре из шести сессий Академии Калотта этого года были прямо связаны с экологической проблематикой, оставшиеся две были связаны с ней косвенно: вопросы продовольственной безопасности, проблемы традиционного образа жизни коренных народов, перспективы добычи природных ресурсов в Арктике, развитие Северного морского пути как результат таяния льдов, последствия военной активности в Арктике в период Холодной войны для окружающей среды и т.д., — все доклады в той или иной степени отражали тот факт, что главным вызовом безопасности региона остается не военная, а экологическая составляющая.

В-третьих, дискуссия показала, что международное научное сообщество живо интересуется российской проблематикой и с оптимизмом воспринимает любые позитивные сигналы о российской арктической стратегии. В частности, в докладах российских участников прозвучала важная мысль о том, что согласно действующим стратегическим документам, в первую очередь, «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», аспекты «мягкой» безопасности и развития международного сотрудничества занимают первые пять из шести приоритетных направлений. А реализовывать арктическую стратегию призвана недавно созданная Государственная комиссия по развитию Арктики, в составе которой представители крупного бизнеса, региональные руководители, политики, основная часть которых представлена министерствами, отвечающими за социально-экономическое развитие страны. В частности, заместителями председателя Комиссии стали министры природных ресурсов и экологии, образования и науки, энергетики, экономического развития, транспорта, а также первый заместитель Министра иностранных дел РФ. Таким образом, в центре внимания комиссии будут находиться вопросы экономического освоения Крайнего Севера России. Такой настрой на первом же заседании комиссии подчеркнул ее председатель, вице-премьер правительства РФ Дмитрий Рогозин, заявивший, «что задача состоит не в милитаризации этого региона, а в реализации здесь экономических интересов России» [1].

Следует отметить, однако, что фигура Д. Рогозина во главе Комиссии вряд ли сможет стать дополнительным аргументом в пользу мирного характера российской арктической стратегии. Д. Рогозин (в правительстве РФ курирует обеспечение национальной обороны, мобилизационную подготовку, развитие оборонно-промышленного комплекса, выполнение госпрограммы вооружения и гособоронзаказа, атомную и ракетно-промышленную политику и осуществление атомного надзора) включен в «санкционный» список политиков, которым отказано в посещении западных стран, а сам вице-премьер порой позволяет себе нелестные комментарии в отношении не только своих оппонентов на Западе, но и западного общества в целом.

Вместе с тем, на конференции российская проблематика была не единственной и даже не основной. Убедиться в этом можно ознакомившись с программой конференции, тезисами выступлений участников, а также с отчетом о конференции, который публикуется на сайте Северного исследовательского форума: <http://www.rha.is/nrf/publications/books-and-publications/books-reports>. Все заинтересованные исследователи могут следить за объявлениями о проведении следующих Академий Калотта на указанном сайте или на сайте Университета Арктики <http://www.uarctic.org>.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Список литературы

1. Емельяненко А. Полюс досягаемости. На комиссии по развитию Арктики наметили стратегию и ключевые задачи // *Российская газета*, 14.04.2015. [Электронный ресурс]. URL:

- <http://www.rg.ru/2015/04/15/arktika.html>, свободный. (Дата обращения 30.10.2015).
2. Яровой Г. О. «Арктический круг — 2014»: фокус на вопросах безопасности // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. С. 127—130. [Электронный ресурс]. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=2981>, свободный. (Дата обращения: 30.10.2015).
  3. Grönick R., Päiviö L., Waller M. (eds.) *Vital North! Security, Democracy, Civil Society*. The Calotte Academy. Helsinki: The Finnish Committee for European Security (STETE), 1999.
  4. Haines L. United States takes charge of the Arctic Council, prioritizes the environment // *Barents Observer*, 29.04.2015. URL: <http://barentsobserver.com/ru/node/28819>, свободный. (Дата обращения: 30.10.2015).
  5. Heininen L., Langlais R. (eds.) *BEARING the European North: the Northern Dimension and Alternative Scenarios*. *Arktisen keskuksen tiedotteita / Arctic Centre Reports 23*. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland, 1997.
  6. Lanteigne M. After Iqaluit. The Arctic Council vs the world? // *The Arctic Journal*, 26.04.2015. URL: <http://arcticjournal.com/opinion/1524/arctic-council-vs-world>, свободный. (Дата обращения: 30.10.2015).
  7. Tikkanen V., Kähkönen J. The evolution of cooperation in the Kuhmo-Kostamuksha Region of the Finnish-Russian Border, in Ganster P., Sweedler A., Scott J., Dieter-Eberwein W. (eds.) *Borders and Border Regions in Europe and North America*. San Diego: San Diego University Press, 1997. P. 163—176.

References:

1. Emel'yanenkov A. The pole of accessibility. Commission for Arctic Development outlined its strategy and key objectives [Polyus dosyagaemosti. Na komissii po razvitiyu Arktiki nametili strategiyu i clyuchevye zadachi] // *Rossiyskaya gazeta*, 14.04.2015. [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2015/04/15/arktika.html> (accessed 30.10.2015).
2. Yarovoy G. «Arctic Circle 2014»: Security issues in focus. [Arkticheskiy Krug 2014: Fokus na voprosakh bezopasnosti] // *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. С. 127—130. [Electronic resource]. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=2981> (accessed 30.10.2015).
3. Grönick R., Päiviö L., Waller M. (eds.) *Vital North! Security, Democracy, Civil Society*. The Calotte Academy. Helsinki: The Finnish Committee for European Security (STETE), 1999.
4. Haines L. United States takes charge of the Arctic Council, prioritizes the environment // *Barents Observer*, 29.04.2015. [Electronic resource]. URL: <http://barentsobserver.com/ru/node/28819> (accessed 30.10.2015).
5. Heininen L., Langlais R. (eds.) *BEARING the European North: the Northern Dimension and Alternative Scenarios*. *Arktisen keskuksen tiedotteita / Arctic Centre Reports 23*. Rovaniemi: Arctic Centre, University of Lapland, 1997.
6. Lanteigne M. After Iqaluit. The Arctic Council vs the world? // *The Arctic Journal*, 26.04.2015. [Electronic resource]. URL: <http://arcticjournal.com/opinion/1524/arctic-council-vs-world> (accessed 30.10.2015).
7. Tikkanen V., Kähkönen J. The evolution of cooperation in the Kuhmo-Kostamuksha Region of the Finnish-Russian Border, in Ganster P., Sweedler A., Scott J., Dieter-Eberwein W. (eds.) *Borders and Border Regions in Europe and North America*. San Diego: San Diego University Press, 1997. P. 163—176.

“Resources and Security in the Globalized Arctic”

YAROVY
Gleb

*PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk,
gleb.yarovoy@mail.ru*

Keywords:

*

Summary:

*